

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный университет им. А.М. Горького

На правах рукописи

Сарпова Ольга Васильевна

**Философия исторического познания
в трудах школы «Анналов»
(Франция, 1929 – 1994)**

Специальность 09. 00. 03 – история философии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Перцев А. В.

Екатеринбург

2004

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Специфика историко-философского подхода к анализу французской историографической школы «Анналов».....	12
1.1 Прояснение предельных оснований историографической школы как проблема историко-философской науки	13
1.2. Концепция исторического познания в школе «Анналов» как результат философского синтеза: опыт историко-философской реконструкции.....	40
Глава 2. Философские истоки учения школы «Анналов» и проблема преодоления односторонности предшествующих представлений о философии истории.....	64
Глава 3. Ментальность народа как движущая сила истории: формирование концепции и грани понимания.....	97
3.1. Л.Февр и его понимание ментальности.....	99
3.2. М. Блок: социальные подходы к изучению ментальности.....	108
3.3. Ж. Дюби и Р. Мандру: ментальность как система.....	116
3.4. Э. Ле Руа Ладюри: психологизация в изучении ментальности.....	123
3.5. Ж. Ле Гофф: ментальность через призму антропологии.....	129
Заключение.....	138
Библиография.....	142

Введение

Актуальность темы. Анализ развития России в последние полтора десятилетия заставляет пересмотреть многие представления, которые казались устоявшимися и незыблемыми. Одним из них стало представление о роли философии в жизни общества. На протяжении почти всего XX века было принято полагать, что философия есть вершина научной мудрости, опирающаяся на достижения всех частных наук: она соединяет все знания, добытые учеными, в единое научное мировоззрение. Считалось, что изучение основ философии во всех государственных учебных учреждениях - а иных просто не было - позволит донести это научное мировоззрение для всех и каждого. На таком надежном фундаменте только и может строиться и политика государства, и повседневная жизнь любого его гражданина.

Реформы, начавшиеся в 1991 году и поддержанные на выборах большинством народа России, поставили такое видение общественной миссии философии под сомнение. В демократическом обществе нет и не может быть обязательного к усвоению всеми мировоззрения, санкционированного государством. Свобода мысли и свобода слова предполагают наличие множества различных мировоззрений, выражающих жизненные позиции разных социальных слоев и групп, которые ведут между собой диалог, отстаивая собственные интересы. Такой диалог на принципах толерантности, допускающей «ненасильственное существование разномыслия» (М.Б. Хомяков), происходит на парламентской трибуне, в средствах массовой информации, а также и в университетских аудиториях. Он и позволяет определить ту политику, которая является результатом социального компромисса и позволяет учитывать интересы различных социальных субъектов.

В условиях мировоззренческого плюрализма не может быть единственной философии, которая обладала бы монополией на истину. Поскольку же философские учения, допускавшие множественность истин, в России XX века были просто не известны никому, кроме узкого круга специалистов,

стали раздаваться голоса, требующие отказаться от философии вообще как рудимента тоталитарного общества, заменить ее социологией, политологией и правом позитивистского толка, которые просто фиксируют факты и существующие тенденции, предоставляя делать мировоззренческий и жизненный выбор самому гражданину.

Времена философии, навязываемой государством «сверху» всем своим гражданам, миновали. Почти полтора десятилетия Россия живет без официального философского мировоззрения. И тем не менее нет оснований считать, что философия в России исчезла, что она утратила всякое влияние на повседневную жизнь людей. Рассматривая сегодняшнюю ситуацию в стране, остается только признать правоту И.Канта: «Чтобы дух человека когда-нибудь совершенно отказался от метафизических исследований, это также невероятно, как и то, чтобы мы когда-нибудь совершенно перестали дышать из опасения вдыхать нечистый воздух. Всегда, более того, у каждого человека, в особенности у мыслящего, будет метафизика и при отсутствии общего мерил у каждого на свой лад. То, что до сих пор считалось метафизикой, не может удовлетворять никакой пытливый ум, а совсем отказаться от метафизики невозможно, ...так как нет других средств удовлетворить эту настоятельную потребность, которая есть нечто большее, чем простая любознательность»¹.

Действительно, «у каждого человека, в особенности у мыслящего» сегодня есть своя метафизика, то есть свои представления о мире в целом, о силах, движущих им, о свободе, о возможностях человеческого познания, о той организации общества, которая была бы оптимальной. Философ по профессии может вслед за Кантом считать, что эта «жизненная философия», «профанная метафизика» неудовлетворительна, далека от научности, а порой и вовсе являет собой соединение грубо упрощенных философских рассуждений с мифологическими и религиозными представлениями. Тем не менее,

---

¹ Кант И. Прологеммы ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Соч. в шести томах. - М.: Наука, 1963-1966. Т. 4. Ч. 1. - С. 192.

факт остается фактом: сегодняшняя история России делается людьми, которые руководствуются собственными философско-мировоззренческими идеями. Не следует с просветительским высокомерием отвергать их с порога как грубые и наивные заблуждения, хотя бы потому, что, по данным статистики, четверть трудящихся россиян имеет высшее образование. Но, разумеется, не следует и считать эти «жизненные философии» адекватной заменой философии профессиональной.

Нужно просто принять как данность, что сегодняшние экономические, политические и культурные процессы направляются тем, что ранее снисходительно именовалось «обыденным сознанием». Философ никогда больше не сможет «исправлять» его, назидать массы, заручившись государственной поддержкой. Если он желает оказывать влияние на жизнь своей страны, ему придется действовать иначе, чем действовали просветители давнего и недавнего прошлого, рассчитывавшие на поддержку «просвещенных государей». Он должен изучать жизненные философии своих сограждан, выявлять логику их построения, далеко не всегда совпадающую с логикой философа по профессии; постигать не только идеи и «мнения», но и системы ценностных представлений, отстаивание которых всегда неотделимо от социальных чувств. Иначе говоря, от философа сегодня требуется понимание менталитетов различных социальных слоев и групп, на основе которого он только и сможет выработать свои собственные способы влиять на них, утверждать в них те философско-мировоззренческие представления, которые считает обоснованными и верными.

Все это и определяет актуальность историко-философского исследования тех идей, которые были положены в основу теории исторического познания представителями школы «Анналов», то есть сообщества единомышленников, существующего во Франции с конца двадцатых годов XX века. Используемое в данной работе название – *школа «Анналов»* – достаточно условно, хотя и является распространенным и устоявшимся в научной литературе. Так принято называть тех исследователей, которых объединяет не формаль-

ный признак (совместная работа в одном из университетов или научных центров), а приверженность некоторым общим принципам, которыми они руководствуются в исторических и культурологических исследованиях. Именно приверженность этим принципам и отличает тех, кто публиковался и публикуется в журнале «Анналы». Название журнала выступает в данном случае - точно так же, как это было с названиями российских литературных журналов, как символ определенного идейного течения, представители которого могут заниматься рассмотрением различных вопросов, действовать в разных областях, но при этом разделять некоторые исходные, фундаментальные идеи. Наиболее известными представителями школы «Анналов» являются Ф. Арьес, М. Блок, Ф. Бродель, Р. Бутрюш, А. Бюргер, М. Вовель, Ж.-И. Гренье, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф, Б. Лепти, Э. Ле Руа Ладюри, Р. Мандру, Ж. Ревель, Л. Февр, Ф. Фюре, Р. Шартье.

Теоретические основоположения школы «Анналов» не выводятся из конкретных историографических исследований, которые проводили и проводят ее представители. Они есть результат рефлексии исторической науки. Они выражают *самосознание* истории и культурологии, которое не может быть никаким иным, кроме как философским. Любая из наук, как только она ставит вопрос о своих основах, возможностях и пределах, о своем месте в культуре человечества и влиянии на жизнь человечества, неизбежно выходит за свои «частно-научные» пределы и разрабатывает свою философию, явно или неявно черпающую свои представления из философии академической. Следовательно, анализ таких предельных философских оснований, на которых конституирует себя школа «Анналов», относится к компетенции историка философии.

Актуальность такого анализа определяется тем, что на протяжении многих десятилетий школа «Анналов» занимается такими исследованиями, которые только начинаются в современной России - анализом менталитетов различных социальных групп и слоев общества. Представителями школы «Анналов» развита оригинальная философия исторического познания, со-

гласно которой *историю и культуру творит мыслящий народ*, а потому все достижения материальной культуры несут на себе отпечаток его ментальности. Исследование этой философии исторического познания, анализ ее положений способен многое прояснить и в современных российских реалиях.

Степень разработанности проблемы.

Научные труды школы «Анналов» достаточно известны и исследованы российскими и зарубежными учеными.

Оригинальная модель исторического процесса, предложенная представителями этой школы, неизбежно рассматривается и обсуждается теми исследователями, которые заняты проблемами философии истории и предлагают собственные концепции исторического развития. Различные идеи школы «Анналов» анализируются в монографиях и статьях М.А. Барга, О.Л. Вайнштейна, А.Я. Гуревича, И.Д. Ковальченко, Н.Е. Копосова, В.И. Метлова, В.М. Мучника, Л.П. Репиной, О.Ф. Русаковой, В.Г. Федотовой, К.В. Хвостовой, R.H. Brown, E.S. Gattinara.

Среди работ, непосредственно посвященных анализу научных трудов школы «Анналов», можно указать монографии и статьи А.В. Адо, К.А. Агирре Рохаса, Ф. Артоги, Ю. Н. Афанасьева, Ю.Л. Бессмертного, А. Бюргера, И. Валлерстайна, В. Вжозека, Ж.-И. Гренье, В.М. Далина, Н.Н. Зубаковой, И.С.Кона, Б. Лепти, А. Д. Люблинской, В.М. Малова, Л.А. Пименовой, А. Про, Ж. Ревеля, Л.П. Репиной, И.И. Розовской, М. Рожанского, О.Ф. Русаковой, Ю.И. Семенова, Я.Д. Серовайского, В.Р. Смирнова, М.Н. Соколовой, А.Ю. Соломеина, Л.Уокера, А.С. Ходонова, В.А. Шкуратова, М. Эмара, А.Л. Ястрембитской, P. Burke, F. Dosse, V. Lyon. Однако эти исследования посвящены разным аспектам научной деятельности школы «Анналов». Во многих из них рассматриваются конкретные достижения школы в сфере историографии и культурологии. Меньшее количество работ посвящено анализу методологии исторического познания, ее сравнению с методологией иных историографических и культурологических школ. Монографии и статьи, специально посвященные прояснению философско-мировоззренческих оснований

и истоков философии исторического познания, разработанной в школе «Анналов», до сих пор отсутствуют.

Поскольку главной темой данной работы является анализ понимания менталитета в школе «Анналов», мы, разумеется, не можем обойти вниманием те статьи и монографии российских и зарубежных авторов, которые были посвящены раскрытию содержания понятия «менталитет» и возможности применения его в гуманитарных науках. Среди таких исследований, посвященных анализу понятия «менталитет» и близких ему по содержанию, следует назвать работы П. Арискина, Ю.В. Бромляя, А.П.Бутенко, М. Вебера, В.П. Визгина, У. Джемса, А. Я. Гуревича, И.Канта, А.С. Кармина, П. Козловски, Ю.В. Колесниченко, В.Г. Кусова, Л. Леви-Брюля, Б.В. Маркова, М. Оссовской, А. Пиррена, А.В. Перцева, В.К. Трофимова, У. Уокера, Й. Хейзинги, В.А. Шкуратова.

Объект исследования: концепция философии истории, развитая представителями первых трех поколений школы «Анналов» (1929-1994гг.)

Предмет исследования: философские основания концепции философии истории, созданной в школе «Анналов», наиболее полно проявляющиеся в системе представлений о менталитете.

Цель диссертационного исследования: проанализировать концепцию менталитета как конституирующей силы в историческом процессе, выявить ее философские истоки и философское содержание, дать их историко-философский анализ.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач:**

1. определить специфику историко-философского исследования трудов школы «Анналов», т.е. прояснения предельных философско-мировоззренческих оснований, на которых строятся историографические концепции французских историков;

2. проанализировать понятие «менталитет», призванное описывать конституирующую силу, реализующую себя в истории; провести критическое

сопоставление различных трактовок этой категории в работах у разных представителей школы «Анналов»;

3. прояснить философских истоков концепции менталитета, развитой в школе «Анналов», изучить то влияние, которое оказали на создание этой концепции философы XIX-XX веков.

Теоретико-методологическая основа исследования. В диссертационном исследовании используется метод сравнительного историко-философского исследования, позволяющий выявлять генезис и дальнейшую эволюцию философско-теоретических представлений о сущности исторического процесса и специфике его исследования.

Новизна исследования заключается:

1. в целенаправленном выявлении комплекса тех философско-теоретических оснований, на которых базируются конкретные историографические и культурологические штудии школы «Анналов»;

2. в прояснении философского содержания понятия «менталитет», которое обозначает в школе «Анналов» конституирующую силу исторического процесса;

3. в выявлении философских истоков концепции менталитета, сообразно соединяющей у представителей школы «Анналов» отдельные идеи марксизма, интуитивизма А. Бергсона, теории психоанализа З. Фрейда, теории цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби, герменевтики В. Дильтея.

Положения, выносимые на защиту:

- Дух школы «Анналов», обеспечивающий ее идентичность, определяется именно уникальным синтезом философских идей, в результате которого возникла не эклектическая конструкция, а оригинальная, качественно новая концепция исторического познания. Этот синтез требует историко-философского исследования, несмотря на антиметафизические декларации представителей школы.

- Дистанцированность историков от профессиональной академической философии дала им возможность акцентировать и соединить те философские

идеи, которые представлялись им эвристически плодотворными для исторического исследования, но которые философ-профессионал считал совершенно несовместимыми, поскольку их развивали представители различных течений и направлений.

- Из марксизма школой «Анналов» была воспринята идея исторического процесса как результата творчества масс, которое выражается не в создании «идеологических», «надстроечных» конструкций, а, прежде всего, в создании материальной культуры. Поэтому историк должен обратить свое внимание именно на нее. Из позитивизма была заимствована техника «очищения» такого рода исторических источников от субъективных интерпретаций и принципиальное неприятие спекулятивных схем, предопределяющих восприятие источников. Но после этого очищенные от метафизики исторические источники должны стать предметом своеобразной исторической герменевтики: по ним следует восстановить образ мышления народа, творящего историю.

- Именно менталитет народа, неотрывный от его образа жизни, и представляет, по мнению историков школы «Анналов», движущую силу исторического развития, поскольку он реализуется в практической деятельности народа. Менталитет народа являет собой неразрывное единство мышления, ориентированного на практику, воли и социальных чувств. Этот тезис школы «Анналов» позволяет усмотреть существенное сходство ее философской базы с «философией жизни», в особенности - с бергсономизмом.

- Представление о менталитете народа как движущей силе исторического развития является непосредственно философским по происхождению своему. Именно оно и обеспечивает единство школы «Анналов», не закрепленное институционально. В то же время нельзя не видеть индивидуальных особенностей в понимании менталитета у различных представителей школы «Анналов».

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории современной зарубежной философии и по философии истории,

специальных курсов по теории ментальностей. Предложенные выводы представляют интерес для исследовательской практики в области зарубежной истории философии.

Апробация результатов исследования. Материалы, изложенные в диссертационном исследовании, были представлены на Зимней школе молодых ученых «Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт» (январь-февраль 2000г.); конференции по проблеме «Антропоэкология как педагогика жизнедеятельности» (апрель 2001г.); «Повседневная толерантность: методология описания и практика формирования» (апрель 2004г.); «Актуальные проблемы модернизации исторического и обществоведческого образования» (июнь 2004г.). По проблемам диссертации опубликованы работы общим объемом 5,7 печатных листов.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького и рекомендована к защите.

Описание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав и заключения. Общий объем - 162 страниц. Список литературы включает в себя 255 наименований.

Глава 1. Специфика историко-философского подхода к анализу школы «Анналов»

Научное творчество школы «Анналов» может быть рассмотрено с различных сторон. Во-первых, с историографических позиций; во-вторых, с точки зрения методологии истории. В-третьих, представляется возможным провести историко-философский анализ, необходимость которого весьма правомерна, поскольку с момента своего основания представители данной школы были включены в дискуссионный процесс по проблемам философии истории. Именно благодаря их деятельности произошел пересмотр предмета исторической науки.

Несмотря на официально заявленное негативное отношение к философии истории не возможно представить ученого-историка свободного от некоторых философских предустановок, которые оказывают большое, зачастую скрытое воздействие на его научное творчество.

Используя категорию «объяснения» причин тех или иных событий историк проявляет свою субъективность, в которой и скрыты философские основания его творчества. Именно философские предустановки задолго до начала работы определяют исследовательскую ситуацию: определяют предмет и способы исследования и, в конечном счете, влияют на полученные выводы.

Кроме того, философские предпочтения историка зависят от социокультурной и политической ситуации, в рамках которой происходило его становление как ученого. Таким образом, понятие «менталитета», которым французские историки пользуются в своих эмпирических исследованиях, вполне применимо к анализу их собственного творчества. Однако, столкнувшись с несоответствием собственных выводов положениям существующих к этому моменту философских концепций, историки были вынуждены давать свой «неклассический» ответ в рамках философии истории. На первых порах такой ответ непрофессионалов не признается, вызывает резкую критику

ку. Но с течением времени нетрадиционная концепция становится классической.

Тот факт, что французские историки в рамках своего сообщества не требовали друг от друга и от своих последователей строго придерживаться определенной методологии, создавал творческую атмосферу, позволял осуществлять свободное приращение философских знаний. Именно это расширение философских знаний в области философии истории и является объектом историко-философских исследований.

Однако представители «Анналов» при создании своей концепции истории опирались на различные философские теории, которые в их творчестве сосуществовали одновременно, взаимно принимая друг друга. Эта ситуация вызывала в адрес «Анналов» обвинения в эклектизме. На наш взгляд, концепцию философии истории более справедливым было бы признать синтетической. Понятие синтеза будет рассматриваться не с традиционных позиций (синтеза гуманитарных наук в историческом исследовании), а как синтез философский. Синтез философских идей привел в практических исследованиях к результатам, получившим признание в исторической науке. Это позволяет утверждать, что созданная представителями «Анналов» оригинальная концепция истории заслуживает осуществления философской рефлексии.

1.1. Прояснение предельных оснований французской историографической школы «Анналов» как проблема историко-философской науки

Научные достижения школы «Анналов», то есть объединения французских теоретиков и исследователей, которое сложилось вокруг журнала «Анналы» после 1929 г. (Л. Февр, М. Блок, Р.Мандру, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гофф, Ф. Аррьес, Ф. Бродель, Ж. Ревель и другие), настолько впечатляют, а представители ее настолько известны и авторитетны в научном мире, что нет особой необходимости в доказательстве того, что труды фран-

цузских историков заслуживают самого пристального внимания. Однако деятельность школы и ее научные произведения можно рассматривать с разных позиций.

Во-первых, работы французских историков могут быть оценены с позиции исторической науки, поскольку объектом их анализа является историческая реальность, они изучают конкретные исторические события, исследуют исторические источники.

Во-вторых, научное творчество школы «Анналов» может быть рассмотрено с позиций методологии исторической науки. В этом случае возможна содержательная полемика с ее представителями, которая опять-таки не выйдет за рамки историографии.

Когда к трудам школы «Анналов» обращаются историки, то они в основном интересуются эмпирическими исследованиями и выводами частного порядка. Особенно часты такие обращения к работе М. Блока «Феодальное общество», признанной классическим трудом по истории феодализма, и трехтомному труду Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», характеризующему процессы материального развития мира.

Научный авторитет школы «Анналов» достаточно высок, хотя она, разумеется, не является единственной школой во французской историографии. Можно так же добавить, что она, как и любая долго существующая школа, уже не находится на пике популярности даже во Франции. Ее ключевые принципы и тезисы утратили остроту новизны. Скорее, она воспринимается как классика, проверенная временем.

Иначе дело обстоит с анализом методологии исторической науки, предложенной представителями школы «Анналов». Если конкретные ее достижения признаны практически всеми, то методология, как это обычно бывает в науке, оспаривается многими. Во Франции споры такого рода не выходят за рамки достаточно спокойных академических дискуссий.

Однако в советской историографии полемика, направленная против школы «Анналов» всегда имела идеологический характер. Специфика ее

объяснялась тем, что представители этой школы пытались соединить определенные идеи материалистического понимания истории с другими достижениями в области истории философии на Западе. В этом усматривалась попытка ревизии марксизма. Именно поэтому ссылки на труды школы «Анналов» не поощрялись, а полемика велась глухо и предвзято. Возможно, тезис французских историков о том, что историю творит народ, и был вполне приемлемым для ревнителей чистоты марксизма. Но признание того, что именно менталитет народа конституирует историю, воплощаясь посредством труда в материальную культуру, рассматривалось ими как специфическая форма идеализма. А потому не только общие философско-теоретические установки школы «Анналов», но и свойственное ей видение исторического процесса становились предметом резкой критики.²

В-третьих, к творчеству школы «Анналов» можно применить историко-философский подход. На наш взгляд, он должен выражаться в том, что за рамками исследования останется все многообразие конкретных достижений французских историков, внимание же будет уделено только прояснению предельно общих оснований, на которых строится методология исторических исследований. Но и эти основания, определяющие само понимание предмета, задач и методов исторической науки, будут интересовать нас не сами по себе. Они будут интересовать нас лишь в той мере, в какой окажутся явным или неявным продолжением историко-философской традиции и полемикой с ней. Любой историк, размышляющий о предельных теоретических основаниях своей науки, неизбежно оказывается перед необходимостью решать философские вопросы. Решая их, он уже становится философом. А любой философ вынужден определять свое место в историко-философском процессе. Он далеко не всегда делает это со всей полнотой, ясностью и осознанностью – в особенности тогда, когда подчеркнута дис-

---

² См. об этом: См. об этом: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. - М.: Мысль, 1996; Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. – С. 501-541

танцируется от метафизики. И в этом случае историк философии может и должен способствовать саморефлексии исторической науки.

Историко-философский подход к изучению трудов школы «Анналов» представляется правомерным и потому, что сами ее представители активно включаются в дискуссии по проблемам философии истории, сопоставляют подходы к ним с теми решениями, которые были предложены мыслителями прошлых веков. Таким образом, даже откровенно отворачиваясь от обвинений в приверженности философии, они неявно признают свою вовлеченность в историко-философский процесс.

В последнее десятилетие интерес к трудам французских исследователей резко усилился, и это невозможно не связать с демократическими преобразованиями в России, которая живет ныне так, будто наглядно демонстрирует справедливость основной философско-теоретической установки школы «Анналов»: отнюдь не официальная идеология, не общегосударственное мировоззрение, будь оно религиозным или философским, определяют развитие страны, а менталитет народа, коренящийся в его образе жизни. Такая позиция в области теории весьма привлекательна для страны, уже второе десятилетие живущей и развивающейся без официальной философии, диктующей общегосударственное мировоззрение. Интерес к работам школы «Анналов» определяется и тем, что она представляет собой уникальное явление в исторической науке. Ее можно сравнить с полигоном, на котором постоянно испытываются новые теоретические разработки и новые методы исследования. Динамичность школы выгодно контрастирует с существовавшим на протяжении восьми десятилетий в России фактическим запретом на разработку любого видения философии истории, отличающегося от марксистского формационного подхода.

Именно это и заставляет рассмотреть труды школы «Анналов» в принципиально новом историко-философском аспекте.

Изучение того, что было написано о методологии исторической науки, предложенной школой «Анналов», в советское и постсоветское время, убеж-

дает, что одна и та же методология может расцениваться диаметрально противоположно. Разумеется, это не объясняется субъективизмом комментаторов. Причина в том, что комментаторы исходят из принципиально различных философских представлений об обществе, истории, человеке.

А если это так, то необходимо прояснить, какие же предельные философские основания существовали у самих представителей школы «Анналов». Исследование философии истории, предложенной «Анналами» в прошлом веке, несомненно, будет историко-философским исследованием.

При всем интересе к школе «Анналов» - не только к конкретным результатам, но и к концепции исторического процесса, разработанной в ней - философские основания, предельные принципы, на которых она базируется, до сих пор не удостоились специального рассмотрения. Как правило, исследователи предпочитают либо характеризовать школу «Анналов» как сообщество ученых в самом общем виде, не углубляясь в анализ конституирующих его принципов³, либо занимаются изучением достижений отдельных авторов, не воссоздавая целостного философского видения развития исторического процесса, сформированного школой⁴.

Справедливости ради надо отметить, что сами представители школы «Анналов» отнюдь не облегчали исследователям решения этой задачи. Принадлежа к разным поколениям школы, они с завидной стабильностью демонстративно отрицали, что им все же приходится решать проблемы философско-мировоззренческого порядка. Одно из типичных заявлений на этот счет звучит так: «Мы вовсе не собираемся обвинять ее автора в философствовании, что в устах историка означает – и тут мы нисколько не ошибаемся – тяжкое преступление»⁵. Оно принадлежит основателю «Анналов» Люсьену Февру.

---

³ См.: См.: Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. - М.: Старый сад, 1999; Гобозов И.А. Введение в философию истории. - М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1973; Он же. Смысл и направленность исторического процесса. - М.: Изд-во МГУ, 1987.

⁴ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». - М.: Индрик, 1993; Далин В.М. Историки Франции 19-20 веков. - М.: Наука, 1981.

⁵ Февр Л. Доклад об «Апологии истории» Марка Блока // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. – С. 184.

С течением времени декларации изменились мало. Так известнейший историк конца XX века Ж. Ле Гофф солидарен с Л. Февром: «Не отрицая значения теории в общественных науках, и особенно в истории (очень часто историк, презирающий теорию, бессознательно становится марионеткой имплицитных и примитивных теорий), я не бросался в теоретические исследования, если не чувствовал в себе способностей к этому или предчувствовал, что буду втянут в то, что вместе с множеством историков считаю заклтым врагом истории – философию истории»⁶.

Польский философ, специалист по методологии истории В. Вжозек утверждает, что в целом у представителей «Анналов» сложилось стереотипное представление, согласно которому философские размышления об истории для историка не нужны: «Создали этот стереотип М. Блок и Л. Февр, которые своей неприязнью к философии обязаны отвращению к так называемой метафизике, отождествляемой с философией. В частности они с подозрением и недоверием относятся к тому, что составляет сущность метафизики: к размышлениям о вечных вопросах – о природе истории и человека, смысле истории, коренных основаниях общественной жизни, сущности истины, объективности и т.д. Анналистам особенно не нравились слишком общие спекулятивные формулы, туманные и неподкрепленные конкретным историческим материалом, такие как формулы Гегеля, Тойнби, Шпенглера, а так же Маркса; они выступали против эпистемологизирующей философии Р. Арона»⁷.

Перед научным сообществом французские историки стремятся показать себя скромными ремесленниками, которые овладели «после долгого учения своим искусством. Они хвалят хорошую работу и ценят сноровку больше, чем теории...»⁸.

Такая подчеркнута антиметафизическая установка объясняет и то, что представители школы «Анналов» не злоупотребляют даже пространными

---

⁶ Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время. Труд и культура Запада. - Екатеринбург: изд-во Урал. Ун-та, 2000. – С. 11.

⁷ Вжозек В. От горизонтальных связей к метарефлексии//Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем школы «Анналов». - М.: Наука, 1991. – М., 1993. – С.84-85.

⁸ Про А. Двенадцать уроков истории. - М.: Российск. гос. гуманит. Ун-т, 2000. - С. 7-8.

методологическими размышлениями, не говоря уже о том, что они не пишут специальные труды по теории исторического процесса и исторического познания.

Однако тот же В. Вжозек признает, что декларации о полной непричастности к решению любых философских вопросов далеки от истинного положения дел: «...Независимо от того факта, что анналисты не слишком симпатизировали софии, именно они – законно или незаконно – пересмотрели основные постулаты исторического знания в фундаментальном историософском и методологическом плане»⁹.

В чем же заключался вклад представителей школы «Анналов» в «историософию», то есть в философию истории?

Прежде всего - в поиске ответа на ключевой и, несомненно, философский вопрос о сущности исторического познания, о месте истории среди иных наук.

Противопоставление естественного и гуманитарного знания, сложившееся в двадцатом веке, нельзя считать обоснованным. Современная философия приходит к мысли о близости противопоставляемых областей знания, которая может быть достигнута как в рамках процедуры категоризации понятий, так и в рамках разработки методик исследования.

Историческая наука в том виде, как она сформировалась под влиянием школы «Анналов», показала неуместность такого противопоставления. Однако идея единства наук отстаивалась представителями этой школы совершенно не так, как это делалось представителями позитивизма.

Представители школы «Анналов» пришли к выводу, что история является точной наукой, поскольку ее суждения тоже основаны на фактах и допускают строгую верификацию.

Этот результат был достигнут в итоге бурной дискуссии начала 20 века. Ее инициаторы социологи Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос потребовали усовершенствовать методы исторических исследований. Они предложили исполь-

---

⁹ Вжозек В. От горизонтальных связей к метарефлексии// Споры о главном... – С. 85.

зовать метод непосредственного наблюдения в прошлом. Для этого необходимо было отказаться от преклонения перед историческим текстом, характерного для традиционной историографии, освободить его от искажений, допущенных автором текста. Затем выстроить факты в четкой хронологической последовательности, что позволит обнаружить повторы и выявить закономерности. В естественных науках опыт мог повторяться неоднократно, а историческая наука выискивала повторения, которые возникали в прошлом человечества.

Нельзя не признать, что сотрудничество, взаимопроникновение различных дисциплин – это «всегда обмен опытом и перенос его из одной сферы познания в другую, это всегда возможность роста научного знания»¹⁰. Действительно, благодаря воздействию социологии, историческая наука упорядочила свою методику исследования.

Однако французские социологи Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос предлагали объединить все науки о человеке вокруг социологии, истории же при этом отводилась роль служанки, поставляющей социологии фактологический материал. С такой постановкой вопроса историки согласиться не могли. Мысль о сохранении истории как научной дисциплины, ее самостоятельной значимости в среде социологического и гуманитарного знания была в основе методологических поисков основателей «Анналов» Л. Февра и М.Блока, несмотря на то, что термины «методология», «философия истории» были им неприятны. Но то, что их поиски можно квалифицировать как методологические, направленные на то, чтобы заново утвердить ключевые принципы организации исторической науки, косвенно доказывает уже сам выбор названий их работ.¹¹

Л. Февр и М. Блок сознавали, что буквальное выполнение предложений социологов не только понижает статус исторической науки, но и может привести к формализации в понимании исторического процесса, к исчезновению

---

¹⁰ Бак Д.П., Кузнецова Н.И., Филатов В.П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественном знании // Вопросы философии. – 1998. - №5. - С. 144.

¹¹ См.: Февр Л. «Бои за историю». - М.: Наука, 1991; Блока М. «Апология истории». - М.: Наука, 1986.

человеческой личности в истории, к появлению некоего усредненного механизма, заменяющего наделенного сознанием и волей человека. Такое обезличивание истории грозило превращением истории человечества в схему (какой она, естественно, не является, преподнося множество уникальных явлений) и, в конечном счете, вело к теоретическому оправданию тоталитаризма.

Избежать схематизма позволил пересмотр предмета исторической науки, совершенный Л. Февром и М. Блоком.

Если традиционная историческая наука, сложившаяся в девятнадцатом веке, изучала великие события (войны, революции и т.п.), деятельность выдающихся людей, занималась описанием событий прошлого, то Л.Февр и М. Блок совершенно иначе определили предмет изучения истории. В статье «Суд совести и суд историка» Л. Февр пишет: «История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах и явлениях ... Существует только одна история – история Человека, и это история в широком смысле этого слова ... История - наука о Человеке: она, разумеется, использует факты, но это - факты человеческой жизни ... История, разумеется, использует тексты, но это человеческие тексты»¹². М. Блок уточнил, что предмет истории - это «сознание Человека»¹³.

Такое изменение предмета исторической науки позволило избежать социологического схематизма и обеспечить гуманизацию истории.

Однако этот тезис вовсе не стал для представителей школы «Анналов» основанием для противопоставления гуманитарных и естественных наук. Напротив, они специально подчеркивали, что многие научные категории, используемые как гуманитариями, так и естественниками, при более пристальном рассмотрении оказываются близкими по своей сущности.

В частности для гуманитария важно понимание текста. Это означает, что перед ним стоит задача описания этого понимания. Понимание важно и для историка. Но здесь существует важный нюанс, который требуется учесть.

---

¹² Февр Л. Бой за историю. – С. 19.

¹³ Блок М. «Апология истории». – С. 15.

«Описание понимания – это вербализация образов (традиций) словоупотребления, а объяснение социальных явлений – это совсем иная процедура, которая предполагает раскрытие базовых механизмов воспроизведения действительности, сочетания социальных образцов, их взаимодействия»¹⁴.

По мнению представителей школы «Анналов», в исторической науке, точно так же как и в физике и химии, осуществляются обе процедуры, причем осуществляются идентично. «В случае описания мы (гуманитарии – О.С.) фиксируем ее феноменологию, в объяснении – рассматриваем механизмы поведения и деятельности, раскрывая социальные образцы и нормы их воспроизведения. Соотношения того и другого не тривиально, ибо здесь действует принцип дополненности, который успешно работает как при анализе квантовомеханических, так и социальных явлений»¹⁵.

Категории «описания» и «объяснения» изучаемых событий заставляют обратить внимание на фактор субъективности, который может рассматриваться в двух аспектах.

Во-первых, историк работает с историческими источниками, прежде всего с текстами, в которых скрыта индивидуальность автора. Авторы источников могли сообщать неадекватные сведения в силу разных причин, которые проистекают из свободы воли человека. Иначе говоря, «авторы источников могли допустить сознательное искажение информации, проявить известную пристрастность, тенденциозность. Их позиция могла зависеть от их мирских, а именно экономических и политических интересов, а также от их общего мировоззрения»¹⁶. Любой исторический текст несет на себе отпечаток внутреннего мира его создателя, в тексте отражаются его социокультурные, политические, религиозные предпочтения.

Во-вторых, категория «объяснения» скрывает в себе вопрос «почему» (почему произошло интересующее нас событие). Характер причинности яв-

---

¹⁴ Бак Д.П., Кузнецова Н.И., Филатов В.П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественном знании // Вопросы философии. – С. 144.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. - М.: Российский гос. ун-т, 1997. – С.159.

лений в естественных науках и гуманитарных науках различен. Понятие причины какого-то явления в естественных науках характеризуется стабильностью связей, их постоянством и проверяемостью в ходе эксперимента.

Историческая наука имеет дело с одноразовыми, уникальными явлениями.

Однако принцип объяснения-причинности не отменяется, а скорее связан с «языком происхождения».

Для выявления и формулирования такого рода «одноразовой причинности» в историческом исследовании используется язык традиций. Традиция – конструкция историка, важнейший момент его специфической аргументации, с помощью которой он может конкретно ввести свою позицию в ткань исторического дискурса»¹⁷.

Традиция, используемая историком, и содержит в себе второй аспект субъективности в историческом исследовании. По сути речь идет о внутреннем мире самого историка, его собственных предпочтениях. Как возникают эти предпочтения, каковы их истоки? Представить себе образ «идеального историка», нейтрального по отношению к той или иной философии истории как к предустановочному горизонту, конечно, возможно. Однако в реальной жизни каждый ученый, в том числе и историк, находится под воздействием философских установок, даже если он не признает их влияния. «Дело в том, что историк, еще до детального ознакомления с аргументацией того или иного рода, уже твердо стоит на определенной метаисторической позиции, и именно она будет определять его отношение как к конкретной исторической аргументации, так и к отбору исторического материала для ее построения»¹⁸. Таким образом, философская предустановка историка проявляется уже перед началом исследования.

Влияние философии истории на историка проявляется «в выборе исследовательских приоритетов, таких как культура, социально-экономическая ис-

---

¹⁷ Визгин В.П. История и метаистория // Вопросы философии – 1998. - №10. – С.101.

¹⁸ Визгин В.П. Там же. – С.108.

тория, событие, менталитет, цивилизация»¹⁹. Этот выбор формирует конкретную исследовательскую ситуацию и влияет на те или иные выводы, которые ученый сделает в результате своего исследования.

С другой стороны, история как научная дисциплина не является какой-либо вечной сущностью, платоновской идеей.

«Она тоже реальность историческая, то есть реальность, помещенная в пространство и время, представленная людьми, которые называют себя историками и таковыми признаются, и воспринимаются как историки самой разнообразной публикой. Нет истории *sub specie aeternitatis* (подобной вечности), чьи письмена оставались бы неизменными, проходя сквозь горнило времени, но есть разнообразная продукция, которую люди, живущие в данную эпоху, договариваются считать историей. Это значит, что, прежде чем быть научной дисциплиной, каковой она себя считает, и каковой она до определенной степени действительно является, история есть социальная практика»²⁰.

Таким образом, история как наука должна не только постоянно осознавать, что она - наука о человеке. Она должна еще и осознавать, что сам историк является человеком, который не может жить и судить как бы вне времени, вне своей эпохи. Предпочтения историка, способ постановки им вопросов всегда зависят от той социально-культурной и политической ситуации, в которой происходило его становление как профессионала и в которой он живет в данное время. Поэтому в афоризме, который приписывается советскому марксистскому историку Покровскому - «История – это настоящее, опрокинутое в прошлое»²¹ - есть определенная доля истины. Его, разумеется, нельзя цинично превращать в сознательный принцип, заставляющий всякий раз переписывать историю в угоду настоящего. Но нельзя не видеть, что настоящее с его проблемами всегда косвенно оказывает влияние на методологию исторического исследования, «которая используется явно или неявно

¹⁹ Хвостова К.В. История: проблемы познания // Вопросы философии. - 1997. - № 4. - С. 63.

²⁰ Про А. Двенадцать уроков по истории. – С.11.

²¹ Цит. по: Лебедев В. Подлинная история (Можно ли написать историю «как она была на самом деле») // Вопросы философии. – 1996. - №11. –С. 140.

любым историком – будь он хоть марксистским, хоть идеалистическим».²² В соответствии с потребностями настоящего и в соответствии с выбранной методологией, вытекающей из усвоенных им господствующих теоретических представлений своего времени, ученый-историк выбирает те вопросы, которые ставит, обращаясь к объекту исследования. Таким образом оказывается, что полученный в результате образ прошлого в той или иной мере носит на себе отпечаток настоящего.

По мере общественного развития историческая наука ставит перед прошлым все новые и новые вопросы, открывая неизвестные до этого страницы истории. Еще в начале 20 века Ш. Сеньобос отмечал, что история «пишется не для того, чтобы рассказывать, и не для того, чтобы доказывать, она пишется для того, чтобы отвечать на вопросы о прошлом, которые напрашиваются при виде общества в его настоящем».²³

Таким образом, видение исторического процесса историком, теоретические концепции, им предлагаемые, всегда зависят от того, что принято называть «духом времени». Так, например, нельзя признать случайным возникновение теории цивилизаций именно во второй половине 19 века (Н.Я. Данилевский) и в первой половине 20 века (О.Шпенглер, А. Тойнби). Именно в этот период происходит процесс завершения оформления крупнейших империй новейшего времени, осознавших и обозначивших свою специфичность и вступивших в глобальное противостояние. Теория цивилизаций на абстрактно-теоретическом уровне отражала и утверждала это различие.

Но верно и другое: обращение представителей школы «Анналов» к изучению менталитетов тоже можно рассматривать как отражение и выражение стремления общества к стабильности - после многочисленных социальных катаклизмов первой половины 20 века. Мировая война, Великий экономический кризис стали новым вызовом для историков, на который «Анналы» ответили изучением не относительно кратких «экономических пе-

---

²² Лебедев В. Там же.

²³ Про А. Двенадцать уроков по истории. – С. 26.

ременных, а исследованием более глубоких циклов, долгосрочных явлений»²⁴, обеспечивающих непрерывность истории.

Именно таким фактором, который обеспечивает непрерывность, стабильность, преемственность, и предстал в трудах школы «Анналов» менталитет. Заимствовав у этнологов это понятие («менталитет» или «ментальность» - на наш взгляд, в литературе между ними не делается сколько-нибудь существенных различий), школа показала его применимость в эмпирических исследованиях, дала теоретическое осмысление структуры данного понятия, его отдельных элементов, объяснила механизмы внутреннего (между элементами) и внешнего (с другими явлениями жизни человека) взаимодействиями, определила его место в системе других понятий.

Таким образом, представители школы «Анналов» видят историю достаточно точной наукой. Но эта точность должна достигаться не путем полного устранения влияний «субъективного фактора», устранить которые в принципе невозможно. К тому же такое устранение «субъективного фактора» и не может допускаться: после него история перестанет быть наукой о человеке. Однако точной вполне может быть и наука, признающая влияние «субъективного фактора», - при том условии, что это влияние, как и сам «субъективный фактор» будет исследоваться самыми точными и строгими методами. В этом - то в сущности и состоит главный смысл исследования менталитетов, начатых школой «Анналов».

Возникает закономерный вопрос: если допустить существование менталитета у народа, оказывающего сильнейшее влияние на весь его образ жизни и действий, то может ли историк считать, что он сам никакого менталитета не имеет, или, по крайней мере, способен совершенно освободиться от его влияния, приступая к историческим штудиям?

Насколько можно судить по опубликованным суждениям представителей школы «Анналов», они вполне последовательно считают, что историк тоже имеет свой менталитет и не может освободиться от него.

---

²⁴ Dosse F. History in pieces: from the militant to the triumphant *Annales*/ Telos. -St. Louis. - 1986. - N67. - P.164.

Поэтому рамки возможных решений определенной исторической проблемы заранее определены, если не сказать более жестко, «запланированы» системой изначальных убеждений историка. Г.-Г. Гадамер полагает, что их можно даже назвать «предрассудками» ученого-гуманитария - разумеется, «в ценностно-нейтральном смысле»,²⁵ то есть констатируя наличие этих «теоретических предрассудков» как факт, но не осуждая за них как за порок.

Ведь эти метаисторические предрассудки, существующие у каждого историка, формируются в системах культуры, в традициях образования и воспитания индивида и ученого и уже поэтому «своей прочностью и потенциалом превосходят то пространство интеллектуально-научной «спорки» вместе с нарабатываемыми в нем позициями, которое открыто для изменений и трансформаций в результате конкретных исторических исследований, проводимых историком»²⁶.

Однако в отличие от менталитета обыденного, менталитет научный постоянно подвергается рефлексии. Говоря иными словами, у «человека из народа» нет вполне отчетливого представления о том, что он обладает каким-то менталитетом. Этот последний складывается у него стихийно и не вполне осознанно. У историка же, как у человека ученого, должно существовать достаточно осознанное представление о своем «научном менталитете». Он-то в сущности и представляет собою то, что принято именовать «теорией» в науке, противопоставляемой эмпирии. Такая «теория» на деле вовсе не вытекает из фактов, а предваряет обнаружение и наблюдение их, выступая в роли гипотезы. «Теория» же только и позволяет «организовать» результаты разрозненных наблюдений в некое осмысленное целое, увидеть в совокупности различных фактов смысл.

«Теории изобретаются в мышлении и затем, подобно сети, закидываются в океан событий (метафора Эддингтона). И то, что попадает в ячейки сети (а это зависит от ее размеров, то есть от мощности теории), то и будет фак-

²⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. - М., 1988. - С.322-323.

²⁶ Визгин В.П. История и метаистория. - С.98.

том науки. Если наука нуждается в других фактах, следует придумать, а потом применить другую теорию».²⁷ Иначе говоря, факты всегда обнаруживает и выбирает идея. Более того, ход исторического развития будет представлен историком именно таким, каким его предполагает избранная историком философия.

Но почему же тогда представители школы Анналов демонстративно подчеркивают свое негативное отношение к философии? Почему они заявляют во всеуслышание, что занятия методологией являются «напрасной тратой времени»²⁸?

Это можно объяснить, используя ту же аналогию, к которой мы уже прибегли, тем более, что ее используют и сами представители школы Анналов. Они именуют историка ремесленником. «Человек из народа», ремесленник имеет определенный менталитет. Если он обладает жизненной мудростью, он даже «знает за собой» некоторые черты характера и устойчивые привычки, которые учитывает в своих действиях и отношениях с другими людьми. Однако он вовсе не погружается в постоянное самосозерцание, поскольку приоритетным для него является вовсе не оно. Такое погружение в себя наверняка навредило бы ему в практической жизни.

Точно так же историк должен «знать за собой» некоторые теоретические пристрастия, сознавать свою приверженность некоторым философским представлениям. Но полный «уход в себя» - то есть излишняя погруженность в осмысление собственных теоретических оснований, в выявление их глубинной философской базы, короче говоря, превращение в философа-метафизика, наверняка повредил бы его бытию в качестве историка.

Потому-то представители школы «Анналов» и заявляют, что для историка, как и для ремесленника, главную роль играют вовсе не философские размышления о сути истории вообще и о себе как историке, и даже не постоянные размышления о том, как именно нужно изучать историю. Воз-

---

²⁷ Лебедев В. Подлинная история. – С. 140.

²⁸ Про А. Двенадцать уроков истории. – С.8.

можно, перед глазами французских историков стоял негативный пример В.Дильтея, наполнившего толстые тома рассуждениями о методологии гуманитарных наук, но так и не применившего весь разработанный арсенал на практике научного исследования. Его можно было бы сравнить с ремесленником, который изобретает и делает все новые инструменты, но так и не использует их в своем ремесле. Да и вообще забывает о последнем.

Поэтому историки школы «Анналов», полемически заостряя свои высказывания, и объявляют, что история - это скорее не наука, а искусство ремесленника. Здесь главную роль играют не общие рассуждения, например, об экономике, а конкретные навыки: способность к анализу исторического материала, умение работать с историческими источниками: производить идентификацию, сравнивать, критически оценивать, отделять истину от исторической фальсификации, определять хронологию и т.п.

Поэтому суждения представителей школы «Анналов» об истории не как о науке, а как о ремесле - не более как полемический прием и, возможно, французский ответ на излишнее философское теоретизирование немцев «вокруг истории».

Именно понятие менталитета - заимствованное отнюдь не из философии и подчеркивающее дистанцированность от нее - дало возможность представителями школы «Анналов» принимать участие в важнейших философских дискуссиях, занимавших умы современников, но при этом не бояться постыдного клейма метафизика. Так, они смогли откликнуться на споры о соотношении социального и биологического, которые активно велись в конце 19 - начале 20 веков.²⁹

Аристотель говорил, что сознание - это «как бы всё». Так и «менталитет» в его понимании представителями школы «Анналов» оказался «как бы всем» - в том смысле, что рассуждая о нем, можно было затрагивать любые вопросы. Это относится не только к проблемам философской антропологии.

---

²⁹ Например, М. Блок, Ж. Дюби показали влияние социального фактора на ментальность, Э. Ле Руа Ладюри неоднократно продемонстрировал влияние биологического.

Рассуждения о менталитете выводили и к осмыслению животрепещущих проблем современности. В частности, «менталитет» вполне мог пониматься и как оружие нации в острой современной борьбе на мировой арене.

Наиболее серьезные дискуссии во французской историографии, повлекшие за собой изменение научных парадигм, были сопряжены с актуальными общественно-политическими кризисами. Ж. Ревель (один из немногих представителей школы «Анналов», который предпринял попытку рефлексии эволюции этого научного сообщества), свидетельствует, что именно общественно-политические потрясения, перенесенные французским обществом после поражения во франко-прусской войне, способствовали разворачиванию дискуссии и в конечном счете привели к обновлению исторической науки. «Если Франция намеревалась взять реванш, она ... должна была «перевозвооружиться» и не только в военном (это, безусловно), но также и в моральном отношении. Возникло широкое общественное гражданское согласие: страна должна работать, чтобы обогнать Германию в тех сферах, где последняя достигла особых успехов, а именно: в военном деле, науке и в области гражданского воспитания ... травма, вызванная военным поражением, оказала особое влияние на историческую дисциплину. История стала хранилищем оскорбленной национальной гордости, ее целью стало содействие гражданскому перевооружению нации».³⁰

Научные дискуссии, которые происходили уже в рамках школы «Анналов» и способствовали новому витку осмысления предмета исторической науки, поиску новых смыслов в историческом развитии, так же были связаны с крупными общественно-политическими событиями и процессами. Формирование в качестве профессионалов Л. Февра и М. Блока происходило на рубеже 19-20 веков, когда ведущие державы постепенно втягивались в первый мировой конфликт. Ф. Бродель – лидер второго поколения «Анналов» был участником второй мировой войны, после которой разработал свою концеп-

---

³⁰ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции: на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. - 1998. - №5. – С. 83.

цию миров-систем и теорию трех уровней длительности в истории. Исследования ментальности, приобретшие после второй мировой войны признание и популярность, были теоретически осмыслены Ж. Дюби и Р. Мандру и органически вписались в процессы «большой длительности» Ф. Броделя. Третье поколение «Анналов» в лице Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Ладюри и других встало на позиции исторической антропологии в период бурных социальных и экономических потрясений конца 60-начала 70-х годов.³¹

Учение о менталитете, если учитывать эти корреляции, открывается новой стороной. Периодам общественно-политической стабильности соответствует устойчивость философско-теоретических представлений, лежащих в основе мировоззрения. Общественное устройство сложилось, его принципы осмыслены на протяжении долгих лет и вполне осознанны. Каждое из понятий подробно обсуждено и предельно прояснено в сотнях публикаций. Обществу представляется, что наступил триумф сознания.

В период общественно-политического кризиса неизбежно наступает и кризис мировоззренческий. Казавшиеся незыблемыми в своей совершенной ясности философские категории перестают схватывать изменившуюся действительность. Держаться за них значило бы игнорировать социальные переменные, отстать от них и потерпеть жизненный крах. Именно в это время народ, мобилизующий все свои силы ради выживания, руководствуется не «общественным сознанием», представления которого ясны и устойчивы, а именно менталитетом, в котором основные представления достаточно размыты, что и позволяет проявлять гибкость, сообразуясь с новыми социальными реалиями. Именно эта относительная неопределенность содержания понятия «менталитет» и привлекает представителей школы «Анналов». Так, представитель третьего поколения школы Ж. Ле Гофф пишет: «Основная привлекательность истории ментальности находится в ее неопределенности ... в неопре-

---

³¹ См. об этом: Ревель Ж. История и социальные науки во Франции: на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. – №4, 5; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950г. // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. – С. 48-50.

деленном остатке исторического анализа»³². К тому же, именно неопределенность понятия «ментальность» заставляет французских историков рассматривать его со всех сторон, устанавливая «контакт с другими гуманитарными науками»³³.

Но именно такая размытость содержания понятия «менталитет», открывающая для историка новые возможности и привлекающая его, вызывает резкое неприятие у философа, который мыслит философию как строгую науку. Это вызывает обострение спора философа, ратующего за приоритет сознания, и историка, ратующего за приоритет менталитета. Этот спор осознается как «глубокий разрыв в мышлении, причем не только относительно понимания задач исторического познания и сущности человеческой истории, но в самих формах мысли и языка, что нередко приводит к досадному непониманию».³⁴ Для историка, который в силу специфики своей науки значительно лучше следит за конкретными переменами в обществе, в кризисную эпоху «все рациональные схемы, модели, гипотезы и теории кажутся опасным возвращением к догматизму»³⁵.

Взаимное неприятие приводит к противостоянию. Историки в такой ситуации склонны критически оценивать возможности философии истории. По словам известного историка-медиевиста А.Я. Гуревича, «философия истории, какой бы она не была, всегда диктует некую схему, поневоле упрощающую бесконечно красочную и многообразную действительность».³⁶

Философы в свою очередь утверждают, что «никакая серьезная философия не подряжалась служить историку вспомогательным средством в его работе над эмпирическим материалом»³⁷.

Историки, производя эмпирические исследования, зачастую сталкива-

³² Le Goff J. *Mentalities: a history of ambiguities / Constructing the past: Essays in hist. methodology: Engl. transl./ Ed. by Le Goff J., Nora P. with an introd. by Lucas C. – Cambridge ets.; P. :Cambridge univ. Press, 1985. – P. 166.*

³³ Там же. - P. 167.

³⁴ Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. – 1995. - №12. – С. 55.

³⁵ Там же.

³⁶ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. - 1990. - №11. – С. 41.

³⁷ Межуев В.М. Философия истории и историческая наука. // Вопросы философии. - 1994. - №4. - С. 74.

ются с фактами и свидетельствами, противоречащими устоявшимся философским концепциям. Профессиональная добросовестность не позволяет им отмахнуться от этого несоответствия как несущественного. Они вынуждены самостоятельно заняться философскими обобщениями, поскольку то, что предлагается философами-профессионалами, их не удовлетворяет. Фундаментальность университетского образования, которой обладают историки, в такой ситуации вполне позволяет им высказать новое, самостоятельное слово в философии.

Таким образом, мы можем определить интеллектуальное поле, на котором происходит встреча философствующего историка и философа-профессионала. Оба сталкиваются с новыми вопросами, которые с одной стороны возникают перед историком, ищущим ответы на вопросы современности в прошлом, с другой стороны, возникают перед философом, который в изменяющемся мире решает задачу «познания смысла истории»³⁸.

Именно на этом поле возникают учения В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, К. Ясперса. Но они возникают, так сказать, на том краю поля, который ближе к философии. А на противоположном краю того же самого поля возникает философствование школы «Анналов», которое ближе к истории. Но, подчеркнем еще раз, что речь идет об одном и том же поле философии истории. Даже те историки, которые во всеуслышание отрицают философию истории, вынуждены втягиваться в дискуссию с ней, принимать ее понятия, чтобы вести спор, вникать в ее постановки вопросов, а потом давать на них свой собственный, «неклассический» ответ. В результате сфера философии истории расширяется благодаря новым, нетрадиционным концепциям. Но проходит несколько десятилетий - и эти нетрадиционные концепции уже считаются классикой философии, а понятия, ранее не входившие в философский лексикон и противопоставлявшиеся ему, начинают изучаться на философских факультетах.

---

³⁸ Новиков Н.В. Субъективный синтез Н.И. Кареева // Вопросы философии. – 1996. - №7. – С. 150.

Но пока этого не происходит, философы обвиняют самостоятельно философствующих историков в эклектике, в произвольном соединении мотивов из различных философских учений, которые строго и тщательно разделены историками философии в учебниках и энциклопедических словарях. Именно такое обвинение и выдвигалось оппонентами школы «Анналов» из числа философов. В ответ на это можно было бы возразить, что дело здесь вовсе не столько в различии «теоретических менталитетов» философов и историков, сколько в различии педантизма и творческого поиска как в исторической, так и в философской науке. Различие течений и направлений представляется абсолютно ясным и незыблемым только составителям учебников по истории философии да философам-эпигонам. Но едва ли не все оригинальные мыслители всячески противились такой классификации. Они вполне могли бы подписаться под словами А.Ф. Лосева: «Что же со мною делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположности часто кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык или какая-то вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев! Все прочее будет неизбежной натяжкой, упрощенчеством и искажением, хотя и не так трудно уловить здесь черты длинного ряда философских систем, горячо воспринятых в свое время и переработанных когда-то в молодом восприимчивом мозгу»³⁹.

Если мы признаем такое право на поиск собственного пути за философом, то логично признать его и за историками, обращающимися к философии. Приверженцы школы «Анналов» на протяжении всего ее развития в поисках теоретико-методологических оснований историографии обращались к различным философским теориям. Но они отнюдь не были эклектиками, потому что обращались к этим теориям не по очереди, а пытались синтезировать их. И при этом полагали, что такой синтез оправдан и успешен, если он

---

³⁹ Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. - М.: Мысль, 1995. – С.356.

позволяет по-новому увидеть известные исторические факты и обнаружить новые. В то же время они противились любым попыткам связать их оригинальную синтетическую концепцию с какими-то течениями и направлениями в философии.

Именно по этой причине представители школы «Анналов» не принимали даже попыток жестко определить позицию их сообщества, которые предпринимались оппонентами и комментаторами. Им претило даже стремление последних классифицировать ученых, объединившихся вокруг журнала «Анналы», как историографическую школу - и, тем самым, ввести их научный поиск в какое-то строго определенное русло. В частности, Ж. Ревель отмечал, что существование школы «Анналов» - это «...реально до сих пор не подтвержденное предположение»⁴⁰. Основатели журнала «Анналов» также четко выразили свое отношение к этому вопросу. «В 1937 г. Марк Блок изобличал «этот дух хора», решительным протестом против которого является само существование «Annales». Еще более ясно в 1953г. выразился Люсьен Февр: «Что касается «Annales», то никогда ни Блок, ни я не претендовали на создание некоей «школы». Школа – это нечто замкнутое. Она предполагает одного или двух жрецов во главе, а также учеников, озабоченных лишь одним – следовать за своими учителями ...основатели же «Annales» никогда и не помышляли о том, чтобы «накладывать свой отпечаток», ограничивать, карнать или кроить на свой манер и по своему подобию умы, обаянием или своеобразием которых они хотели наслаждаться. Следовательно, ни о какой школе не может быть и речи. Но мы охотно говорим о духе «Annales» или реже о группе «Annales». На наш взгляд, многим историкам присущ дух «Annales», хотя они не только никогда не сотрудничали в нашем журнале, но писали и печатались задолго до создания «Annales» ... Группа же «Annales» , напротив, представляет собой свободное объединение людей, которые по возрасту, происхождению, по своему отношению к практической философии и религии, ощущают себя объединенными не каким-то символом веры, изложен-

---

⁴⁰ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции //Новая и новейшая история. - 1998. - №5. – С.80.

ным в ста или двадцати статьях, за соблюдением которого следят деятельная конгрегация индекса или устрашающий Трибунал инквизиции, но общими стремлениями, в силу которых они стихийно приходят к одним и тем же мнениям и выводам; они озабочены созданием истории, которая стала бы центром, сердцем общественных наук, сосредоточием всех наук, изучающих общество с различных точек зрения – социальной, психологической, религиозной и эстетической, наконец, а также с политической, экономической и культурной»⁴¹.

Много лет спустя эта же мысль была выражена на страницах журнала представителем третьего поколения «Анналов» Ф. Артога: «Мы – не школа, ибо равно опасаемся превратиться и в касту, и в общественный институт, и мы не почтовый ящик (пусть даже и знаменитый), мы – экспериментальный полигон»⁴².

Согласие с такой оценкой выражает Ю. В. Семенов, который, правда, говорит о школе «Анналов» именно как о школе, однако в его работе представители этой школы оказываются разбросанными по разным историко-философским направлениям: Ф. Бродель отнесен к «мир-системному подходу»; Ж. Дюби связан с социально-биологической концепцией общественного развития; Э. Ле Руа Ладюри объявлен представителем экологического детерминизма; а школа «Анналов» в целом отнесена к концепции определяющей роли социально-духовного фактора.⁴³

Как представляется, определить специфику историко-философского подхода к изучению творчества школы «Анналов» можно только с учетом того, что историография, философия истории и история философии – это различные науки, каждая из которых имеет свой предмет исследования и решает свои задачи. Наличие пограничных областей между ними вовсе не устраняет такого различия, а лишь подчеркивает наличие границ, то есть

⁴¹ Ле Гофф Ж. Существовала ли французская школа «Annales»? //Французский ежегодник. 1968. - М.: Наука, 1970. – С. 347.

⁴² Артога Ф. Попробуем поставить опыт //Анналы на рубеже веков: антология. - М., 2002. – С. 15-16.

⁴³ Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней... - С. 5-7.

существование качественного различия между этими науками. А если мы признаем это, то должны будем признать и различие теоретических и методологических требований в различных науках.

Первоочередной задачей историка всегда будет оставаться именно изучение исторических реалий. В силу этого его внимание всегда будет приковано к миру, а не направлено на осознание собственного «научного менталитета», на прояснение тех исходных оснований, на которых базируется историческое сознание. В этом отношении можно провести параллель с физиком, который занят изучением предмета собственной науки. Он вовсе не обязан при этом непрерывно размышлять о специфике физического познания, пристально следить за тем, что происходит в сознании физика. Но именно такую задачу ставит философ, занимающийся проблемами теории познания. Точно так же может и должен существовать философ, для которого, в отличие от историка, приоритетный интерес представляет именно анализ исторического познания. Сам историк, как правило, предпочитает заниматься саморефлексией лишь в исключительных случаях, а именно тогда, когда в исторической науке складывается кризисная ситуация, когда базовые теоретические представления уже перестают представляться самоочевидными и не позволяют включать новые исторические познания в сложившуюся общую картину истории. Историк (равно как и физик, химик, биолог) действительно предпочел бы заниматься своим «ремеслом», а не теоретизированием вокруг него. Он оказывается вынужденным теоретизировать тогда, когда философы, взявшие на себя разработку метаисторических представлений, не справляются с возложенной на себя задачей. Тогда, когда они обнаруживают некомпетентность, проявляющуюся в неспособности привести теоретические и методологические представления в соответствие с новыми открытиями в историографии. Именно в такие кризисные моменты историк вынужден откладывать в сторону ремесло и заниматься прояснением философско-теоретических вопросов.

Не стоит представлять себе дело так, что историк способен только играть роль «ползучего эмпирика», не способного к теоретизированию. Роли в науке отнюдь не расписаны раз и навсегда. Один и тот же человек может выступать и в роли историка, и в роли исследователя метаистории, методолога и философа. Но при стабильном, некризисном положении в науке эти роли могут мирно сочетаться и плавно переходить одна в другую. А в период общественно-политических кризисов, неизбежно сопряженных с кризисами в гуманитарных науках, происходит их поляризация. В этой связи можно вспомнить известное высказывание представителя Венского кружка Р. Карнапа, который заявил, что сегодняшняя философия - это позавчерашняя физика. Точно так же можно сказать, что в период бурного кризисного развития философия истории выступает в роли позавчерашней историографии. Тот, кто избирает для себя роль исключительно философа истории, по сути дела, отказывается считаться с новыми реалиями. Он выступает в роли консерватора, настаивая на чистоте, строгости и абсолютной точности в понятиях. При этом, разумеется, под такими понятиями имеются в виду понятия вчерашние и даже позавчерашние. И тогда исследователь, который сознает, что такая непоколебимая верность понятиям позавчерашним исключает верность сегодняшним фактам, начинает заявлять, что он предпочитает быть ремесленником, «ползучим эмпириком», не ведающим никакой теории, но при этом оставаться способным непрерывно следить за новыми реалиями современной жизни.

До бесконечности такое положение продолжаться, однако, не может. Рано или поздно новые реалии, новые исторические факты властно требуют для своего осмысления новой теории. В поисках оснований для нее историческая наука обратится ко всем философско-теоретическим идеям, выдвинутым на сегодняшний день. Они будут переосмыслены и соединены в некий новый синтез, допускающий продвижение вперед при создании новой картины исторического процесса, включающей новые исторические познания. Причем такой синтез будут осуществлять и философствующие истори-

ки, и философы-профессионалы, способные учесть новые исторические реалии и познания.

Но при этом неизбежно окажется, что вынужденные философствовать историки и вынужденные штудировать новые исторические работы философы как раз и окажутся на пограничном пространстве, где они временно приведут в полный хаос всю сложившуюся систему философских представлений об историческом процессе. Здесь-то и наступит черед историка философии, задачей которого станет осмысление происходящего в области философии истории. Он неизбежно начнет с того, что сопоставит по-новому синтезированные философско-теоретические концепции, соотнесет их со сложившимися на протяжении веков «традиционными» школами, течениями и направлениями. Он выделит, разбираясь в происходящем, новые школы, как бы этому ни сопротивлялись «классифицируемые» им историки и философы. Он «впишет» эти школы в существующую картину течений и направлений в философии, разумеется, внося в эту картину соответствующие коррективы. Его конечная цель состоит именно в том, чтобы постоянно сохранять целостное видение историко-философского процесса в его полноте и разнообразии. А потому для него нет принципиальной разницы, кем именно - профессиональными философами или философствующими представителями специальных наук - было осуществлено реальное приращение философских знаний.

Таким образом, несмотря на неприятие философии истории, представители школы «Анналов» в своем творчестве решали философские проблемы. В исторической науке, как и всякой другой существуют теоретические основания, определяющие ее методологию и выступающие в качестве фундамента для построения специально научных концепций. Особенность школы «Анналов» заключается в том, что, осуществляя конкретные исторические исследования ее представители по сути занимались созданием собственной философской модели исторического процесса. Сложность историко-философского анализа заключается в противоположности в отношениях профессиональных философов и историков школы «Анналов» к философской тео-

рии. Философы в научном творчестве предпочитают чистоту теории и поэтому стремятся обозначить свою принадлежность к какой-либо концепции, что не мешает им самим в своем творчестве выходить за рамки существующих концепций при создании новых теорий. В рамках школы «Анналов» даже с позиций историографических никогда не требовалось соблюдать приверженность к определенной теории, не говоря уже о пристрастиях философских.

Субъективность историка проявляется в выборе предмета изучения, способов исследования. Но самым важным является то, как он объяснит полученные результаты. Школа «Анналов» возникшая и развивающаяся в периоды мировоззренческих кризисов, естественным образом была вынуждена искать новые объяснения обнаруженным фактам и явлениям истории. Сами представители школы «Анналов» не стремятся к широким дискуссиям по поводу философских оснований своих исследований. Однако, признание успехов в исследованиях со стороны научного сообщества историков требует проведения философской рефлексии, целью которой будет являться выявление философских оснований, позволивших получить эти успешные результаты.

1.2 Концепция исторического познания в школе «Анналов» как результат философского синтеза: опыт историко-философской реконструкции

Скептически настроенный историк философии может увидеть в «Анналах» лишь эклектическое соединение разнородных философских концепций. Исследователь, стремящийся уловить живую ткань истории, скорее будет считать, что представители «Анналов» ближе других историографических школ сумели подойти к осознанию сущности исторического процесса - именно потому, что они сумели избежать односторонности, свойственной приверженцам строгих философских принципов.

Такого рода спор будет бесплодным до тех пор, пока не будут прояснено, что подразумевается под синтезом, а что - под эклектикой.

Как представляется, при осмыслении научного творчества школы «Анналов» речь может идти о синтезе в нескольких смыслах.

Первый вид синтеза – это синтез гуманитарных наук, использованный представителями «Анналов» в своих исследованиях: история и психология, история и лингвистика, история и этнология и т.д. Об этом виде синтеза исследователями творчества уже написано немало.⁴⁴

Второй вид синтеза представляет собой собственно сама школа «Анналов», в которой на протяжении многих десятилетий различные историки занимались исследованиями различных проблем истории, но результаты их трудов тем не менее складываются в некое целое, проникнутое единым духом, несмотря на все разнообразие проблематики.

Третий вид синтеза - именно тот, который интересует историка философии. Разнообразие исторических проблем, рассматривавшихся школой, стремление при их рассмотрении к синтезу достижений различных гуманитарных наук - все это, разумеется, требовало философско-методологических размышлений. Ведь сфера компетенции философии начинается сразу же за порогом каждой частной науки. Стоит ученому-специалисту перешагнуть этот порог, стоит только задуматься о месте и значении «своей» науки в ряду других, о специфике предмета ее исследований, как он уже должен представить себе общую картину мира и общую картину человеческого познания, хотя бы и в самом схематичном, контурном виде. А это означает, что он начинает заниматься философией - порою сам не осознавая того и всячески открещиваясь от метафизики.

Уже сама попытка прибегнуть к синтезу результатов гуманитарных наук в своих исследованиях обрекла представителей школы «Анналов» на философствование. Ведь вопрос о том, на каком именно основании такой синтез может быть осуществлен, является вопросом непосредственно философским.

---

⁴⁴ См. об этом работы Гуревича А.Я., Репиной Л.П и др.

Еще Ф.Энгельс заметил такой парадокс: чем активнее представители частных наук пытаются уйти от философии, тем больше они оказываются в ее плену. Верно это и по отношению к школе «Анналов». Подчеркнутая антиметафизическая установка, стремление сохранять непосредственную близость с фактами приводят к возникновению проблемы самоидентификации. Историческая реальность в XX веке стремительно менялась, причем менялась кардинально. Неизбежно вставал вопрос: как постигать ее, не поступаясь теоретическими принципами? Либо верность стремительно меняющимся фактам, либо сохранение «духа» школы. Даже если историки школы «Анналов» занимались изучением давно минувших эпох, они, как уже было сказано, признавали, что сам характер постановки вопросов к прошлому определяется положением дел в настоящем.

Школа «Анналов» продолжала существовать на протяжении большей части XX века. Но в чем тогда состоял ее «дух»? Что оставалось неизменным при неоднократной смене исследуемой проблематики? Вот вопрос, который просто не мог не заставить обратиться к проблемам методологии и, далее, к проблемам философии истории, к различному решению их в разных философских течениях и направлениях, в поисках идентичности собственной школы.

А проблематика, которой занимались ее представители, менялась настолько существенно, что французские исследователи истории самой школы «Анналов» склонны даже выделять несколько этапов в ее развитии.

Развитие «Анналов» от этапа к этапу неизменно демонстрировало, что новое поколение редакционного совета журнала, равно как и его рядовые сотрудники, не только воспринимали лучшие достижения у своих наставников, но всякий раз вносили существенное методологическое обновление, которое порой воспринималось как забвение наследия отцов-основателей. Предполагаемая непрерывность, которую имеют в виду сторонники определения «Анналов» в качестве научной школы, «фактически маскирует многочисленные

разрывы между историческим производством тридцатых и восьмидесятых, даже если некоторые парадигмы основания остаются».⁴⁵

Первые «Анналы» (1929 – 1956) возникли и развивались, когда мир был потрясен «возможностью реализации варварства в самом сердце европейской цивилизации».⁴⁶ Начиная с 1870-х годов французская историографическая школа Лависса, Ш.Сеньобоса, Ф. Де Куланжа была сосредоточена на политических и военных вопросах и создавала историю, которая «служит, чтобы готовить войну»⁴⁷. Но после окончания войны французские историки должны были «приспособиться к миру, искать и класть основы для длительного мира».⁴⁸

Успехи в гуманитарных науках (лингвистике, психоанализе, антропологии, географии, социологии) стали вторым вызовом для историков, на который Л.Февр и М.Блок ответили идеей «синтеза всех гуманитарных наук».⁴⁹ Под их руководством первые «Анналы» стремились утвердить парадигму «глобальной истории» или «тотальной истории», задачей которой «является воспроизведение социальности во всей целостности и единстве».⁵⁰

Как научное направление «Анналы» занимают центральное положение, ведя «борьбу на двух фронтах, против традиционной истории на правом фланге и против марксизма на левом».⁵¹ Французская историография в лице «Анналов» совершает поворот от политической истории к изучению социально-экономических явлений, не признавая при этом экономической детерминации исторического процесса.

Существенным новшеством был разрыв «с представлением о том, что история имеет дело исключительно с прошлым; «Анналы» стремились строить историю, включая прошлое и настоящее».⁵²

---

⁴⁵ Dosse F. History in pieces... – P.163.

⁴⁶ Ibid. - P.163.

⁴⁷ Ibid. - P.164.

⁴⁸ Ibid. - P.164.

⁴⁹ Ibid. -P.164.

⁵⁰ Русакова О.Ф. Философия и методология истории в 20 веке. Екатеринбург: изд. УрО РАН, 2000.- С.219.

⁵¹ Dosse F. History in pieces... – P.164.

⁵² Dosse F. History in pieces... - P.165.

Второй период (1956 – 1969) характеризуется сциентистской ориентацией. Продолжая практику междисциплинарных исследований, сотрудники журнала во главе с Фернаном Броделем утверждают новую концепцию. «На передний план выдвинулись «геоистория» и экономический материализм, игнорирующая человеческое начало идея «неподвижной истории» или почти неподвижной истории с упором на изучении безличных структур, пребывающих во «времени очень большой длительности». Наука истории рисковала раствориться в социальных науках, по временам она слишком поддавалась соблазнам структурализма».⁵³

Однако, заслуга Ф. Броделя заключается в том, что он сумел повернуть наступление структуралистов в 50-е годы на пользу исторической науке, поскольку «приспособил идею относительно структуры скорее как описательное понятие, а не концептуальное»⁵⁴. Так же под влиянием Ф. Броделя предмет исторической науки «перемещается от человека к природе»⁵⁵. Ф. Бродель отдает приоритет почти неподвижной истории, что ведет к отказу от «современной истории и любой попытки объяснить современные явления».⁵⁶

Третье поколение «Анналов» (1969 – 1994), возглавляемое Ж. Ле Гоффом, Э. Ле Руа Ладюри и М. Ферро, формировалось в условиях развала колониальной системы, создания молодых национальных государств, что в совокупности с протестом против вестернизации, склонило французских историков к исторической антропологии. Исследования историков оказались уподобленными «календарю ежедневных действий человечества, движущие факторы которых были сведены всего лишь к биологическим или семейным проявлениям существования людей - рождению, браку, смерти»⁵⁷. Кроме того, в противовес нарастающему технократизму «Анналы» обращаются к истории искусства, эстетики прошлых веков, создавая «социокультурную историю».⁵⁸

---

⁵³ Гуревич А. Я. Добротное ремесло (Первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М. Наука. - С.82-83.

⁵⁴ Dosse F. History in pieces ... - P.166.

⁵⁵ Ibid. - P.166.

⁵⁶ Ibid. - P.167.

⁵⁷ Dosse F. History in pieces: - P.168.

⁵⁸ Ibid. - P.168.

Третье поколение «Анналов» отличалось двойственным отношением к марксизму. Э. Ле Руа Ладюри, Ф. Фюре, потрясенные разоблачениями 20 съезда, событиями в Венгрии, Польше, Чехословакии, покидают коммунистическую партию Франции и призывают к «изучению констант в пределах изменений, а не к изучению изменений в пределах констант»⁵⁹, берут на себя «задачу сохранения наследства и принятия мер против всех усилий, ведущих к изменениям»⁶⁰. Э. Ле Руа Ладюри выдвигает идею измерения каждого периода «в терминах его ресурсов и населения, экономическая теория становится производным отражением демографической истории, таким образом, теория Мальтуса противопоставляется концепции К.Маркса».⁶¹

В то же время, другая группа историков, теоретически опираясь на К.Маркса, поддерживает его тезис об истории как науке изменений, стремится показать «человека, описанного как коллективное лицо (часть социальной группы), способного в этом качестве воздействовать на историю, вводить новшества, участвовать на похоронах старого мира и рождении нового».⁶²

В целом, представители третьего поколения отказываются от создания глобальной истории и предпочитают исследовать отдельные фрагменты жизни общества и описывать их, таким образом, восстанавливая в правах нарратив и через него перевода «фокуса исторического исследования от макроистории, анализирующей «крупные неподвижные структуры, к микроистории. То есть истории сообществ и «маленьких» людей, повседневная жизнь которых выступает своеобразной «монадой», в которой отражается специфика целой эпохи».⁶³

Руководитель редколлегии четвертых «Анналов» Ж.-И. Гренье, возглавивший журнал после широкой методологической дискуссии, выступает за исключение детерминистского подхода при анализе каких бы то ни было социальных процессов и считает плодотворным применение методов микроис-

---

⁵⁹ Ibid. - P.170.

⁶⁰ Ibid. - P.170.

⁶¹ Ibid. - P.175.

⁶² Ibid. - P.172.

⁶³ Русакова О. Ф. Философия и методология истории в 20 веке. - С. 238.

тории и новой исторической социологии к изучению политической, экономической или иной эволюции.⁶⁴

Движение «Анналов», будучи интеллектуально открытым, всегда «приветствовало историков разных школ, в том числе и тех, теоретические установки которых серьезно отличались от их собственных»⁶⁵. Провозглашения какой-либо ортодоксии от тех, кто присоединялся к «Анналам», никто никогда не требовал.

Такой подход позволил представителям «Анналов» постоянно пополнять и модифицировать философско-методологический арсенал, не сковывая себя жестко заданными рамками, и осуществлять синтез достижений философской мысли. Подобная позиция, впрочем, существовала и ранее. К примеру, ещё русский философ Н.И. Кареев, издавший в 1883 г. труд «Основные вопросы философии истории», считал «областью синтеза ... философию истории»⁶⁶. И столетие спустя, на рубеже 20 и 21 веков проблема синтеза в философии становится одной из самых обсуждаемых.

Многие исследователи отмечают, что специфика современной мировоззренческой ситуации заключается в том, «что уходит не просто очередная эпоха в культуре, как это было когда сменялись эпохи ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, реализма, модернизма, которые вписываются в общую парадигму лого-онто-тео- и т.д. центризма. В настоящее время осуществляется переход к принципиально новой парадигме мышления – многомерности».⁶⁷

Такая многомерность мышления не равнозначна его эклектичности. Наоборот, эклектичность - это верный признак мышления одномерного. Эклектик сохраняет непоколебимую верность только одной философии, но - по очереди. Сегодня он - только позитивист. Завтра - только экзистенциалист.

⁶⁴ Лепти Б., Гренье Ж.-И. О журнале «Анналы» // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М., 1991.-С.318-319.

⁶⁵ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции ... // Новая и новейшая история. – 1998. № 5. - С.85.

⁶⁶ Новиков Н.В. Субъективный синтез Н.И. Кареева. – С.150.

⁶⁷ Дрюк М.А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Моск. Ун-та, серия 7, философия. – 2002. - №2. – С. 30. См. об этом так же: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. - М., 1992; Алтухов В.Л. Новое мышление – мышление о многомерном мире // Дружба народов. – 1994. - №2, - С. 140-158.

Может быть, впрочем, что он позитивист при рассмотрении одного круга вопросов своей науки, но экзистенциалист при рассмотрении другого их круга. В своем отношении к философии он может быть уподоблен человеку, который даже в мыслях сохраняет настолько абсолютную верность в браке, что при малейшем чувстве симпатии к другому немедленно разводится с прежним партнером. Или его можно сравнить с не менее удивительным меломаном, который не может слушать звучания симфонического оркестра в целом, а потому слушает во время концерта по очереди то один инструмент, то другой в отдельности. Синтез - это не механическая сумма его составляющих, а рождение чего-то качественно нового.

Полифоничность «философского слуха» у представителей школы «Анналов» во многом предопределена именно тем, что они - историки, а не философы-профессионалы, то есть их дистанцированностью от философии. Если продолжить аналогию с оркестром, то каждый его музыкант озабочен максимально совершенным исполнением собственной партии, и дирижер требует от него именно этого, оставляя за собой право и необходимость постоянно слышать весь оркестр сразу. Оказавшись в зале на концерте другого оркестра, валторнист по привычке слушает только валторниста, а виолончелист - только партию виолончели. Но тот, кто не принадлежит к музыкантам по профессии, способен во время концерта слушать весь оркестр в целом, что не мешает ему отмечать удачные пассажи то одного, то другого музыканта.

Примерно таким же образом представители школы «Анналов» слушали многоголосие философов, каждый из которых строго сохранял верность своему учителю, университетской традиции и т.п., а потому старался быть предельно последовательным. Французские историки, обладавшие широчайшими гуманитарными познаниями, отмечали особенно удачные находки у философов, к какому бы течению или направлению в философии те не принадлежали. Сами же они всячески противились четкому и однозначному определению собственных философских оснований, отрекаясь от филосо-

фии вообще и объявляя себя ремесленниками. Но в итоге именно такая отстраненная и не определенная строго позиция в отношении философии только и позволила представителям школы «Анналов» создать синтетическую философскую методологию исторического познания.

Дух школы «Анналов», обеспечивающий ее идентичность, определяется именно уникальным синтезом философских идей, а потому может быть в полной мере постигнут только историком философии. И дух этот возникает потому, что французские историки способны выделять во всемирном оркестре философов наиболее удачные, на их взгляд, отдельные партии и мотивы.

В марксизме представителям школы «Анналов» импонирует идея о том, что историю творят массы. При этом само собой разумеется, что творчество масс выражается прежде всего в материальной культуре, в создаваемых ими вещах. Именно они в первую очередь и доходят до историка из далекого прошлого в виде самых долговечных исторических памятников. И если мы намерены действительно, а не декларативно признавать народ творцом истории, то техника работы историка с памятниками материальной культуры будет определяющей в его «ремесленном» мастерстве. Именно они должны вызывать его первоочередной интерес, поскольку слово, по выражению Ж.Ле Гоффа, - это «великий отсутствующий в истории». Народ выражал себя, в отличие от немногочисленных интеллектуалов прошлого, не столько в слове, сколько в материальных продуктах, создаваемых его трудом.

В позитивизме представителей школы «Анналов» привлек, прежде всего, высокий стандарт строгости при работе с фактами. В соединении с тем мотивом, который был заимствован из марксизма, это означало, что памятники материальной культуры прошлого должны описываться максимально точно. Работа с материальными памятниками должна стать «эмпирией» историка. Надо иметь дело именно с ними или с их точными описаниями, которые заслуживают абсолютного, поскольку лишены всяких домыслов и фантазий. Из письменных свидетельств о прошлом следует отбирать только

то, что не содержит отвлеченных рассуждений, разглагольствований об общем смысле истории, о потаенных причинах и следствиях. От исторических свидетельств представители школы «Анналов» требуют того же, чего требует от свидетелей английский суд: говорить только о том, что ты наблюдал лично, не высказывая никаких субъективных догадок и домыслов. Именно за последние представители школы «Анналов» и не жалуют метафизиков, измышляющих «философию истории», независимую от фактов.

Однако историки должны помнить, что памятники материальной культуры и прочие факты, освобожденные от домыслов с использованием позитивистских техник, интересны им вовсе не сами по себе. Их задача - постичь деятельность и мышление народа, творившего и творящего историю. Поэтому реконструкция исторических фактов в их чистоте, освобождение их от позднейших домыслов и метафизических наслоений - это лишь первый шаг.

Далее наступает черед исторической герменевтики. По остаткам материальной культуры, дошедшей до него, историк должен постичь то, что думали, чувствовали и переживали люди, создававшие вещи. Представители школы «Анналов» стоят на точке зрения презумпции народного ума. В отличие от просветителей, они далеко не спешат исправлять и наставлять народ, объявлять его жизненную философию набором предрассудков, менять ложные народные мнения на истинные, т.е. собственные. Их задача - постичь то, что реально двигало историей. Это - народное мышление, неотрывное от его социальных чувств и воли. То есть именно то, что представители школы «Анналов» именуют менталитетом народа.

Этот мотив заимствован уже из учений представителей «философии жизни», но не столько немецкой, сколько из французской - из бергсонизма, а в какой-то степени - из экзистенциализма. Точно так же, как А.Бергсон отрицал существование застывшей структуры человеческой личности, представляя ее, скорее по-гераклитовски, как нечто живое, что нельзя дважды застать в одном и том же состоянии, представители школы «Анналов» не мыс-

лят менталитет народа как какую-то константу. Никакой «французской идеи», которую только лишь надо найти, нет и не может быть, так же, впрочем, как нет и не может быть «русской идеи», «немецкой идеи», не менявшейся на протяжении многих веков. Есть гибкий менталитет, способный сообразовываться со складывающейся исторической ситуацией и, воплощаясь в действии, эту ситуацию изменять. Менталитет можно определить по аналогии с «прагматической верой» у Ч.Пирса, основателя американского прагматизма - это то, на основании чего действует народ. И только эта прагматическая вера народа и заслуживает внимания историка, так как совершенно не имеет значения, какими словами сопровождается действие. Два человека, действующие одинаково, имеют одинаковую прагматическую веру, хотя они и могут говорить при этом разные слова, апеллировать к разным идеалам. Так выразился бы Ч.Пирс. А представители школы «Анналов» сказали бы, что два человека, действующие одинаково, имеют одинаковый менталитет. Историк должен постичь именно его, не давая обмануть себя различным словесам, идеологиям, декларациям, политическим программам и тому подобному.

«Дух» школы «Анналов», таким образом, представляет собой дух философский, но - синтетический. Историк, к ней принадлежащий, должен придавать столь же большое значение практической деятельности народа и материальной культуре, как марксисты. Он должен столь же корректно и строго обходиться с эмпирическим материалом, как позитивист. Он должен проявлять не меньшие герменевтические способности, чем В.Дильтей. Он должен не хуже прагматиста видеть за реальными делами истинные мотивы, не давая обмануть себя декларациями. Он должен признавать за волей и социальными чувствами ничуть не менее важную роль, чем та, которую отводят им представители «философии жизни». Но, в отличие от них, он отнюдь не должен считать народ темной стихией, лишенной рассудка и разума.

Таким образом, школа «Анналов» сумела вобрать и органически соединить в своей концепции исторического развития сообразующиеся с эмпири-

ческими исследованиями мотивы философских теорий, которые на взгляд философа являются абсолютно противоположными. Это в конечном счете привело к формированию в школе «Анналов» оригинальной философско-методологической концепции, представляющей результат синтеза идей, заимствованных из различных философских течений.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта синтетическая «философия истории» не возникла сразу же, в столь завершенном виде, что последующие поколения представителей школы могли просто воспринимать ее от предшествующих, доказывая тем самым свою принадлежность к школе. На протяжении семи десятилетий существования школы «Анналов» в двадцатом веке непрерывно происходил процесс формирования этой синтетической философской концепции. Этому способствовал дух открытости, который характеризовал школу, не замыкавшуюся в себе и готовую к диалогу к историками, к ней не принадлежащими. В свою очередь, сам статус школы, которая не представляла собой какой-то организации с обязательными для всех членов программными документами и официальным членством, а была всего лишь объединением историков вокруг журнала «Анналы», допускал внутреннюю полемику и значительные расхождения во взглядах. Наконец, школа «Анналов» в различные годы ее существования не могла не откликаться на то, что происходило в духовной жизни страны.

По всем этим причинам ее «философский капитал» накапливался постепенно, благодаря совместным усилиям. Однако нельзя не заметить, что в полной мере о «синтетической» философии истории, описанной нами выше, можно говорить именно как о достоянии школы «Анналов» в целом. Иными словами, каждый ее представитель отнюдь не воспроизводил в своих работах всю полноту этой «синтетической» философии, а неизбежно ограничивался отдельными ее аспектами, наиболее важными для его исторических исследований. У одних историков при этом на передний план выходили позитивистские мотивы, у других - герменевтические, у третьих - марксистские. Однако, сознавая себя представителями школы, приверженными «духу

«Анналов», они рассматривали свои идеи как взаимодополняющие. Синтез, о котором мы говорим, скорее, предполагался по умолчанию историками, предпочитавшими не формулировать общеобязательных догматов и не очерчивать границ школы строго.

Именно потому четкое осознание произошедшего философского синтеза мы и считаем задачей историка философии, полагая, что история философии как наука есть самосознание и рефлексия философии.

На протяжении всей истории школы «Анналов» можно выявить влияние позитивизма. Учение О. Конта в рамках «Анналов» представлено тремя направлениями. Это прежде всего социологизм Ф. Симиана, подвергнутого критике фактологический позитивизм с его знаменитой формулой «Тексты, тексты и ничего кроме текстов»⁶⁸. В 50-60-е годы господствующие позиции занимал структуралистский позитивизм, под влиянием которого была разработана мир-системная концепция Ф. Броделя. Наконец, это клиометрический позитивизм Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню и других.

Экономический успех послевоенного тридцатилетия привлек внимание историков Франции к изучению марксизма. Использование марксизма представителями «Анналов» предполагало его некоторую корректировку. Однако марксизм был точкой отсчета при выборе тематики исследований и формировании общей концепции понимания исторического развития некоторыми историками.

Негативное в целом отношение к иррационализму не отвратило историков ментальностей от исследования проблемы бессознательного и привлекло внимание к идеям З. Фрейда и философии А. Бергсона.

Осознание факта о совершенно ином восприятии мира людьми прошлого привело французских историков к мысли о том, что современное толкование исторических событий, явлений, понятий не соответствует тому, как они трактовались людьми разных эпох.

---

⁶⁸ Блок М. Апология истории. – С. 19

Решить эту проблему помог метод герменевтики (и соответственно обращение к теории В. Дильтея), согласно которому необходимо «вжиться», «пережить» жизненный опыт исторических деятелей заново, а затем «понять», «истолковать» и воспроизвести его как «живое целое».

Стремление к синтезу и максимальная открытость школы «Анналов» для дискуссий, для восприятия ценных для исторического познания философских идей не означала однако что французские историки отличались теоретической всеядностью и космополитизмом. Напротив, они признавали себя именно французскими историками, а историю считали «прибежищем национальной гордости». Поэтому первоочередной интерес у них вызывали и труды философов-соотечественников. В первую очередь это относится к О.Контю (равно как и к французским историкам-позитивистам), а также к А.Бергсону.

Позитивизм оказался отправной точкой в истории формирования философско-методологической концепции школы «Анналов» во многом потому, что она закладывалась в период научных дискуссий на рубеже 19-20 веков, когда первые руководители журнала Л. Февр (1868–1956) и М. Блок (1886–1944) только начинали свою профессиональную деятельность. Вот что пишет об этом периоде Жак Ревель: «Возможно, в позитивистской атмосфере последней четверти 19 века именно история казалась образцом той научности и ригоризма, в которых нуждалась страна. История должна стать научной, а еще лучше системной дисциплиной – как ни как Франция – родина Декарта. Слово «метод» стало всеобщим девизом конца века. Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос систематизировали исторический метод в их знаменитом «Введении в изучение истории». Чему они учили? Главным образом критическому чтению текстов, убежденные, что эта необходимая деятельность поможет исследователям отобрать факты в их документальном проявлении и, следовательно, воссоздать образ прошлого, максимально близкий к тому, который можно было увидеть при непосредственном наблюдении. Коль скоро «драгоценный металл» факта отделялся от «документаль-

ного шлака» и «облагораживался» посредством критического разбора, факты приобретали последовательность, преимущественно в форме хронологического повествования»⁶⁹.

М. Блок открыто признавал влияние позитивизма: «Наша наука многим ей (социологической школе Э. Дюркгейма – О.С.) обязана. Она научила нас анализировать глубоко, ограничивать проблемы более строго, я бы даже сказал, мыслить не так упрощенно. О ней мы здесь будем говорить лишь с благодарностью и уважением. И если сегодня (М. Блок пишет в 1941 году - О. С.) она уже кажется превзойденной, то такова рано или поздно расплата всех умственных течений за их плодотворность»⁷⁰.

Хотя в приведенной цитате признается влияние идей Э.Дюркгейма, следует признать, что дух французского позитивизма, повлиявшего на школу «Анналов», восходит к О.Контю. Именно в его учении можно видеть истоки многих представлений французских историков. Движущей силой общественного развития согласно Конту был инстинкт, «побуждающий человека беспрестанно улучшать свое положение или, другими словами, развивать свою физическую, нравственную и умственную жизнь»⁷¹. Основа социальной эволюции – прогресс человеческого разума. В итоге содержание истории человечества есть постепенный переход от теологического мышления к позитивному.

Позитивное мышление О. Конта подчинено «закону постоянного подчинения воображения наблюдению»⁷². Используя «терапию языка»⁷³, то есть отказ от общих понятий, позитивный ум наблюдает события, очищает их от всякого вымысла, тем самым превращает события в научные факты. При накоплении достаточно большого количества фактов ученый выявляет повторения, которые становятся законами позитивной науки.

⁶⁹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции...//Новая и новейшая история. 1998. - № -5. - С. 84.

⁷⁰ Блок М. Апология истории. - С. 12.

⁷¹ Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. - М.: изд-во МГУ, 1980. - С.62.

⁷² Конт О. Дух позитивной философии. - СПб.: Вестник знания, 1910. – С.16.

⁷³ Там же. – С.17.

Французские историки-позитивисты (О. Тьерри (1795 – 1856), Ф. Гизо (1787 – 1874), О. Минье (1796 – 1884) и А. Тьер (1797 – 1877) считали, что место фантазии должно занять научное описание реального быта народа, его положительных, житейских интересов. Занявшись таким описанием, историки вступили на совершенно не исследованную территорию. Если до сих пор историю писали как историю деяний великих людей, то теперь предстояло заняться изучением истории народов, народных масс, которые стремились к свободе и благосостоянию. Но создать историю, «которая понимается как народное самосознание ..., так же просто, как источить воду из камня»⁷⁴.

Долгое время о жизненной философии рядовых членов общества говорили как о чем-то несовершенном, примитивном, фрагментарном. Однако эта жизненная философия позволяет людям, трудящимся в сфере производства, противостоять давлению со стороны сознания людей, обладающих в силу своей профессиональной принадлежности более глубоким объемом знаний и большей способностью эти знания выражать в научно-доказательной форме. Если эта жизненная философия позволяет устоять перед таким мощным давлением, то ее нельзя считать неразвитой и фрагментарной. Очевидно, это система, пока еще полностью не раскрытая профессионалами и не осознанная самими представителями жизненной философии.

Между тем жизненные философии обладают великим могуществом. Они строят вокруг себя материальные миры, воплощаясь в материи и организуя ее. Жизненная философия не нуждается в философии профессиональной, так как является самодостаточной, оправдывая сама себя своими практическими результатами.⁷⁵

Французские историки-позитивисты эпохи Реставрации указали на то, что философы Просвещения придумывали народ вместо того, чтобы изучать его. Открытие позитивистами реального народа явилось важным фактором.

---

⁷⁴ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Кн. 1. Введение в церковную историю. – М.: изд-е Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 237.

⁷⁵ Перцев А. Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям) // Толерантность: Материалы летней школы молодых ученых «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности. В 2-х ч. Ч. 2. - Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. - С. 173.

Но методы социологии не позволили проникнуть во внутренний мир человека. Кроме того у социолога - ученого и у человека, который практически действует, творя историю, всегда существовали принципиально различные подходы к пониманию будущего. Социологические исследования позволяли верифицировать образ прошлого при наличии достаточного количества материала, просчитать настоящее и очень осторожно предположить будущее. Между тем практически действующий человек всегда устремлен в будущее.

Многие современные мотивы в отечественной социальной философии созвучны тем, которые являлись главными в работах французских историков-позитивистов, а затем были восприняты представителями школы «Анналов». Прежде всего это мысль о том, что историю творит народ, однако не как масса, а как совокупность мыслящих людей, реализующих в действии свои «жизненные философии».

Так, В.Е. Кемеров предпринял попытку вписать проблему «личности в исторические изменения, в логику и результаты»⁷⁶ истории. Выдвинув концепцию индивидуальных революций, В.В. Кемеров утверждает, что экономические, политические, научно-технические революции сопровождались серьезными изменениями в личностном бытии людей, «пользовались» этими изменениями, хотя о собственно личностном смысле происшедшего зачастую «не могли», «не умели», «не хотели» сказать. В общественную жизнь вступали новые личностные ресурсы, но они как бы не шли в счет, не обозначались, не оформлялись соответствующим образом»⁷⁷.

Речь идет, в сущности, именно о том, что представители школы «Анналов» именовали менталитетом.

Однако следует отметить, что первоначально не философы, а именно историки (хотя и они долгое время не обращали внимания на мышление рядового человека), внесли фундаментальный вклад в изучение духовного мира

---

⁷⁶ Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. - М.: Академический проспект. 2000. - С. 207-208.

⁷⁷ Там же.

человека в своих эмпирических исследованиях, уловив его сущность, структуру, влияние на исторический процесс.

В начале 20 века появились первые научные труды, связанные с исследованием образа мыслей и чувств человека прошлого, авторами которых выступали представители различных наук. Среди них выделяется работа Й.Хейзинги «Осень средневековья», ставшая классической. Й. Хейзинга, знакомый с трудами В.Вундта, «по существу был заинтересован тем, что он называл «различные формы мысли»⁷⁸. Подход Й.Хейзинги близок к тому, который прослеживается в работах А. Пиррена «Средневековые Города Бельгии» и М. Оссовской «Рыцарь и буржуа». Но еще раньше, в середине 19 века французский историк Мишле, пользующийся особым уважением у представителей школы «Анналов», призывал к «созданию истории тех, которые страдали, работали, умирали, но не могли сказать миру о своих страданиях».⁷⁹

Французская философия неоднократно предпринимала попытки указать и раскрыть внутренний мир человека прошлого. Ш. Монтескье предложил исследовать «манеру говорить нашими отцами».⁸⁰ О. Конт призывал создать «историю без имен».⁸¹

Немецкий социолог М. Вебер выдвинул гипотезу о влиянии на формирование капитализма протестантской этики.⁸² Этнолог Л. Леви-Брюль использовал идею «Э. Дюркгейма о социальном происхождении и характере мышления»⁸³ и указал на разницу в понимании мира первобытным человеком и современным. По содержанию «мышление первобытных людей является в основе своей мистическим»⁸⁴, в то время как мышление современного человека «перестало быть мистическим, по крайней мере в том, что касается

⁷⁸ Burke P. The Annales_ in global context— // Intern. Rev. Of social history.-Assen, 1990.-Vol.35, pt 3.-P. 428.

⁷⁹ Idid. – P. 431.

⁸⁰ Idid. – P. 432.

⁸¹ Idid. – P. 429.

⁸² См об этом Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма// М. Вебер Избранное. - М. 1990.

⁸³ Арискин П. Люсьен Леви-Брюль и проблема исторического развития // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М. 1999 - С. 572

⁸⁴ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // История психологии. Тексты. Екатеринбург. 1999. - С. 383-384.

большинства окружающих предметов»⁸⁵. Л. Леви-Брюль обратил внимание на то, что, несмотря на логический характер мышления современного человека, в нем сохранились и черты иррациональности.⁸⁶

Французские историки Л. Февр и М. Блок восприняли идею Л. Леви-Брюля об изучении мыслительных операций людей прошлого и переняли понятие «ментальность», применяемое этнологом для обозначения мышления первобытного человека. Однако, в отличие от Л. Леви-Брюля, они стали говорить о различии в ментальностях людей, живущих цивилизованно, но в разных эпохах: средневековье, новое время, 20-м веке. Замечание о наличии в мышлении современного человека, помимо рациональных и иррациональных элементов позволило Л. Февру и М. Блоку обратить внимание на изучение бессознательного в мышлении как отдельного человека, так и общества в целом.

Изучение ментальности становится фирменным знаком «Анналов» и завоевывает успех в научных исторических кругах Европы.⁸⁷

И все же понимание ментальности, которое сложилось в школе «Анналов», наиболее близко к учению А. Бергсона о сущности творческой эволюции. Ментальность тоже осмыслялась французскими историками в двух ракурсах - и с внешней стороны, как та сила, та энергия, которая движет историей, объективируясь в материи и организуя ее, и, так сказать, изнутри, как образ мышления народа, неотделимый от его воли и социальных чувств.

Такое понимание ментальности было призвано заменить «упрощенную модель человеческого сознания, в которой господствующим центром выступает рациональность, к тому же смоделированная по образцам инструментального и целерационального действия»⁸⁸. Учение о ментальности в школе «Анналов» в сущности и представляет собой ответ на поставленный А.Бергсоном вопрос: «Каким образом жизнь разворачивается в своей исто-

---

⁸⁵ Там же. - С. 384.

⁸⁶ Там же. - С. 403.

⁸⁷ Вовель М. Ментальность. // 50/50 Опыт словаря нового мышления. / Под ред. Афанасьева Ю. И М. Ферро. - М.: Прогресс. - С. 456.

⁸⁸ Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета.-СПб.: изд-во С.-Петербург. Ун-та,1993.-С. 80.

рии, то есть последовательности, где нет повторения, где каждый момент уникален и несет в себе образ всего прошлого?»⁸⁹

Представители школы «Анналов» солидарны с А.Бергсоном в том, что люди творят историю, полагаясь не только на свой интеллект, но и на интуицию, способную воспринимать предмет в целом и видеть в нем то нужное свойство или качество, которое необходимо в каждом конкретном случае.⁹⁰ Поэтому интуиция сопоставима с бессознательной ментальной установкой: не знаю почему, но поступать в этой ситуации нужно так; я чувствую, что необходимо действовать именно таким образом. Жизненный выбор представляется тем результатом, который обеспечивается всем грузом прошлого.

Представители школы «Анналов» отметили, что в исследованиях многих историков говорится о ментальных системах или структурах. Однако при этом речь идет не о системах в строгом смысле этого слова, предполагающем наличие четко выраженных элементов, связанных между собой определенным образом. Поэтому Ж. Дюби и Р. Мандру предложили «изучать ментальность систематически», выявляя взаимосвязь ментальных образов и представлений, «которые в разных странах или группах сочетаются по-разному».⁹¹

Представители школы «Анналов» подчеркивают, что ментальность является собой целостность. Ее составляющие гетерогенны, а потому не соизмеримы между собой качественно и количественно. Эти составляющие, разумеется, можно изучать и в отдельных исследованиях, но это будут лишь отдельные грани ментальности определенной группы или определенной эпохи. В то же время ментальность представляет собой структуру в движении, а не в статике. В истории все протекает в непрерывном, постоянно меняющемся жизненном потоке. М. Блок обнаруживает в человеке и обществе «непрерывную игру взаимодействий»⁹², в которых невозможно выявить однозначные и стабильные причинно-следственные связи.

---

⁸⁹ Цит. по: Блауберг И.И. Предисловие//Бергсон А. Творческая эволюция. - М.:КАНОН –Пресс, Кучково поле, 1998. - С.18.

⁹⁰ Бергсон А. Творческая эволюция. - С.261.

⁹¹ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции... - С.52.

⁹² Блок М. Апология истории. - С. 89.

Как сущность «творческой эволюции» у А.Бергсона, так и сущность истории в понимании школы «Анналов» состоит во взаимодействии движений, противодействующих друг другу. Здесь нет ничего однозначно первичного и однозначно вторичного. Материальное вовсе не определяет всего происходящего, поскольку оно есть лишь застывший в материи менталитет предшествующих поколений (именно так оно и описывается Ф.Броделем). Ее действию, подобному «гнету», противодействует менталитет поколений нынешних. Поэтому трактовку исторического процесса школой «Анналов» вполне может выразить следующее высказывание А.Бергсона: «Все протекает так, как если бы в материю проник широкий поток сознания, снабженный, как всякое сознание, огромным множеством смешанных друг с другом возможностей»⁹³.

Здесь, однако, важно подчеркнуть, что в данном случае под сознанием А. Бергсон имеет в виду второй уровень сознания, так называемое «глубинное Я» отличное от «Я поверхностного», интеллектуального, имеющего количественные характеристики. «Глубинное Я» – подлинная сущность человека. Это «поток сознания», состоящий из необозримой качественной множественности тончайших чувствований и переживаний, не поддающихся никакой рассудочной детерминации»⁹⁴. Так понятое «глубинное Я» (поток сознания) вполне совпадает с бессознательными ментальными установками, о которых говорят представители школы «Анналов».

Иначе говоря, эволюционный исторический процесс происходит в результате бесконечного взаимодействия материального мира и ментальных установок людей. Двойкая множественность, усиленная внутренней «длительностью» материи и сознания, приводит к образованию в результате эволюции множества вариаций жизни.

Резюмируя сказанное, можно сказать следующее.

⁹³ Бергсон А. Творческая эволюция. - С. 142.

⁹⁴ Свасьян К.А. Эстетическая сущность интуитивной философии А.Бергсона.-Ереван:АН АрССР,1978.-С.36.

Философско-методологическая база, составляющая «дух» школы «Анналов», сформировалась в результате активного поиска эвристически ценных философских идей французскими историками, обладавшими высокой гуманитарной культурой. Именно дистанцированность от философии профессиональной позволила им соединить в своих основополагающих представлениях о сути истории идеи, которые были выдвинуты представителями различных течений и направлений в философии. И в этом отношении не будет ошибкой сказать, что представления о менталитете, развиваемые школой, в значительной мере применимы и к самим ее представителям. Заимствования из философских источников отчасти вполне осознаются представителями школы, что подтверждается прямыми ссылками, а отчасти являются не вполне осознанными, произошедшими не напрямую, а через «дух времени». Поэтому философско-теоретический «менталитет» школы требует историко-философской реконструкции по результатам его воплощения в исторических трудах. В данной связи приходится признать правоту Ю.М.Федорова: «Мировоззренческий потенциал ушедшей на покой философы оседает, хотя и в неявном виде, в методологии конкретных исторических исследований, однако уже не как категорические императивы, а в качестве «само собой разумеющейся вещи», «свидетельства здравого смысла» и пр. Та или иная историософия всегда была и будет мировоззренчески-методологическим базисом для исторической науки. Если историческая наука и сумеет в необозримом будущем построить свою собственную историософему (позитивистский лозунг: «наука сама себе философия»), то в ней все равно можно будет обнаружить кальку с какой-либо известной или новейшей философы»⁹⁵.

Таким образом, представители школы «Анналов» не были абсолютно оригинальными в создании своей базовой философско-методологической концепции. Верно, что «фактически все новшества, связанные с Блоком, Февром и Броделем имеют прецеденты»⁹⁶. Но они смогли создать собствен-

---

⁹⁵ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 3: Антропологическая историософия. - Новосибирск: изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. - С. 8.

⁹⁶ Burke P. The Annales_ in global context... - P. 432.

ную «комбинацию элементов, приведшую к строительству нового вида истории»⁹⁷. Новизна и оригинальность философских идей школы «Анналов» заключается таким образом не в элементах, которые заимствуются из позитивизма, марксизма, «философии жизни», герменевтики, а в их уникальном синтезе, в результате которого возникло нечто качественно новое, лишней раз доказывающее, что система больше суммы составляющих ее элементов.

Синтез философских идей привел на практике исторических исследований к результатам, получившим признание в исторической науке. Это может служить доказательством ценности оригинальной концепции исторического развития, в которой важнейшее место занимает понятие «ментальности», органически увязывающее в историческом процессе рациональные и иррациональные начала, формирующиеся под влиянием окружающей среды и в свою очередь оказывающей на нее собственное воздействие.

Таким образом, представляется возможным рассмотреть школу «Анналов» в рамках историко-философского подхода, несмотря на негативное отношение французских историков к философии истории.

Историческая наука может быть рассмотрена как социальная практика. Такой подход позволяет утверждать, что философские концепции исторического развития, в том числе и оригинальная концепция школы «Анналов», не возникают сами по себе, а являются результатом общественного развития, отражают те или иные философские теории, которые были на данный момент сформированы и господствовали в общественной мысли.

Несмотря на то, что представители школы «Анналов» ценят профессиональные исследовательские навыки более, чем способность к построению абстрактной теории, именно философская предубежденность ученого историка, которую он получает в процессе обучения профессиональному мастерству порой совершенно неосознанно, оказывает значительно большее влияние на результаты исследований французских историков (и всех других), чем чисто профессиональные навыки. Философская предубежденность по сути формирует

---

⁹⁷ Idid. – P. 432.

ту исследовательскую ситуацию, в которой действует ученый-практик, и тем самым оказывает решающее влияние на получаемые результаты исследований.

Только историк философии может проанализировать и понять, каким именно образом сформировалась философская основа школы «Анналов», составляющая ее «дух». За многие десятилетия существования школы в XX веке французские историки пытались осуществить соединения идей позитивизма, структурализма, марксизма, «философии жизни», герменевтики. При этом они извлекали из этих философских учений лишь то, что представлялось им эвристически ценным для исторической науки.

Результатом такого соединения разнородных идей оказалось не какое-то эклектическое образование, а достаточно оригинальный синтез, представляющий собой целостную теорию и методологию исторического познания. Школа «Анналов» исходит из того, что историю творит народ, который выражает себя, однако, не столько в письменных и печатных произведениях, сколько в создаваемых им предметах материальной культуры и в организационных структурах, функционирующих в повседневности. Эта идея, близкая к марксизму, далее дополняется требованием позитивистских стандартов точности при работе с историческими памятниками и историческими свидетельствами. Однако памятники материальной культуры и прочие факты, освобожденные от домыслов с помощью позитивистских техник, интересны историку не сами по себе. Реконструкция исторических фактов в их чистоте, освобождение их от позднейших домыслов, интерпретаций и метафизических наслоений - это лишь первый шаг. Далее наступает черед исторической герменевтики, призванной по остаткам материальной культуры реконструировать менталитет создавшего их народа, постичь не только его образ мышления, но и волю и социальные чувства, которые двигали им.

В результате такого синтеза философских идей, заимствованных из различных философских источников, возникает качественно новая концепция истории и исторического познания.

Глава 2. Философские истоки учения школы «Анналов» и проблема преодоления односторонности предшествующих представлений о философии истории

Проблема мышления рядового человека в историческом прошлом долгое время была не востребована ни философами, ни историками. И те, и другие предпочитали изучать творческое наследие людей, оставивших заметный след в истории и выразивших свои мысли в философских, религиозных, политических и других сочинениях.

Однако философия, так или иначе, ставила вопрос о духовном мире человека на протяжении всего своего существования.

Каждое из философских направлений, занимающееся этой проблемой и предлагающее собственный взгляд на философию истории, отстаивало истинность только своих взглядов, что не приводило к решению проблемы более полного и глубокого изучения духовной жизни человека.

На этой основе возникает тенденция к синтезу достижений гуманитарных наук. Первая попытка была предпринята со стороны социологии. На рубеже 19-20 веков ее представители выступили с идеей объединения всех наук, изучающих человека, вокруг философии. Однако эта попытка, как и в свое время, предложение О. Конта сделать мир более гармоничным с помощью социологических знаний, оказалась безуспешной.

Но идея синтеза была подхвачена историками. Сначала не совсем удачно А. Бером, а затем Л. Февром и М. Блоком, которые со страниц журнала «Анналы» выступили с идеей обновления исторической науки на основе новых методологических принципов и методов исследования, что, в конечном счете, привело к формированию новой исторической науки.

Практическая деятельность в сочетании со стремлением не исказить обобщение эмпирических результатов подгонкой под абстрактные схемы привели к формированию у представителей «Анналов» своеобразного отношения к философской теории. Если эмпирические исследования подтвержда-

ли философские выводы, то французские ученые активно использовали соответствующую теорию для теоретического подтверждения собственных результатов. Однако, если обнаруживалось несоответствие между результатами исследований и теорией, на основе которой строились предполагаемые выводы, то выбор окончательного решения осуществлялся в пользу полученных результатов. Теория либо корректировалась, либо заменялась другой.

Школа «Анналов» сумела вобрать и органически соединить в свою концепцию исторического развития подтвержденные эмпирическими исследованиями элементы философских теорий, которые на взгляд философа являются абсолютно противоположными. Это, в конечном счете, привело к формированию у представителей «Анналов» методологического плюрализма.

Как уже отмечалось представители школы «Анналов» сумели воспринять идея позитивизма в его различных вариантах, и деятельность не была чужда и марксизму, который подвергался некоторой корректировке. Опираясь на герменевтику, французские ученые смогли более глубоко проникнуть в мысли и чувства людей прошлых эпох.

В результате идея синтеза, озвученная «Анналами» в качестве объединения усилий гуманитарных наук при изучении человека и его исторического прошлого, идея проведения исследований на стыке наук, превратилась в идею синтеза методологий.

Методологический синтез не являлся изначальной целью «Анналов». Однако использование достижений других наук, каждая из которых имела свои методологические основания, несомненно, должно было привести к формированию в школе «Анналов» некой оригинальной синтетической концепции исторического процесса, к формированию синтетической методологии исторического познания.

Выявление методологических оснований у различных представителей школы «Анналов» исходит из того тонкого гегелевского замечания о том, что метод есть форма движения некоторого содержания (вне всякого сомнения, содержание подразумевалось философским). Соответственно: если метод

всегда вытекает из некоторой философской теории, то эту теорию можно восстановить. Даже тогда, когда историк, пользующийся определенным методом, упорно не желает распространяться об его философских основаниях из опасения прослыть метафизиком или из высокомерного притязания стать выше «пустых» философских споров. Ни то, ни другое, к счастью, не может быть отнесено к школе «Анналов»: высочайшая гуманитарная культура ее представителей не позволяет им с полным нигилизмом относиться к философии. Время от времени в текстах прямо или косвенно они говорят о влиянии некоторых философских учений. Однако их общее отношение к философии напоминает подход Николая Гартмана, который утверждал, что создатели всех философских учений делают какое-то действительное открытие, но в последствии пытаются придать ему универсальное содержание, превратить во все объясняющий принцип, ключ, универсальную отмычку ко всем проблемам. Такая ситуация складывается, по мнению Н. Гартмана, в силу определенных способов мышления: «Один способ мышления идет от «системы», пытается осуществить ее построение любой ценой; для него важно не постижение, не проникновение в проблемы, а «одноголосие», однозначное согласование. При этом он не может не насиловать проблем; он заставляет признавать вынужденные их решения. Или же, если проблемы не желают включаться в систему, он склоняется к тому, чтобы отказаться от них, объявить ложно поставленными вопросами»⁹⁸. Ему противостоит другой тип мышления, идущий от проблемы. Он не стремится заранее представить определенную картину мира, он ищет ее, двигаясь вглубь изучения поставленного вопроса, куда бы это изучение не привело, поэтому такое мышление зачастую непоследовательно, не системно.

Это противостояние можно интерпретировать следующим образом: «Совершив деятельное открытие, вскрыв реальную проблему, философ возводит вокруг этого открытия, так сказать, «крепость» системы, чтобы защитить

---

⁹⁸ Цит. по: Перцев А. В., Лаптев А. А. Н. Гартман: немецкий рационализм после Канта и Гегеля. // Западная философия: итоги тысячелетия. - Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей. 1997. - С.422.

свою позицию от атак оппонентов. Учитывая неизбежную критику, он всегда «перегибает палку», идет в построении системных конструкций значительно дальше, чем это позволяет действительное открытие, распространяет его за те пределы, в которых оно верно. Предвидя полемические сражения, он строит свои оборонительные рубежи с запасом, чтобы отступить с боями на главную позицию и с гарантией удержать ее полностью. Он как бы следует, бессознательно или сознательно, древней восточной мудрости: «Умелый стрелок из лука всегда метит выше цели, чтобы попасть в нее». Однако именно «крепость», «оборонительные сооружения» системы как раз и оказываются косным, отягощающим, мертвым в философском учении. Жизнь же ему сообщает только решение проблем»⁹⁹.

Так К. Маркс совершил действительное открытие, указав на важную роль экономики в жизни общества, но впал в заблуждение, заявив, что экономикой объясняется в обществе абсолютно все. Правы были и те философы, которые указали на роль биологических факторов, проявлявшихся в жизнедеятельности человека. Однако ошибкой было создание ими биологизма, то есть объяснения всего в человеческой жизни и культуре только биологическими факторами. Как подчеркивает Н. Гартман, заблуждения начинаются везде, где создается какой-либо «-изм», представляющий собой результат необоснованного обобщения.

Представители школы «Анналов» произвели освобождение действительных достижений рационализма, иррационализма от тех «-измов», в которые они затем неоправданно были превращены философами. Во многом эта деспекуляризация, разметафизичивание философских доктрин произошла благодаря высочайшей гуманитарной культуре представителей школы «Анналов», которая всегда внушает чувство меры: ничего не должно быть слишком. Однако не последнюю роль здесь сыграло и стремление историков строго придерживаться фактов, эмпирического материала, который, как обычно,

⁹⁹ Перцев А. В., Лаптев А. А. Н. Гартман: немецкий рационализм после Канта и Гегеля. - С. 423.

не желал вписываться без остатка ни в какие абстрактно-спекулятивные схемы «-измов».

Представители школы «Анналов», исследуя историю прошлого, стремятся не подтвердить признанные ими правильными историко-философские концепции. Они идут от исторических фактов, открывающихся им в процессе исследования, и уже в зависимости от этого принимают или отказываются от предлагаемых историкам философских концепций. В результате представители школы «Анналов» выработали собственные философско-методологические основания истории, которые и представляют значительный интерес и для историков, и для философов. Конечно, для философа главный интерес будет представлять не тематика исследований представителей «Анналов», а общие представления о философии истории, которые лишь реализуются в конкретных исследованиях конкретных проблем. Можно решиться на утверждение о том, что обширнейший конкретный материал выступает главным образом как доказательство правильности избранной методологии, как весомейший аргумент в ее пользу.

Но главной ценностью остается методология, именно общий подход к философии истории. Выработывая его, историк выходит за пределы своей науки и превращается в философа, как и любой ученый, ставящий вопрос о смысле существования своей науки и ее месте во всем космосе культуры. Необходимо учитывать, что поскольку философия истории опосредуется через историческую науку, постольку историческая наука опосредуется через философию истории¹⁰⁰.

Методология первых руководителей «Анналов» складывалась на рубеже 19-20 веков, когда социологи активно включились в дискуссии по поводу места и роли различных гуманитарных дисциплин в познании человека и общества. Поэтому не случайно влияние социологии на процесс формирования новой исторической науки.

---

¹⁰⁰ Янагида К. Философия истории. - М.: Прогресс. 1969. - С. 57.

С целью преобразования истории в подлинную науку социологи Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос предлагали усовершенствовать методы исследования. А именно: использовать метод непосредственного наблюдения в прошлом. Для этого необходимо было отказаться от преклонения перед историческим текстом, характерного для традиционной историографии, освободить его от искажений, допущенных автором текста. Затем выстроить факты в хронологической последовательности, что при обнаружении повторов должно привести к выявлению закономерностей.

Ф. Симиан (ученик Э. Дюркгейма) дополнил идеи Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса следующими предложениями, которые были освоены основателями «Анналов»: «...приоритет проблемно-ориентированной истории, особое внимание к предмету исследования, требование измерения и сравнения, использование моделей и превыше всего - решимость унифицировать науки о человеке»¹⁰¹.

Под влиянием позитивизма сложился главный принцип и девиз научной деятельности, сформулированный М. Блоком, которому новая историческая наука Франции остается верна до сих пор, раскрывая все новые горизонты для исторических исследований: «Мыслить проблемами!». Л. Февр в свою очередь, выступая перед молодыми исследователями, говорил: «Постановка проблемы – это и есть начало и конец всякого исторического исследования, где нет проблем – там нет и истории, только пустые разглагольствования и компиляции»¹⁰².

М. Блок настаивал на том, чтобы историческая наука выдвигала актуальные проблемы. Актуальность означала, что только современность и может дать верный взгляд на прошлое. Не в том, конечно, смысле, что историк как бы притягивает события прошлого к своему времени и модернизирует их, а в том смысле, что современность ставит перед историком проблемы подлежащие изучению. Выделение двух постулатов в изучении истории «Понять

---

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Февр Л. Бои за историю. - С. 28.

прошлое с помощью настоящего» и «Понять настоящее с помощью прошлого» М. Блок объяснял инертностью в развитии многих социальных явлений¹⁰³. Тем самым М. Блок порывал с традиционным представлением о том, что «история имеет дело исключительно с прошлым»¹⁰⁴.

Изучение прошлого с опорой на настоящее позволяет истории быть наукой не только прагматически полезной, но и интеллектуально востребованной. М. Блок писал: «Проблему пользы истории – в узком, прагматическом смысле этого слова «полезный» - не надо смешивать с проблемой ее чисто интеллектуальной оправданности. Ведь проблема пользы может здесь возникнуть только во вторую очередь: чтобы поступать разумно, разве не надо сперва понять»¹⁰⁵.

Четкая постановка главного вопроса исследования решала проблему факта. Факт, выхваченный из контекста событий, не связанный с окружающими явлениями, сам по себе ничего не значит и не объясняет. Постановка проблемы упорядочивала факты, позволяла отобрать среди огромного множества необходимое. «Когда не знаешь, что ищешь, не понимаешь, что находишь»¹⁰⁶.

Но если позитивисты предлагали в центр наук о человеке поставить социологию, объединив вокруг нее все остальные гуманитарные дисциплины, то Л. Февр и М. Блок, создавая журнал, полагали, что такой объединяющей дисциплиной должна стать история, поскольку очень четко определили главный предмет ее исследования – Человек и его сознание.

Естественные науки, на которые социологи призывали равняться историкам, уже использовали междисциплинарные исследования. М. Блок и Л. Февр так же призывали к ломке междисциплинарных барьеров, которые отделяли историков от других ученых, посвятивших себя изучению общества и человека. Они предложили «эмпирически («примером и фактом») унифи-

¹⁰³ Блок М. Апология истории. - С. 25, 27.

¹⁰⁴ Dosse F. History in pieces: from the militant to the triumphant *Annales* – P. 165

¹⁰⁵ Блок М. Апология истории.- С. 10.

¹⁰⁶ Февр Л. Бои за историю. - С. 43.

цировать не только область исторического исследования, страдавшую от переизбытка изолированных друг от друга подспециальностей, но и социальные науки в целом»¹⁰⁷. Основой такой трансформации стала широко распространенная в те годы идея о многообразии подходов к проблеме социального. Поскольку под социальным понималось все, что связано с человеком, который объявлялся главным предметом исторических исследований, то история должна изучать человека во всех его жизненных проявлениях и взаимосвязях. «Все, связанное с человеком, социально», - отмечал Ф. Бродель.¹⁰⁸

Междисциплинарный метод способствовал формированию идеи «тотальной истории». Ее признаком был не обязательно масштаб, охват множества событий, а всесторонний подход. Тотальная история может быть локальной, но жизнь людей будет изучаться с максимально возможных точек зрения. «Коль скоро социальные явления могли быть поняты только в глобальной перспективе, ни один из подходов не может исключаться или получать приоритет над остальными. Чем многообразнее ракурс, тем основательнее анализ»¹⁰⁹.

Социологизация истории, осуществленная в полном объеме, могла бы привести к чрезмерному абстрагированию, схематизму. Однако Л. Февр и М. Блок, расширив предметную область за счет изучения ментальности, смогли избежать этого недостатка. Ментальность, включая в себя сознательные и бессознательные элементы в поведении и деятельности человека, стягивала в единый комплекс междисциплинарные исследования, позволяла изучать человека в целостном измерении без деления на многочисленные «*homo religiosus*, *homo oeconomicus*» и другие.

В довоенный период работы представителей «Анналов» встречали у исторического сообщества достаточно прохладный, если не враждебный прием. Ф. Бродель говорит об этом периоде так: «... враждебность цвела пышным

¹⁰⁷ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции// Новая и новейшая история. – 1998. №5.- С. 85.

¹⁰⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Т. 1. - М.: Прогресс. 1988. - С. 595.

¹⁰⁹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции//Новая и новейшая история. – 1998. №5. - С. 87.

цветом»¹¹⁰. Тем не менее сотрудники журнала и его авторы, возглавляемые Л. Февром (М. Блок был расстрелян гитлеровцами как участник движения Сопротивления), продолжили работу в избранном направлении и в послевоенный период. Хотя, надо заметить, что и во время войны научная деятельность не прекращалась – свидетельство тому – работы самого М. Блока.

Послевоенный период был связан с интересом «Анналов» к экономической истории, что, по мнению Ж. Ревеля, вполне объяснимо в сложившейся в те годы во Франции общей обстановке, которую можно охарактеризовать как эру «массовой политики и социального прогресса, опиравшегося на прогресс экономический, чьи перспективы казались безграничными»¹¹¹. Этот период связан с именем Ф. Броделя, благодаря трудам которого «Анналы» приобретают авторитет и завоевывают популярность не только во Франции, но и за ее пределами.

Ф. Бродель привнес в «Анналы» новую форму позитивизма – структурализм. Структуралисты, концентрируя внимание на анализе систем, не исключали диахронного подхода к социальным явлениям. Фактор времени органически вписывался в структуралистскую методологию¹¹².

Структуралистский метод был использован Ф. Броделем в его работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» и теоретически раскрыт в статье «История и общественные науки».

Главными категориями, которые использует Ф. Бродель для создания своей концепции трех уровней исторической действительности, являются категории времени и структуры, объединенные в их взаимодействии.

Ф. Бродель подчеркивает, что у социолога и историка разное отношение ко времени. Социолог может отвлечься от времени, не принимать его в расчет. Время для социолога абстрактно, поскольку он дает фотографический снимок действительности. Историк же не может и не должен абстрагироваться от времени, для него время – это процесс создания материальных богатств

¹¹⁰ Бродель Ф. Свидетельство историка. // Французский ежегодник. 1982. - М.: Наука. 1984. - С. 185.

¹¹¹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции//Новая и новейшая история. – 1998. №5. - С. 89.

¹¹² Русакова О. Ф. Философия и методология истории в 20 веке. - С. 83-84.

человеком, процесс жизнедеятельности человека. «Всякое событие пронизано временем, так как оно связано с другими событиями, которые имели место раньше. При исследовании социального времени следует иметь в виду, что всякая разновидность времени носит социальный характер, поскольку все, что происходит в обществе, социально. Поэтому время, изучаемое всеми общественными дисциплинами (политической экономией, историей, социологией и т.д.), есть социальное время»¹¹³.

Время дискретно. В зависимости от избранного масштаба времени Ф. Бродель выделяет три уровня структур исторической действительности.

Первый уровень – микроистория, вписывающаяся в рамки коротких промежутков времени и соразмеренная с «ритмом повседневной жизни индивида»¹¹⁴.

Второй уровень – это более продолжительные циклы, характерные для ритма экономической жизни: кривые цен, заработной платы, товарного обращения, демографии и т.д. Ф. Бродель при их характеристике ссылается на теорию экономических волн Н. Кондратьева и историю цен Э. Лабрусса.

Третий уровень – «большая протяженность» (*longue duree*) . Это такие проявления исторической реальности как технология, политические институты, многие явления духовной жизни, методы познания, цивилизации. Это история человека вместе с окружающей его средой, довольно часто состоящая из упорных повторов, их беспрестанно повторяющихся циклов, почти вневременная история, соприкасающаяся с неодушевленными предметами, история, которая изменяется медленно, и потому эти изменения с трудом могут быть отмечены наблюдателем.

Главными персонажами этой истории являются «структуры». Ф. Бродель дает следующую характеристику структуры: «Для историков структура – это ансамбль, архитектура социальных явлений, но, прежде всего, она – историческая реальность, устойчивая и медленно меняющаяся во времени. Не-

¹¹³ Гобозов И. А. Введение в философию истории. - С. 86.

¹¹⁴ Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. - С. 108.

которые долговременные структуры становятся устойчивым элементом жизни целого ряда поколений. Иные структуры менее устойчивы. Но все они являются опорой и препятствием исторического движения. Так, определяя границы действия опыта человека, они оказываются препятствиями («огибающими» в математической терминологии)¹¹⁵.

Традиционная история обращает свой исследовательский интерес к короткому времени, к времени биографий и отдельных событий. Для Ф. Броделя главным является уровень «большой длительности», хотя бы потому что «кратковременность наиболее капризная, наиболее обманчивая из всех форм длительности»¹¹⁶. Изучение событий кратковременных по своему характеру, по мнению Ф. Броделя, не позволяет раскрыть их глубинную сущность, и по сути лишено «подлинной историчности», «исследование теряет свой смысл»¹¹⁷. Для Ф. Броделя «отдельные биографии, отдельные судьбы, представшие быть эпизодом в быстром течении времени, обретают жизнь в бесконечности *«longue duree»* – они принадлежат истории»¹¹⁸.

Изучение микроистории приводит к изучению случайно замеченных или лежащих на поверхности фактов, наиболее важное остается в тени, и «тьма побеждает»¹¹⁹.

Ф. Бродель сторонник изучения исторической реальности большой длительности, поскольку именно там «можно выявить действительный фундамент исторических событий. И тогда все этажи общей истории, все множество этих этажей, все взрывы исторического времени предстанут перед нами вырастающими из этой неподвижной глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все»¹²⁰.

¹¹⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность//Философия и методология истории. – М.: Наука, 1998. - С. 124.

¹¹⁶ Бродель Ф. История и общественные науки. - С. 120.

¹¹⁷ Бродель Ф. История и общественные науки. - С. 133.

¹¹⁸ Соколова М. Н. Современная французская историография: Основные тенденции в объяснении исторического прогресса. – М.: Наука, 1979. - С. 68.

¹¹⁹ Соколова М. Н. Современная философская историография. - С. 88.

¹²⁰ Бродель Ф. История и общественные науки. - С. 127.

Выявление трех уровней исторической действительности можно обозначить в качестве «вертикального среза исторической реальности»¹²¹. Рассмотрение этого среза позволяет понять, что события, происходящие на поверхности, могут не оказать совершенно никакого влияния на истинно исторические, то есть глубинные процессы. С другой стороны, то, что происходит на глубине, не всегда проявляет себя в немедленных конкретных событиях. Глубинная толща океана истории протекает автономно и, лишь накопив необходимый запас сил, прорывается на поверхность и свидетельствует о возникновении новых тенденций в развитии исторического процесса.

Ф. Бродель как сторонник номотетического подхода привносит новый характерный признак в концепцию глобальной истории. Тотальная история приобретает объемное изображение. Если в понимании Л. Февра и М. Блока тотальная история возникала в результате исследования всех сторон жизни человека, то есть имел место плоскостной разворот характеристик, то выявление процессов разной временной длительности помещало событие во взаимосвязи с разными осями координат, образующих уже не плоскость, а объем: кратковременность, конъюнктура и большая длительность.

Однако схема трех временных протяженностей есть упрощение исторической действительности. В «Материальной цивилизации» стремление описать материальную основу человеческого бытия во всем его многообразии и целостности приводит Ф. Броделя к выводу о существовании огромного множества уровней, которое способно повергнуть исследователей в уныние: «Разве это не безбрежный поток, без начала и конца? И такое сравнение еще не адекватно: история мира - не один, но множество потоков. К счастью историки уже имеют опыт того, как противостоять избыточности. Они упрощают ее, расчленяя историю на секторы (исторический, политический, экономический, социальный, культурный). Главное же они научились у экономистов тому, что время можно расчленить на базе разнообразных временных

---

¹²¹ Пименова Л. А. *Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации.* // *Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* Т. Вып. 1. - М.: Изд-во Начала – Пресс. 1993. - С. 203.

характеристик и таким образом, приручить его, сделав в общем поддающимся изучению: существуют временные характеристики длительной, очень длительной протяженности, изменения конъюнктуры замедленные и менее замедленные, сдвиги быстрые, а иные - мгновенные, причем самые кратковременные обнаруживаются легче всего»¹²². Поэтому выделенные Ф. Броделем три уровня структур могут быть названы полиструктурными как включающие в себя несколько, а в данном случае множество структур¹²³. Схема же, предложенная Ф. Броделем есть упрощение исторической действительности, которое служит интересам научного познания.

Возникает проблема взаимодействия этого множества структур. Если задать масштаб времени, то легко просчитать определенные циклы, как это сделал Н. Кондратьев в сфере экономики.

Однако не все так просто, поскольку обнаруженные Ф. Броделем структуры разнохарактерны. Структура может быть обусловлена безличными силами (географией, климатом, биосферой, плодородием почв). Под структурой также понимается духовный склад, глубоко укоренившийся обычай, привычный образ мысли, этнические предрассудки. Структура - это, конечно, и глубинные явления в экономике.¹²⁴

Поэтому не представляется возможным, как это сделано в рамках исторического материализма, где экономика выступает причиной и движущей силой в жизни людей, выявить причины и следствия в движении этого множества структур и таким образом упорядочить исторический процесс в рамках рациональности. «Причины и следствия в них, как всегда бывает, переплетены друг с другом и связаны определенной системой feed back (обратной связи), которая превращает их поочередно то в причины, то в движущие силы, то в следствия. Всякий затяжной упадок, всякий вековой подъем уровня жизни, всякая экономическая депрессия, не преодолимая в короткие сроки,

¹²² Бродель Ф. Материальная цивилизация. Т. 3. - М.: Начала – Пресс. 1992. - С. 8.

¹²³ Ракитов А. И. Историческое познание. - М.: Политиздат. 1982. - С. 73.

¹²⁴ Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории. // Ф. Бродель Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. - С. 27.

безусловно, предполагают взаимодействие множества факторов, в число которых может входить что угодно – политика, общественная жизнь, культура, развитие техники, войны и т.д. Это целостность, прекратившая полезное действие и ставшая вредоносной, либо вновь становящаяся полезной и подготавливающая подъем. Короче, мы наблюдаем общий упадок или оживление, но почти никогда не можем определить их истинные причины»¹²⁵.

Таким образом, Ф. Бродель выступает как противник детерминизма в историческом процессе. Взаимодействие материальных и духовных структур не представляется свести к одному знаменателю и выстроить прямую линию эволюционного процесса даже в рамках мир-экономик, выявленных Ф. Броделем в «Материальной цивилизации».

Такой подход обнаруживается и в понимании Ф. Броделем цивилизации, которая, в отличие от идей А. Тойнби и О. Шпенглера, прочно «опирается на землю»¹²⁶. Цивилизация - это культурная площадка, определенное пространство. Внутри этой материально обусловленной площадки царит непредсказуемое взаимодействие множества ее элементов. «Каждая площадка наполнена массами людей с их привычками, верованиями, суевериями и громадным количеством разнообразных предметов, с которыми люди непрерывно контактируют в течение своей жизни; все здесь находится в постоянном движении, перемещении, напоминающем Броуновое движение молекул. Внутри этого более или менее обширного поселения (оно никогда не бывает слишком ограничено) представьте себе массу самого разнообразного «добра», самых различных черт культуры, - таких как форма и материал, из которого сделаны дома, их крыши, украшенные флагштоками, диалекты или группы диалектов, кулинарные вкусы, свою особую технику, свои верования, свою манеру любить. Если угодно прибавьте еще компас, бумагу, печатный станок... Все ценности - микроэлементы цивилизации - находятся в непрерыв-

¹²⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. вторая: Люди и вещи. Ч. 1. - М.: Изд-во им.Сабашниковых, 1995.-С. 8.

¹²⁶ Бродель Ф. История и общественные науки. - С. 127.

ном перемещении... И эта обширная циркуляция никогда не прекращается»¹²⁷.

Ф. Бродель в своих исторических трудах отображает картину материальной стороны жизни человека. На страницах его работ не найти человека, отдельную личность. Однако ощущение присутствия человека в истории определяются теми бесконечными, многообразными, порой наполненными рутинными, соприкосновениями человека с окружающей средой. Отпечатки этого взаимодействия и отображает Ф. Бродель в своих трудах.

Ф. Бродель фиксирует «историю беспрерывно повторяющегося диалога человека с природой ... столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущерба и ударов, наносимых временем»¹²⁸.

Говоря словами А. Бергсона, эволюция очень медленная, незаметная, но тем не менее существующая, происходит в результате напряженного взаимодействия двух сил – жизненного порыва, заключенного в сознании человека, и материи. Жизненный порыв проявляется в постоянном стремлении Человека изменить окружающую среду согласно его требованиям. В описываемых Ф. Броделем «структурах повседневности» и отражена вечная борьба между человеком и материей, которая противостоит человеку своими далеко не идеальными условиями. «В действительности жизнь есть движение, материальность есть обратное движение, и каждое из этих движений является простым; материя, формирующая мир, есть неделимый поток, неделима также жизнь, которая пронизывает материю, вырезая в ней живые существа. Второй из этих потоков идет против первого, но первый все же получает нечто от второго: поэтому между ними возникает *modus vivendi*, который и есть организация»¹²⁹.

«Организация» А. Бергсона и есть броделевская цивилизация, которая возникла в результате определенных «отложений» жизненного порыва в том или ином месте земного шара. Разнообразие цивилизаций является следстви-

¹²⁷ Цит. по: Соколовой М. Н. Современная французская историография. - С. 90.

¹²⁸ Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории. - С.18.

¹²⁹ Бергсон А. Творческая эволюция. - С.246-247.

ем столкновения жизни и материи, человека и природной среды. Жизнь, сама по себе существующая как единое целое, имеет «безграничность возможностей, которые при столкновении с материей себя проявляют»¹³⁰. Там, где человеку пришлось слишком много потратить сил для простого выживания, движение жизненного порыва замедлилось. «Интенсивное стало экстенсивным»¹³¹.

Эту мысль Ф. Бродель подтверждает тем, что обнаруживает в истории прискорбный факт: наличие рутины и инерции. «Эта материальная жизнь, повсюду присутствующая, повторяющаяся, все заполняющая, протекает под знаком рутины»¹³². На огромном множестве примеров Ф. Бродель демонстрирует мысль о том, что одни и те же вещи, существующие у разных народов, имеют свою особенность, что свидетельствует не о заимствовании, а о изобретении этих вещей каждым народом. « Это факт, что каждый мир с густым населением выработал ряд простейших ответов (ответы и есть вещи – О. С.) на свои потребности и обнаруживает прискорбную тенденцию держаться за свои ответы в силу инерции, одной из великих работниц истории»¹³³.

Эволюция, «осуществляющая себя спонтанно, непредвиденно, неопределенно»¹³⁴ и приводящая к результатам случайным, тупиковым, повторяющимся, проявляет себя в том Броуновском движении внутри цивилизации, которое отметил Ф. Бродель.

Целью написания «Материальной цивилизации» было «увидеть и показать, сохраняя за увиденным его объемность и сложность, его многообразие, которые суть отличительные черты самой жизни»¹³⁵. Ф. Бродель использует схематизацию – выделение трех уровней исторической реальности – в целях познания. Такое, по мнению А. Бергсона, вполне возможно, поскольку изучается мир материальный, а интеллект человека, в том числе и ученого, создан

¹³⁰ Там же. - С. 253-254.

¹³¹ Блауберг И. И. Предисловие. - С. 19.

¹³² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. - С. 38.

¹³³ Там же. - С. 595.

¹³⁴ Свасьян К.А.. Эстетическая сущность интуитивной философии А. Бергсона.– С.45.

¹³⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. - С. 35.

в процессе эволюции для воздействия на твердую материю, на неорганические тела. «Человеческий интеллект, - пишет А. Бергсон, - чувствует себя привольно, пока имеет дело с неподвижными предметами, в частности, с твердыми телами, в которых наши действия находят себе точку опоры, а наш труд – свои орудия; ... наши понятия сформировались по их образу, и наша логика есть, по преимуществу, логика твердых тел»¹³⁶.

Для описания живого, то есть Человека, нужны понятия «гибкие, текущие, способные принять «форму жизни»¹³⁷. Таким понятием, выработанным школой «Анналов» является ментальность.

Однако, несмотря на то, что предметом изучения Ф. Броделя является история материальная, экономическая, его видение исторического процесса, содержащего, как можно констатировать, черты позитивизма и иррационализма, стало для других представителей «Анналов» определенной методологической основой для изучения ментальности. Жак Ле Гофф, чьим научным пристрастием является изучение ментальности, заключенной в хронологические рамки большой длительности, пишет так: «Она (проблематика долговременности – О. С.) возникла под влиянием трех источников: марксизма, Фернана Броделя и этнологии»¹³⁸.

Таким образом, концепция понимания истории Ф. Броделя как в гносеологическом, так и в онтологическом плане носит синтетический характер. В ней органично присутствуют элементы структурализма и иррационализма, в конечном счете, обеспечивающие более полное понимание ученым исторических процессов. Идея длительности как неотъемлемой внутренней сути бытия и сознания, высказанная Анри Бергсоном, в научном творчестве Фернана Броделя нашла свое историческое подтверждение.

Структуралистский позитивизм с изначально заложенным в нем вниманием к точности, цифровой систематизации в третьем поколении «Анналов» нашел свое продолжение в новой форме клиометрического позитивизма.

---

¹³⁶ Бергсон А. Творческая эволюция. - С. 33.

¹³⁷ Блауберг И. И. Предисловие. - С.22.

¹³⁸ Ле Гофф Ж. Другое средневековье... - С.7.

Клиометрические методы были задействованы во всех направлениях исторических исследований и позволили не только вовлечь в анализ огромное количество источников и их систематизировать¹³⁹, но и прийти к пересмотру ряда общепринятых в историографии точек зрения¹⁴⁰. Э. Ле Руа Ладюри, один из методологов клиометризма и руководитель редакции «Анналов», отмечал необходимость использования историками количественных методов: «Историк завтрашнего дня будет программистом, либо его не будет вовсе»¹⁴¹.

Проблема анализа, интерпретации накопленных и систематизированных исторических материалов, остро возникшая в среде анналистов в 60-70-е годы, получила свое разрешение в синтезе исторических, демографических и психологических исследований, что позволило «выдвинуть ряд интересных положений социально-психологического характера»¹⁴².

Идеи позитивизма были восприняты школой «Анналов» в его трех формах: социологизма, структурализма, клиометризма. Однако представители «Анналов» всегда учитывали, что позитивистские схемы, выстраиваемые на основе множества фактов, являются лишь внешней частью человеческой деятельности и не позволяют постичь главного – внутреннего мира Человека в истории.

Параллельно с влиянием позитивизма на разработку «Анналами» концепции исторического развития существовало влияние марксизма, отношение к которому у представителей «Анналов» было неоднозначно.

Следует отметить, что «распространение марксистской истории и Annales истории произошло примерно одновременно, несмотря на хронологическую разницу в возникновении»¹⁴³. Но французские историки не были знакомы с наиболее весомыми научными работами, созданными на основе мар-

¹³⁹ Труд Пьера и Хьюгет Шоню содержит 7 тысяч страниц, из них 5 тысяч – статистика.// Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. - С. 97.

¹⁴⁰ Ле Руа Ладюри Э. Указывает, в частности, что Юг США до гражданской войны уступал в развитии экономики только двум самым развитым районам мира – Англии и Северу США, что противоречит традиционному мнению о несостоятельности экономики Юга.// Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis Т.1. Вып. 2. 1993. - С. 158-159.

¹⁴¹ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции. - С. 232.

¹⁴² Шкуратов В.А. Психика. Культура. История. - Ростов-на/Д.: изд-во «Город N». 1990. - С. 166.

¹⁴³ Burke P. The Annales_ in global context – P. 430.

ксизма, поскольку они были изданы на языках, на которых западные историки не читали (голландский, норвежский, русский)¹⁴⁴.

Однако следует подчеркнуть, что марксизм представители школы «Анналов» видят совершенно иными глазами, чем его видели философы и идеологи «общества развитого социализма». Произведения К. Маркса рассматриваются здесь не как догма, а как результат поисков ответа на вполне конкретные вопросы социального познания. Некоторые из этих ответов оказались неверными, однако, бесспорной заслугой марксизма является обнаружение им влияния экономики, практического образа жизни народа на содержание его сознания.

В свою очередь представители «Анналов» отмечают, что марксизм не сводится к упрощенному географическому и экономическому детерминизму в духе Ш. Монтескье, что марксизм есть сложная диалектическая теория.

Л. Февр и М. Блок настороженно относились к марксизму, прежде всего потому, что это была пришедшая из Германии философия, а враждебные отношения между Францией и Германией, немецкий национал-социализм заставляли негативно относиться ко всему немецкому¹⁴⁵. Но это не помешало Л. Февру призвать историков к изучению наследия К. Маркса: «Читайте Маркса охотно сказал бы я кое-кому, кто обладает качествами, знанием и подготовкой, необходимыми для этого, для достижения его сложной мысли. Читайте также Ленина и тех, кто продолжили усилия Маркса в разрешении трудных и решающих проблем. По своему усмотрению собирайте мед со всех этих цветов. Ваш мед, но не наш. И дайте вкусить его нам - историкам, нам, которые не созданы для этого труда, иначе мы занимались бы философскими, а не историческими исследованиями. Мы не историки философии. Мы не догматики и не доктринеры. Мы труженики, находящиеся непосредственно на рабочем месте, наши материалы перед нами, нам надо строить. Но зачем, как, с какого конца начинать? Вы утверждаете, что знаете методы, лучше старых.

---

¹⁴⁴ Idid.

¹⁴⁵ Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Annales»? - С.358.

Раскройте их нам. Объясните их нам ясно, просто, без философских формул, без непременных ссылок на Гегеля, Маркса, Энгельса. Говорите конкретно с конкретными тружениками»¹⁴⁶.

Однако следует заметить, что М. Блок, не говоря уже о Ф. Броделе, считали необходимым изучать экономическую и социальную историю, на которую традиционная историография 19-начала 20 веков не обращала внимания. Именно К. Марксу принадлежит заслуга в привлечении внимания историков к социально-экономической стороне жизни общества. Кроме того, исследуя становление законодательной системы во второй период средневековья, М. Блок, вразрез с господствующей историографической традицией не видит в ней «самостоятельной и саморазвивающейся стихии»¹⁴⁷. Он (М. Блок - О.С.) фиксирует, в частности, что право отражает изменяющуюся социально-экономическую практику того времени. Следовательно, «предмет исследования должен быть перенесен из области юридических схем в социальный и человеческий план»,¹⁴⁸ - утверждает Марк Блок. Мы видим признание влияния социально-экономической сферы на право. Иначе говоря, и марксизм и «Анналы» нарушали «монополию политической истории и предоставляли экономической и социальной истории место под солнцем»¹⁴⁹. Но, следует признать, что первенство в изучении экономики и социальной сферы принадлежит марксизму.

Ю.Н. Афанасьев, говоря о влиянии марксизма на определение предмета исследования французскими историками, констатирует: «Сказалось оно прежде всего в том, что предмет преимущественного внимания истории, которая строится по этой концепции, - история народных масс. Сам факт переориентации от истории героев и разрозненных событий к истории масс и длительным процессам является знаменательным. Именно повышенный интерес к

¹⁴⁶ Там же. - С.359.

¹⁴⁷ Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории»// Блок М. Апология истории. - С.196.

¹⁴⁸ Цит. по: Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории». - С. 196.

¹⁴⁹ Burke P. The *Annales* in global context – P. 430.

народным массам побуждает обратить внимание на материальные условия их существования, ведет к исследованию социально-экономической истории»¹⁵⁰.

К.А. Агирре Рохас отмечает еще более глубокое сходство между «Анналами» и марксизмом - сходство методологических парадигм. Он пишет, что идея тотальной истории совпадает с известным методологическим требованием К. Маркса: «Маркс действительно не только заявлял, что мы знаем только одну науку, науку истории («Немецкая идеология»), - но и постоянно критиковал искусственное дробление социальности и абстрактно-позитивистскую «специализацию» различных «социальных наук» (См. Письма Ф. Энгельса К. Шмидту от 27 октября 1890 года и Ф. Мерингу от 14 июля 1893 года - О. С.), требуя, подобно первым «Анналам», изучать социальные явления, исходя из органического единства, Маркс во всех своих работах показал умение четко обозначать проблему, никогда не теряя из виду то «органическое единство», в которое она вписывается»¹⁵¹.

Помимо методологического сходства исследователи эволюции «Анналов» отмечают единство в некоторых методах исследования. М. Блок считал, что если необходимо узнать, как возникло то или иное явление, то в начале нужно вскрыть его природу, что возможно лишь при знакомстве с ним в его зрелом, наиболее завершенном виде. «Можно по праву спросить, не лучше ли было бы, прежде чем погружаться в тайны происхождения, определить черты законченной картины»¹⁵². Нужно учитывать тот факт, что более отдаленные от нас явления значительно менее обеспечены источниками, чем близкие по времени. Поэтому для истолкования далекого прошлого необходимо обратиться к более близким временам и «бросить на предмет общий взгляд, который один только способен подсказать главные линии исследования»¹⁵³. В своих трудах М. Блок зачастую использует этот «ретроспективный» или «регрессивный» метод. Однако А. Я. Гуревич справедливо замеча-

¹⁵⁰ Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории. - С. 16.

¹⁵¹ Агирре Рохас К. А. «Анналы» и марксизм.// Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». – М.: Наука, 1993. - С.104.

¹⁵² Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. - С.34-35.

¹⁵³ Блок М. Характерные черты...- С. 32.

ет: «Задолго до Блока был сформулирован научный принцип: для того чтобы понять сущность социально-исторического явления, необходимо исследовать его на той стадии развития, на которой с максимальной полнотой развернулись его основные признаки. Плодотворность этого принципа была продемонстрирована в «Капитале» при анализе капиталистического способа производства»¹⁵⁴.

Кроме того, хорошо известно, что «Анналы» поставили во главу изучения истории прошлого проблемный подход, который успешно дополнялся искусством постановки многочисленных вопросов к историческим источникам с целью обнаружить в них скрытую, а не только явную информацию. «Когда не знаешь, что ищешь, не понимаешь того, что находишь»¹⁵⁵, - писал Л. Февр. «Требование проблемности в истории перекликается с критикой Марксом того «якобы объективного рода» историографии, который дает лишь «грудю мертвых фактов, как бывает у эмпириков». Вспомним и его предостережение против некритического восприятия тех представлений, которые каждая эпоха создает себе устами современников. Говоря об этом, Маркс настаивает на необходимости различать, что думают и говорят люди прошлого (разные «формы социального сознания») и что они действительно делают и вынуждены делать (втянутые, по его словам, в хитросплетения «необходимых и независимых от их воли отношений», в процессы, подобные процессам естественной истории. Эта критика и демистификация разных искажений, связанных с историческим фактом и его интерпретациями, также привела Маркса, за несколько десятилетий до «Анналов», к отказу от ограничения внешней событийной историей»¹⁵⁶.

Но это все лишь косвенные свидетельства, мнения исследователей о связях «Анналов» с марксизмом. Однако на примере Ф. Броделя можно обнаружить и прямые доказательства использования марксизма в исторических исследованиях и признания заслуг К. Маркса перед исторической наукой.

¹⁵⁴ Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории»//Блок М. Апология истории.- М.: Наука, 1986. - С. 199.

¹⁵⁵ Февр Л. Бои за историю. - С. 51.

¹⁵⁶ Агирре Рохас К. А. «Анналы» и марксизм. - С.105

В работе Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» довольно много ссылок на К. Маркса, и, как отмечает Ю.Н. Афанасьев, «...Бродель, ...как правило, выражает согласие с ним»¹⁵⁷. В примечаниях (пропечатанных мелким шрифтом и потому малозаметным) Ю. Н. Афанасьев выносит цитату из письма Ф. Броделя советскому историку В. М. Далину, в которой ясно и недвусмысленно Ф. Бродель высказывается по поводу своего отношения к К. Марксу и марксизму: «После 50-х годов во время продолжительной и без конца возобновляющейся работы по редактированию «Материальной цивилизации», после моих бесконечных размышлений, которые привели меня к ее публикации, я со всей серьезностью и вниманием прочел Маркса. Если я и сохранил свою независимость по отношению к нему, то могу сказать, что постоянно сопоставлял мои взгляды с его взглядами. Например, Вы знаете, я не согласен, что «биография капитала начинается в 16 веке! Я избрал, со своей стороны, 13 век, а корни капитализма я усматриваю в невероятной продолжительности. Но и сам Маркс сильно колебался между 13 веком итальянских городов и расширением мира в 16 веке. Я колебался, как и он, но заключил иначе. Разве это значит не признавать?.. Так я пересек океан «Капитала», так я пытался, пересекая его, выверить мои интерпретации, или же достоверность фактов, которые я без какого бы то ни было пристрастия собирал. Это мой способ почитать Маркса и, в конце концов, быть ему верным»¹⁵⁸.

В этой связи достаточно важным представляется вспомнить замечание К. Маркса о том, что «Капитал» написан им на английском эмпирическом материале, и, следовательно, его выводы верны преимущественно для Англии. Ф. Бродель использовал данные, «описывающие экономику всего мира (от Европы до Японии), отсюда и разница в выводах: не 16, а 13 век. Так же четко звучат слова Ф. Броделя, приводимые В.М. Далиным в его книге «Историки Франции 19-20 веков»: «Пренебрежение к Марксу... какое же это ре-

¹⁵⁷ Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории. - С.28.

¹⁵⁸ Там же. - С. 28.

бичество»¹⁵⁹. К. Маркс, по мнению Ф. Броделя, был создателем «самого проникновенного социального анализа предшествующего столетия»¹⁶⁰.

Уважением к марксистскому наследию проникнуты и слова Л. Февра, который, как уже указывалось, критически относился к К. Марксу: «Любой историк, даже если он считает себя яростным «антимарксистом» во всех областях, кроме научной, неизбежно проникнут марксистской манерой мыслить, постигать факты и примеры; многие идеи, которые Маркс выразил с таким мастерством, давно вошли в общий фонд, образующий интеллектуальную сокровищницу нашего поколения»¹⁶¹.

Таким образом, о полном отрицании марксистского наследия представителями «Анналов» не может быть и речи. Неслучайно среди авторов журнала мы можем найти и тех, кто открыто выстраивает свои работы в рамках марксистской теоретической перспективы. Например, Пьер Вилар и его труд «Каталония».

Однако вышесказанное не означает, что представители «Анналов» полностью согласились с исторической концепцией К. Маркса. Несомненно, что существуют такие моменты в человеческой истории, в понимании и оценке которых французские историки расходятся с К. Марксом.

Изучение экономической истории, приведшее к формированию Ф. Броделем трех уровней исторической действительности и, прежде всего, уровня «longue duree» - длительной временной протяженности и способствовавшее во многом сближению позиций «Анналов» и марксизма, одновременно и разводило их в понимании процессов исторического развития в целом.

Как известно, марксизм (в том числе и поздний) детерминирует исторический процесс с позиций экономики. Ф. Энгельс пишет в последних письмах, что экономика «в конечном счете»¹⁶² определяет все. Кроме того, марксизм, выделяя этапы в развитии человечества, выдвигает концепцию суще-

¹⁵⁹ Далин В. М. Историки Франции 19-20 веков. - С. 207.

¹⁶⁰ Цит. по: Далин В. М. Историки Франции 19-20 веков. - С.207.

¹⁶¹ Цит. по: Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. - С.71.

¹⁶² Энгельс Ф. Конраду Шимдту, 27 октября 1890 г. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. - С. 420.

ствования пяти общественно-экономических формаций, характеризующихся определенным способом производства и соответствующими ему производственными отношениями.

Для «Анналов» такой подход неприемлем. В творчестве представителей движения «Анналов» можно условно выделить три направления при изучении эпохи средневековья: аграрная история, начатая М. Блоком и продолженная Ж. Дюби; городская история, ведущая свои истоки от А. Пиренна и развитая Ф. Броделем, Ж. Ле Гоффом; ментальная история. Исследование всех трех направлений показало их разработчикам, что обнаруженные ими характеристики городской, аграрной и ментальной истории не укладываются в хронологические рамки теории формаций К. Маркса и даже современной классификации этапов развития европейской истории.

Современная периодизация истории, в частности, определяет, что эпоха средневековья завершается концом 15 века. Вот только один пример из истории крестьянских верований, описанный Ж.-К. Шмиттом, учеником Ж. Ле Гоффа. В 13 веке монах Этьен де Бурбон столкнулся в сельской местности близ Лиона со следующим суеверием: крестьянки поклонялись святому Гинефору, якобы дарующему выздоровление новорожденным. При выяснении личности Гинефора оказалось, что это - борзая собака, с которой связывали легенду о спасении ею ребенка. Монах строгойше запретил культ поклонения собаке. Каково же было изумление исследователей, которые спустя пять веков в 70-е годы 19 века обнаружили, что жители той же местности по-прежнему поклонялись святому Гинефору.¹⁶³

За этим верованием кроется своеобразная картина мира, в которой у крестьян как 13, так и 19 веков, безусловно, верующих обнаруживаются элементы верований дохристианского периода, элементы языческого поклонения животным. Сам же Ж. Ле Гофф считает, что «само понятие средневеко-

---

¹⁶³ Описание этого эпизода приводит Гуревич А. Я. в статье «Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука во Франции»// Ж. Ле Гофф Цивилизация средневекового Запада. - М.:изд. Группа «Прогресс», «Прогресс – Академия», 1992. - С. 367.

вья» распространяется на европейскую историю с 3 по 18-начало 19 века»¹⁶⁴. Очевидно несоответствие с общепринятыми хронологическими рамками и делением истории общества на формации.

Ф. Бродель так же выступает против последовательного существования способов производства, для него это скорее «сосуществование». Во-первых, во втором томе «Материальной цивилизации» - «Игры обмена», опираясь на исследования Ж. Гурвича, он делает вывод о «множественности обществ» одновременно существовавших: «Итак, в целом - несколько обществ, которые существовали, которые худо ли, хорошо ли опирались друг на друга. То была не одна система, но несколько систем, не одна иерархия, но несколько иерархий, не одно сословие, но сословия, не один способ производства, но несколько, не одна культура, но несколько культур, (само)сознаний, языков, образов жизни. Все слова надлежит поставить во множественном числе»¹⁶⁵.

Всего Ф. Бродель выделяет пять сообществ: 1) общество сеньориальное, группирующее ячейку из сеньора и ближайших к нему крестьян; 2) теократическое общество, выстраиваемое католической церковью; 3) феодальный строй в точном значении этого слова; 4) общество вокруг централизованного государства; 5) городское общество.¹⁶⁶

Во-вторых, Ф. Бродель делает вывод о взаимозависимости способов производства, что совершенно не соответствует марксистской концепции, отстаивающей их последовательное формирование. «История, - пишет Ф. Бродель, - есть кортеж, шествие, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать в последовательности веков истории. Фактически же эти способы производства тесно связаны друг с другом. Самые передовые зависят от самых слабых, и наоборот: развитие - оборотная сторона отставания»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Цит. По Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории». - С.224.

¹⁶⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.2. - С.467.

¹⁶⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Т. 2. - С. 467.

¹⁶⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.3. - С. 55.

В связи с этим Ю. Н. Афанасьев, критикуя указанную позицию Ф. Броделя, ставит вопрос: «Как же согласуются все эти времена, что является для них общим знаменателем?»¹⁶⁸

Прямого ответа на этот вопрос нет. Хотя, возможно, он скрыт в следующих рассуждениях Ф. Броделя. Характеризуя экономическую историю, Ф. Бродель подразделяет ее на три уровня. Первый уровень - материальная жизнь, характеризующаяся лишь количеством, которое может колебаться, но фактически устойчиво, - она соответствует традиционному обществу, в том числе и средневековому. Второй уровень - экономика, экономическая жизнь, которая характеризуется наличием местных, открытых, прямых рынков, где сделки совершаются напрямую между продавцом и покупателем без участия посредников, и является переходным этапом. Третий уровень - это капитализм, характеризующийся стойким наличием товарно-денежных отношений, развитием производства товаров и услуг и т.д.

Все три уровня существуют одновременно. Как же действует человек в этих условиях? Ф. Бродель пишет: «Все что осталось за пределами рынка имеет лишь потребительскую стоимость (то есть в традиционном обществе - О.С.), все, что сумело пройти через его тесные врата, приобретает обменную стоимость (то есть, характерную для рыночных отношений - О. С.). В зависимости от того, с какой стороны элементарного рынка находится индивид, он будет или не будет участником обмена, того, что я называю экономической жизнью, в отличие от материальной жизни, но также и в отличие от капитализма ... Странствующий ремесленник, предлагающий то в одном, то в другом городке свои услуги плетельщика соломенных стульев или трубочиста, будучи весьма скромным потребителем благ, все же принадлежит миру рынка - именно к нему он обращается за ежедневным пропитанием. Если у него сохранились связи с родной деревней, и на время сбора винограда он возвращается к крестьянскому труду, то значит, он пересекает границу рынка, только в обратном направлении. Крестьянин, который регулярно сам реа-

---

¹⁶⁸ Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории. - С. 19.

лизует часть своего урожая и регулярно покупает орудия труда и одежду, уже принадлежит рыночной экономике».¹⁶⁹

Таким образом, сосуществование времен, способов производства происходит в самом человеке, в его деятельности, присущей человеку мобильности, способности в различных ситуациях выступать в различных ролях: верующего, гражданина государства, подданного своего сеньора. Пересечение границ обществ, согласно Ф. Броделю, возможно.

Другой аспект в адрес «Анналов» критики со стороны марксизма звучит так: «Общий взгляд на историю у представителей этого направления лишен монизма; в истории, по их мнению, действует множество сил, факторов, которые способны переливаться друг в друга, и каждый может стать определяющим»¹⁷⁰. Этот же вопрос об иерархии сил задает А. Я. Гуревич. Он ссылается на, используемую М. Блоком, цитату из А. Фосильона (французский историк искусства и эстетики, 1881-1943гг.): «...в один и тот же период политика, экономика и искусство не находятся в точках равной высоты на соответственных кривых» и приписку самого М. Блока - «никогда не находятся»¹⁷¹. «Но, - пишет А. Я. Гуревич, - ведь и сами структуры в высшей степени неоднородны; они охватывают по сути дела все: от экономики и социального строя до тончайших процессов духовной жизни. Кроме того, между разными сторонами общественной действительности нет полного соответствия ... Ритм социальной жизни складывается из множества ритмов ее компонентов. Что здесь следует выделить как определяющее начало? Не сводится ли все к простому взаимодействию структур?»¹⁷²

Эти замечания свидетельствуют о неприятии марксистской исторической наукой тезиса, который на протяжении всего своего существования защищали «Анналы» - тезиса о взаимодействии, взаимовлиянии, взаимосвязи различных сторон человеческой жизнедеятельности и принципиального не-

¹⁶⁹ Бродель Ф. Динамика капитализма. - Смоленск: Полиграмма, 1993. - С. 23-24.

¹⁷⁰ Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории. - С. 16.

¹⁷¹ Блок М. Апология истории. - С. 88.

¹⁷² Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории». - С. 227.

признания главенствующего положения одной из них. Практика научных исследований французских историков, поставивших перед собой задачу изучения Человека в истории с как можно большего количества ракурсов, в решении которой они добились признанных успехов, не позволяла им признать главенствующего положения какой-либо из структур. Как практические исследователи они чужды догматизму, не признают схем, под которые философы стремятся подогнать живую жизнь.

Но, тем не менее, А. Я. Гуревич пытается найти ту ось, тот стержень исследований у М. Блока, вокруг которого бы объединялись все структуры. А. Я. Гуревич находит ответ на этот вопрос в понимании М. Блоком предмета истории, который пишет: «...ее предмет, в точном и последнем смысле, - сознание людей. Отношения, развивающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, - они-то и составляют для истории подлинную действительность»¹⁷³. Для А. Я. Гуревича этот вывод звучит «как возрождение субъективистских взглядов на историю»¹⁷⁴, с которыми он, естественно, согласиться не может.

По сути позиция «Анналов» и марксизма схожа в том, что представители обоих направлений при изучении исторических процессов выявляют структуры. Для марксистов – это способы производства, классовая борьба, для «Анналов» - уровни исторической действительности. Но «в пределах марксизма историки ... не сумели развить убедительный анализ отношений между инфраструктурой и суперструктурой. Экономическое зеркало, которое они поднесли к обществу, показало только бледное отражение абстрактных теорий: не было никаких лиц, никаких живущих людей. Не хлебом единым жив человек. Но в этой истории не было хлеба вообще, только скелеты, повторяющие один и тот же жуткий танец. Эти тощие механизмы нуждались в новом измерении, которое обеспечивалось менталитетами»¹⁷⁵.

¹⁷³ Блок М. Апология истории. - С.86.

¹⁷⁴ Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории». - С.228-229.

¹⁷⁵ Le Goff J. Mentalities: a history of ambiguities – P. 168-169.

Однако для представителей «Анналов» изучение как сознания, так и бессознательного, соединенных в понятии ментальность, является важнейшим предметом исследования. Ментальность, которая так же является и инструментом исторического анализа, не позволяет французским историкам выделить какой-либо единственный определяющий фактор исторического развития. Вряд ли такой подход можно оценить как субъективный. В понимании исторического процесса здесь главную роль играют результаты эмпирических исследований, показывающие существенное участие в нем иррациональных сил.

«Я проникся необходимостью осознания того, что для европейского крестьянина 11 века, так же как и для африканского крестьянина нашего времени, мир или благодать, исходившие от незримых сил, имеют такую же реальную ценность как сев, как его собственный труд или труд домашних животных. Я увидел, что система обмена той эпохи была основана на понятиях взаимности и перераспределения и что, как говорил уже Марк Блок, не следует принимать за «арендную плату» или за «земельную ренту» те подношения, которые крестьяне несли в монастырь или замок; это были в сущности дарения, входившие в систему обмена дарами, на которой основывалось равновесие сеньории как социальной единицы. Я понял так же, что внутри тех механизмов, которые мы называем экономическими, действовали и факторы бескорыстия – в играх, жертвоприношениях; что в число потребителей входили такие весьма требовательные существа, как святые, покровители и мертвые»¹⁷⁶.

Взаимоотношения между «Анналами» и марксизмом достаточно сложны и еще не изучены. Ж. Ле Гофф писал: «Это отдаление от марксизма, возможно, было слабостью «Annales», но, во всяком случае, оно позволили журналу сыграть роль центра сближения и сопоставления различных точек зрения, что принесло пользу, на мой взгляд, самим марксистам»¹⁷⁷. Иными сло-

---

¹⁷⁶ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции. - С. 54.

¹⁷⁷ Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Annales». - С.359.

вами, оставаясь верными традиции свободы в использовании различных методологических подходов, существовавших в журнале, Ж. Ле Гофф утверждает, что для подлинного ученого, цель которого получение истинного знания необязательно в последней инстанции, не важны философские формулы и непреременные ссылки на Гегеля, Маркса и кого-то еще; его беспокоят и интересуют в первую очередь методы исследования (как и для Марка Блока - О. С.), а не фамилии авторов и их политические ярлыки.

Таким образом, следует признать, что в трудах представителей школы «Анналов», присутствуют и гармонически сочетаются те ключевые моменты, которые в свое время легли в основу рационалистических, иррационалистических и позитивистских учений. Специфика позиции «Анналов» заключается в преодолении крайностей указанных позиций, во заимствовании всего ценного, что было добыто философами предшествующего этапа.

Общие контуры этой теории, едва ли изложенной где-либо в трудах представителей школы «Анналов» в виде отдельного труда, но имплицитно присутствующие в решении каждой конкретной исторической проблемы можно обобщить следующим образом.

Школа «Анналов» восприняла от марксизма идею о важной роли экономики в жизни общества, ее влиянии на изменение образа мысли людей. Но представители школы «Анналов» не могут согласиться с системой жесткой детерминации развития общества со стороны экономики, с марксистской унификацией народов, с четким делением человеческой истории на периоды-формации. Они считают необходимым обратиться к неотрефлексированному, словесно невыраженному народному сознанию, которое воплощается в организации народной жизни и не укладывается в жесткие рамки-характеристики, описывающие производительные силы того или иного периода, поскольку являются более размытыми, переходящими из одного формально установленного отрезка времени в другой.

Школа «Анналов» строит свои исследования с использованием методов позитивизма. Среди них важное место в историческом познании занимают

постановка проблемы исследования, количественные методы, на основе которых выявляются закономерности и взаимосвязи, структурирование исторического материала. Она принимает требование строго придерживаться фактов, ценит статистику и привлекает значительный эмпирический материал.

Однако школа «Анналов» не признает бездумной фактографической истории. Описание материальных остатков человеческой жизнедеятельности, сохранившихся и данных нам в наблюдении, ничего не дает, поскольку в этом случае теряется живой мыслящий человек, творивший историю. Школа «Анналов» выступает против позитивистской унификации подхода ко всем народам. Она подчеркивает уникальность жизненного мира каждого народа, его исходных культурных представлений. Школа «Анналов» не приемлет позитивизма именно потому, что считает изучение фактов не целью, а лишь средством – средством реконструкции образа мыслей человека прошлого.

«Философия жизни» привлекает представителей «Анналов» своим стремлением раскрыть глубинные смыслы, которые вкладывались в слова, события, явления людьми разных эпох, привлекает осознание того факта, что миропонимание, «переживание» у людей прошлых эпох было совершенно иным, нежели у современного человека. «Анналы», как и представители «философии жизни» признают и подчеркивают важную роль народной воли в формировании культуры.

Но если «философия жизни» считает, что душу народа постичь нельзя, то представители «Анналов» убеждены, что возможно исследовать ненаучное. При этом исследование будет носить основные черты научности, среди которых доказательность и объективность прежде всего.

Скептически настроенный исследователь может увидеть в «Анналах» лишь эклектическое соединение разнородных философских концепций. Исследователь, стремящийся уловить живую ткань истории, скорее будет считать, что представители «Анналов» сумели подойти ближе других историо-

графических школ к осознанию сущности исторического процесса на основе синтетической концепции.

Все разнообразие методологических установок «Анналов» направлено на исследование единого объекта - ментальности. Вся школа, независимо от первичного профессионального интереса (аграрная история, история цивилизаций, история искусства, сословий, биографии выдающихся деятелей и т.д.) объединяется вокруг формирования понятия «ментальность» и ее эмпирических исследований.

Ментальность воспринимается французскими исследователями как объективная реальность, в которой скрыты религиозные, социальные, бытовые, культурные представления людей. Ментальность - есть специфическая народная энергия, сила, в которой сосредоточено стабилизирующее начало истории, позволяющее сохранить человечество в периоды глобальных потрясений. «Ментальность принадлежит плану содержания, а не плану выражения»¹⁷⁸. Выразить ментальность на языке науки без потерь невозможно. Однако, используя различные методы исследования, следовательно, разные философские основания, можно постичь.

Позиция «Анналов» может быть охарактеризована как методологический системный плюрализм, а не эклектика, поскольку глобальной задачей исследования является познание единого объекта - ментальности. К этой ситуации применимо то требование, которое «Анналы» предъявляли в целом к историческим исследованиям: чем многообразнее ракурс, тем точнее анализ.

Ментальность для «Анналов» имеет и важное гносеологическое значение, поскольку позволяет произвести более глубокое исследование истории. Иначе говоря, является инструментом, без которого «Анналы» не мыслят изучение исторического прошлого.

---

¹⁷⁸ Burke P. The Annales_ in global context – P. 431.

Глава 3. Ментальность народа как движущая сила истории: формирование концепции и грани понимания

Различные научные дисциплины (философия, психология, этнография, экономика) искали свой путь к познанию того явления, за которым в настоящее время прочно закрепилось название «ментальность» или «менталитет».

Обращение к истории ментальности для школы «Анналов» было не случайным, поскольку ментальность органически вписывалась в видение и понимание основателями школы предмета исторической науки и способа его изучения.

История ментальностей объективно способствовала осуществлению концепции «тотальной истории». В сознательных и бессознательных реакциях проявлялись все аспекты материальной, духовной, социальной жизни индивида. «Тотальная история» прежде всего и предполагала воссоздание картины исторической жизни во всей ее полноте.

Представители школы «Анналов», встав на позиции междисциплинарных исследований, показали, что ментальность носит исторический характер и ее можно реконструировать. Реконструкция возможна на основе углубленного анализа источников разного рода: материальных, письменных, художественных.

На первом этапе изучения ментальности были заложены две линии исследования. Л.Февр, опирающийся на психологию и цивилизационное понимание культуры, стремился создать историю чувств. Удивительное непостоянство, чрезмерную впечатлительность человека эпохи средневековья Л.Февр объяснял контрастным состоянием материальной жизни того времени. М. Блок отдавал предпочтение социологическому подходу. Он указывал на зависимость ментальности от существующих в обществе социальных структур. Однако предлагаемая методика изучения ментальности во многом зависела от эрудиции исследователя и его способностей в анализе источника. Сам

термин «ментальность» использовался крайне осторожно и не был четко очерчен.

Второе поколение «Анналов» выдвинуло идею более объективного изучения ментальности. В ментальных исследованиях предлагалось использовать метод структурирования изучаемой области, опирающийся на количественные методы. Р. Мандру и Ж. Дюби превратили размытое и неопределенное понятие «ментальности» в научную категорию. Субъективность ученого уходила на второй план. Р. Мандру и Ж. Дюби предложили изучать ментальность как систему, которую можно последовательно реконструировать. Они же сумели показать в эмпирических исследованиях изменчивость ментальных структур. Благодаря их исследованиям ментальность занимает важное определяющее место в историческом процессе.

Третье поколение «Анналов», опираясь на предшествующие исследования, стремилось проникнуть в глубины ментальных установок человека и общества. В трудах Э. Ле Руа Ладюри рассматривается биологический уровень ментальных структур, изучаются подсознательные реакции и их влияние на поведение людей, а потому являющиеся самыми могущественными по силе своего влияния на жизнь общества. Э. Ле Руа Ладюри в рамках своей концепции «неподвижной истории» обращает внимание на прочность и длительность в существовании определенных ментальных структур. Напротив, его коллега Ж. Ле Гофф, соглашаясь с медлительностью изменения ментальности, стремится проследить эти изменения в другой сфере - сфере ценностных ориентаций отдельных социальных групп. Общая картина видения мира представлена для него в понимании человеком прошлого времени, труда, образования, социальной структуры общества, разграничения в системе ценностей духовного и светского характера, отношения к земной жизни.

В целом французские историки выделяют и изучают в ментальности не столько уровень сознания, сколько уровень подсознания. Они так же констатируют влияние на формирование ментальности экономической, социокультурной и природной среды. Однако на протяжении всего изучения менталь-

ности в школе «Анналов» вырабатывается понимание ментальности как основы общественного развития.

3.1. Люсьен Февр и его понимание ментальности

Обращение к истории ментальности для Л. Февра и М. Блока было не случайным. Ментальность органически вписывалась в их видение и понимание предмета исторической науки и способа его изучения.

История ментальностей выступала антитезой традиционной истории. Л. Февр считал историю «аристократкой по рождению» за то, что она изучала жизнь лишь великих людей и мало что знала о «неясных движениях безымянных человеческих масс, обреченных, образно выражаясь, на черную работу истории»¹⁷⁹. Благодаря изучению ментальности, историческая наука получила возможность обратиться к исследованиям массового сознания (представлениям о жизни, смерти, окружающем мире, о чудесном и сакральном) и чувств людей прошлого (страх, предрассудки, фобии, смех), чем существенно расширила свою предметную область.

Л. Февр и М. Блок занимались изучением ментальности одновременно. Однако их подходы к пониманию ментальности были различны, что дало основание Ю. А. Бессмертному утверждать, что «со времени Блока и Февра сложились плохо совместимые между собой варианты осмысления того, что следует понимать под этим явлением (ментальностью - О. С.)»¹⁸⁰. А. Я. Гуревич так же признает наличие разных подходов у Л. Февра и М. Блока к пониманию ментальности, но указывает не на возможную противоречивость подходов двух ученых, а на разницу в основаниях этих подходов. А. Я. Гуревич считает, что «различие между Блоком и Февром - это различие между специалистом по социальной истории, исследователем экономики и общества, с одной стороны, и историком культуры, идей, психологии, с другой»¹⁸¹. Оба

¹⁷⁹ Февр Л. Бои за историю. - С.98.

¹⁸⁰ Бессмертный Ю. А. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М., 1991. - С.18.

¹⁸¹ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра. // Февр Л. Бои за историю. - С 512.

подхода, таким образом, не противоречили общей концепции «Анналов», являясь вариантами междисциплинарного подхода к толкованию ментальности, и были одинаково ценны для науки.

Главным научным пристрастием Л. Февра была интеллектуальная биография известных исторических личностей, что и повлияло на его понимание ментальности.

Л. Февр полагал, что выявление уникальности в отдельном историческом событии или в выдающейся личности невозможно «без обращения к общим понятиям и без чего-то большего, чем поверхностное упоминание контекста»¹⁸². Поиск этого «большого» привел Л. Февра к психологии, на которую обратил внимание еще его учитель Анри Берр, считавший историю в целом историей рождения и развития психики¹⁸³.

Важнейшим недостатком при анализе деяний великих исторических личностей в традиционной историографии Л. Февр считал приписывание мыслей и чувств современного человека людям прошлого.¹⁸⁴ Чтобы избежать этого недостатка Л. Февр вводит понятие «*outilage mental*», которое переводят как «духовное оснащение», «умственная вооруженность», «психическая оснастка», выявить которую можно, проанализировав словарь и язык эпохи, ее символику, стереотипы поведения людей. Иными словами, «нужно выявить архетипы сознания, которые присущи людям данной эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании»¹⁸⁵. Изучение автоматизмов сознания позволит исследователю узнать то, о чем люди проговаривались независимо от своей воли. При этом необходимо учитывать, что для каждой цивилизации присущ свой собственный психологический аппарат, который «отвечает по-

---

¹⁸² Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов-на/Д.: изд-во «Город N», 1994.-С.53.

¹⁸³ Ревель Ж. История ментальностей: История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. - М.: Наука, 1993. - С. 52.

¹⁸⁴ Февр Л. Бои за историю. - С.104.

¹⁸⁵ Русакова О. Ф. Философия и методология истории в 20 веке. - С. 224.

требностям ранней эпохи и не предназначен ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции отдельной цивилизации»¹⁸⁶

Л. Февр раскрывает этот тезис на анализе внутреннего мира Ф. Рабле. Для доказательства неправомочности утверждения французских раблеведов об атеизме и рационализме Ф. Рабле ученый использует метод «переброски мостов» от психологии и мышления индивида и коллективной психологии, и обратно.

Такой метод, считал Л. Февр, оправдан, потому, что человеческие страсти, эмоции рождаются не в изолированном мире отдельного бытия: «Они (эмоции - О. С.) составляют часть взаимосвязей между людьми, часть общественных отношений»¹⁸⁷. Личность, таким образом, определяется запросами общества, которые являются необходимым дополнением ее внутренних потребностей.

Анализ творчества мыслителей, поэтов французского Возрождения, а так же словаря героев книги Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» привел Л. Февра к выводу о том, что «... ни в словаре людей 16 века, ни в их сознании, находившем в языке свое выражение и опору, еще не содержалось того материала, с помощью которого они могли бы создать новую (атеистическую – О. С.) картину мира»¹⁸⁸.

Общество, к которому принадлежал Ф. Рабле, оставалось средневековым и религиозным. Критика церкви Ф. Рабле не означала его отказа от веры в Бога. Ф. Рабле, таким образом, являлся свободомыслящим человеком для своего века, поскольку критиковал церковь и ее служителей, но не для двадцатого века, так как остался глубоко верующим человеком.

Ментальность общества служит глубинной основой, из которой и формируются важнейшие убеждения личности. Ментальности определяет несвободу личности от общества, пределы мысли исторического деятеля. «Да и можно ли представить себе человека – в том числе историческую личность –

---

¹⁸⁶ Февр Л. Бои за историю. - С.28.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Соколова М. Н. Современная французская историография. - С.50.

в качестве некоей самостоятельной, независимой, обособленной силы, в качестве первоисточника и непосредственного источника творческой энергии, если каждый человек подвержен столь сильным влияниям, дошедшим из глубины веков или порожденным теперешней средой, - влиянием прежде всего языковым и техническим ... Все это позволяет сказать, что личность такова, какой ее делают эпоха и общественная среда»¹⁸⁹.

Однако для хода истории более важна проблема соотношения личности и общества. Как происходит обмен мыслями, взглядами, идеями между личностью и обществом?

Каковы варианты этого обмена? Насколько личность ответственна за осуществление своих идей в общественной практике? Иначе говоря, как ментальные установки уже сложившиеся или еще складывающиеся влияют на развитие общества.

Ответ на эти вопросы Л. Февр находит в анализе восприятия идей М. Лютера немецкой буржуазией 16 века.

В психологическом состоянии буржуазии 16 века Л. Февр разглядел глубокий конфликт. С одной стороны, буржуазия «горда собой, ... своими успехами, своим непрерывным восхождением, своим богатством тоже. Она чувствует под собой твердую опору: ее земельные владения, ренты, сундуки, полные золота и серебра. Она смотрит прямо в глаза старым властителям мира. В глубине души она чувствует себя способной одолеть их»¹⁹⁰. Таким образом, буржуазия постепенно превращается в социальную группу, для которой становится характерным осознание своего могущества, внутреннего достоинства, значительности. Все богатства, которыми она располагает, заработаны собственным трудом, благодаря собственному уму, смекалке, хитрости, упорству. С другой стороны, она, так же как и все общество, переполнена верой во Христа (растет число желающих уйти в монастырь, появляются новые религиозные культы, строятся новые и перестраиваются старые

---

¹⁸⁹ Февр Л. Бои за историю. - С. 100.

¹⁹⁰ Там же. - С. 207.

храмы и т.д.) и испытывает колоссальный страх, полную неуверенность в возможности спасения ее души, которая, несомненно, греховна, поскольку буржуазия связана с деятельностью, осуждаемой церковью.

Мартин Лютер – противник зарождающегося капитализма. «Он яростный антифинансист, антибанкир, антикапиталист. Он свирепый антисемит. Он держится старых добрых средневековых установлений и никогда от них не отступает»¹⁹¹. Однако Лютер ненавидит злоупотребления служителей церкви. Это его личное отношение, личный опыт.¹⁹²

Возникает непредвиденный М. Лютером обмен. Те, кого Лютер ненавидит, воспринимают его идеи, скрытое в них от самого Лютера соответствие их личным чаяниям.

С идеями Лютера буржуазия обретала долгожданный душевный покой. Отныне ее труд был оправдан перед Богом и становился теперь не только средством обретения материального благополучия, богатства, но стал частью служения Богу, определить благосклонность которого стало возможным по успехам в твоих делах: если ты избран Богом, то твое дело процветает, и наоборот. Кроме оправдания верой, буржуазия получила возможность общения с Богом без посредников. Каждый мог читать Библию самостоятельно, так как она переводилась с латинского на национальные языки, каждый мог общаться с Богом лицом к лицу, что было привычно и понятно для торговцев, «имеющих дело со своими соперниками или государями – лицом к лицу, человек против человека...»¹⁹³, без многочисленных и неуважаемых ими посредников в лице бездельников-монахов.

Критика церкви М. Лютером совпала с ментальными установками зарождающейся буржуазии. Обмен между личностью и обществом состоялся.

Обмен между личностью и обществом возникает в силу их разных качественных возможностей в выявлении и словесном оформлении новых общественных тенденций. Большинство членов общества не способно выразить

---

¹⁹¹ Там же. - С. 210.

¹⁹² Там же. - С. 429.

¹⁹³ Там же. - С.465-466.

словесно те новые тенденции общественного сознания, которые само же и формирует в своей материальной, социальной, культурной деятельности. Однако личность более подготовлена, она не испытывает затруднений в выражении своих мыслей, она способна на рефлексию собственного состояния и состояния общества.

Хотя сознание личности определяется ментальностью общества (нужно учитывать, что в этой ментальности уже скрыты новые восприятия, новое отношение), личность может интуитивно почувствовать или осознанно уловить и оформить словесно идеи, уже существующие в обществе.

На этом этапе и возможен процесс обмена между личностью и обществом, который фиксирует Л. Февр. Однако общество вносит свой вклад, перерабатывая эти идеи для более удобного пользования. Так произошло в 16 веке с идеями Мартина Лютера, и точно такая же метаморфоза постигла идеи горбачевской перестройки. Зачастую личность не готова к такому преобразованию своих идей. Ей остается либо соглашаться и идти вперед вместе с обществом, либо протестовать, как это делал М. Лютер. Но в любом случае личность становится исторической, то есть способствует изменению хода исторического развития. Но в действительности именно ментальные установки общества определяют движение истории. «Круг определяет центр», Лютер и Рабле не «герои», а «герольды» эпохи.¹⁹⁴

Эту мысль еще в большей степени доказывает обратная ситуация несостоявшегося обмена между личностью и обществом. Если идеи высказаны, но не находят поддержки в ментальных установках большинства членов общества, то личность остается в одиночестве. Ее идеи будут востребованы значительно позднее и оценены другими поколениями.

Однако, если ментальные установки определяют жизнь общества, то как возникают они сами.

Л. Февр приходит к пониманию ответа на этот вопрос через сравнение условий материальной и социальной жизни человека прошлого и человека

---

¹⁹⁴ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра - С. 507.

современного, сопоставляя их чувства и поведенческие реакции. То есть метод исследования ментальности носит «сравнительный и регрессивный» характер.¹⁹⁵

Й. Хейзинга отмечал контрастность чувств людей позднего средневековья: «Так неистова и пестра была эта жизнь, где к запаху роз примешивался запах крови»¹⁹⁶. Л. Февр согласен с такой характеристикой, но в своих рассуждениях идет дальше нидерландского ученого, так как выявляет причины этого феномена. Л.Февр указывает на контрастность условий материальной и социальной жизни в эпоху средневековья, которая совершенно не характерна для жизни современного европейца.¹⁹⁷ Иначе говоря, коллективная психология формируется под воздействием материальной, социальной, культурной среды. Но, в свою очередь, ментальность общества так же формирует эту среду.

Для изучения процесса формирования среды через ментальность Л. Февр пользуется схемой, «основанной на идеях Ш. Блонделя и А. Валлона»¹⁹⁸. Л. Февр пишет о том, что эмоции связывают людей, которые поочередно становятся то их зачинщиками, то передатчиками, что разнообразит чувства и реакции каждого человека. Повторение одних и тех же эмоций при одинаковых обстоятельствах, в конце концов, складывается в социальный институт. «Установившаяся таким образом согласованность и одновременность эмоциональных реакций обеспечивает группе относительно большую безопасность и силу: сложение подлинной системы эмоций подчас оправдывается полезностью этой системы. Эмоции превращаются в некий общественный институт. Они регламентируются наподобие ритуала»¹⁹⁹.

Историк, изучающий различные типы источников, как письменные, так и вещественные, в том числе описания обрядов, ритуалов, церемоний, вгля-

---

¹⁹⁵ Арьес Ф. Ребенок при старом режиме. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1999. - С. 25.

¹⁹⁶ Хейзинга Й. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Осень средневековья. - М.: изд. группа «Прогресс» - «Культура», 1995. - С. 36.

¹⁹⁷ Февр Л. Бои за историю - С. 104.

¹⁹⁸ Шкуратов В. А. Историческая психология. - С. 112.

¹⁹⁹ Февр Л. Бои за историю. - С. 112.

дываясь в жесты, позы людей, запечатленных скульпторами и живописцами прошлого, сможет обнаружить и понять эмоции людей, испытываемые ими в различных ситуациях. Наблюдения этнологов показывают, что многие церемонии у первобытных народов имели целью через одинаковые позы и жесты вызвать одинаковые эмоции, сплотить людей и подготовить к общему действию. Общие эмоции спланивают людей, так как они «заразительны»²⁰⁰.

Таким образом, через воспроизводство одинаковых эмоциональных состояний членов общества в определенной ситуации происходит формирование системы отношений людей к отдельным явлениям жизни, которая через ритуалы и традиции передается последующим поколениям. Эта складывающаяся система отношений и оказывает влияние на среду, формируя ее под себя.

В психологии современного человека Л. Февр обратил внимание на амбивалентность чувств, которую невозможно объяснить логически. Ученый видит ее причину в тех постоянных резких сменах эмоций, которые переживал человек прошлого. Произошло закрепление этого процесса в психических реакциях, которые и управляют эмоциями современного человека. «Всмотримся же в самих себя. Сколько находок может обнаружить археология человеческих мыслей в той последовательной смене слов, что составляют первооснову нашего сознания! Это наследие завещанное нам предками. И мы должны принять его безоговорочно. Ибо мертвые все еще сохраняют власть над нами, живыми»²⁰¹.

Вертикаль психологической взаимосвязи представителей разных эпох, выявленная Л. Февром, имеет два элемента в своем содержании. Во-первых, она означает наличие в сознании современного человека тех архетипов сознания всего множества предшествующих поколений, которые каждый человек, сам того не зная, наследует в момент своего рождения. Во-вторых, нижняя и верхняя точки этой вертикали имеют разное наполнение. Иначе говоря,

---

²⁰⁰ Там же. - С. 111.

²⁰¹ Там же. - С. 44.

ментальность индивида и общества в целом претерпевает определенные изменения со временем, несмотря на незначительность этих изменений, историк может их проследить. Верхняя точка определяется за счет того времени и тех событий, свидетелем которых стал индивид. «Человек порой больше похож на свое время, чем на своего отца», - гласит восточная мудрость. Нижняя точка представляет собой то восприятие мира, которое человек наследует от предков.

Благодаря наличию такой вертикальной связи, оказывается возможным лучше понять не только психические реакции человека прошлого, но и психологию нашего современника.

Ментальность для Л. Февра выступает в двух проявлениях. Во-первых, как инструмент для более всестороннего и полного изучения истории (гносеологический аспект). Л. Февр изучает ментальность как историк культуры и цивилизации с целью выявления коллективного в индивидуальном. Во-вторых, ментальность предстает как объективная реальность, которая играет существенную роль в жизни общества и индивида (онтологический аспект). В этом случае Л. Февр наделяет ментальность следующими характеристиками. 1. Ментальность является уровнем общественного сознания, на котором «мысль не отделена от эмоций»²⁰², она принадлежит плану содержания, а не плану выражения. Ментальность не идентична идеологии. 2. Ментальность статична. Ее изменения настолько медленны и незначительны, что даже в современном человеке можно обнаружить наследие прошлых веков. 3. Ментальность и материальная, социо-культурная среда взаимообусловлены. 4. Различия между культурами и цивилизациями носят ментальный характер.

Само понятие «ментальность» еще четко не определено, область ее изучения не очерчена. Л. Февр предлагает изучать ментальность на основе междисциплинарных исследований при помощи психологии, лингвистики, этнологии.

---

²⁰² Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра. - С. 517.

3.2. Марк Блок: социальные подходы в понимании ментальности

Совместная работа с Л. Февром не помешала М. Блоку, выразив свое согласие со своим коллегой по многим проблемам исторической науки, создать собственное видение исторического процесса и соответствующее ему понимание ментальности. Идеи М. Блока не столько противоречили взглядам Л. Февра, сколько дополняли их, раскрывали новые возможности исторического познания.

В основе исторической концепции М. Блока, на наш взгляд, лежат два основных философских положения.

Во-первых, с его точки зрения предметом исторической науки является не просто человек. История – это «наука о людях»²⁰³. На страницах его работ можно обнаружить множество имен различных исторических деятелей. Однако М. Блока не интересует область неповторимого, уникального в истории, предметом его исследований является прежде всего общество и социальные группы. «Науке о разнообразном больше подходит не единственное число, благоприятное для абстракций, а множественное, являющееся грамматическим выражением относительности»²⁰⁴. Работа М. Блока «Феодальное общество» носит совершенно не характерное для традиционной историографической науки название, которая предпочитала использовать такие понятия как «феодализм», «феодальный строй», «феодальные порядки». Благодаря труду М. Блока, «общество становилось самоценным и независимым объектом изучения»²⁰⁵. Человек интересен для М. Блока исключительно как элемент, из которого складываются отдельные социальные группы и общество в целом.

М. Блок углубляет характеристику предмета истории. Это «в точном и последнем смысле – сознание людей»²⁰⁶. Исходя из этого, он не согласен с

²⁰³ Блок М. Апология истории .1973. - С. 19.

²⁰⁴ Там же. - С. 18.

²⁰⁵ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года. - С. 49.

²⁰⁶ Блок М. Апология истории. - С. 83.

характерным для традиционной истории делением предметной области на отдельные, автономные направления: экономическая история, социальная история и т.д. В сознании человека все едино, его нельзя разделять. «Homo religiosus, homo oeconomicus, homo politicus – целая вереница hominus с прилагательными на «us»; при желании ее можно расширить, но было бы опасно видеть в них не то, чем они являются в действительности: это призраки, и они удобны, пока не становятся помехой»²⁰⁷. Искусственное возведение перегородок приводит к “отрицанию единства “я”²⁰⁸, искажению объекта изучения. Внутри человеческого сознания находят свое отражение все стороны жизни человека, которые пересекаясь оказывают влияние на его поступки и деятельность. Невозможно отделить Паскаля-математика от Паскаля-христианина. Это единое лицо, единое сознание, во всем его многообразии и даже противоречивости.

Если перейти от индивида к социальной группе или обществу в целом, то картина становится еще более сложной, более многоаспектной. «Общество, как его ни рассматривай, в конечном счете, пусть не сумма (это, несомненно, было бы слишком грубо), но, по меньшей мере, продукт индивидуальных сознаний, и мы не удивимся, обнаружив в нем такую же непрестанную игру взаимодействий»²⁰⁹.

С этими рассуждениями связано несогласие М. Блока с идеей монизма в истории. Наука может расчленять действительность с целью лучшего рассмотрения благодаря перекрестным огням. Однако возникает опасность для истинности исследования, когда «каждый прожектор начинает претендовать на то, что он видит все, когда каждый кантон знания воображает себя целым государством»²¹⁰. Ученый может изучать частный аспект. Но при его анализе он не должен забывать о других проявлениях жизни человека и общества.

---

²⁰⁷ Там же. - С. 83.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. - С. 84.

²¹⁰ Там же. - С. 75.

Человеческая деятельность развивается во времени. Особое понимание времени – вторая особенность исторической концепции Марка Блока. Французский историк не признает формального и удобного деления исторического времени на столетия. Ни одно событие не начинается точно в начале века и не заканчивается с его окончанием. «Мы делаем вид, будто можем, согласно строгому, но произвольно избранному ритму, распределять реальности, которым подобная размеренность совершенно чужда. Это чистая условность, и обосновать ее мы не в состоянии. Надо искать что-то более удачное»²¹¹. Историческое время – это не однородные, абстрактные, созданные человеком отрезки.

Самое точное время – это время, соответствующее «природе предмета», поскольку «каждому типу явлений присуща своя, особая мера плотности измерения, своя специфическая, так сказать, система счисления»²¹².

Но исторические явления происходят в постоянном сцеплении друг с другом, они подгоняют и тормозят, взаимное движение одновременно. Именно поэтому для М. Блока время есть «конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории – это как бы плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты»²¹³. Марк Блок видит в историческом времени две антитезы: «Это подлинное время – по природе континуум. Оно также непрестанное изменение»²¹⁴.

Такой подход к пониманию текучего и постоянного времени требует иначе рассуждать о сознании и деятельности людей. Историком необходимо видеть нечто постоянное, связывающее два последовательных состояния, последующих этапа или процесса. С другой стороны, необходимо учитывать возникающие изменения, которые в силу существования некой константы не могут быть радикальными.

---

²¹¹ Там же. - С. 98.

²¹² Там же. - С. 99.

²¹³ Там же. - С. 19.

²¹⁴ Там же. - С. 20.

Время истории живое и подвижное. В нем происходит «непрестанная игра взаимодействия» различных элементов общественного сознания.

Изучение общественного сознания, которое в своих трудах М. Блок довольно редко называет словом «ментальность», составляет значительную часть его научного наследия. Как правило, М. Блок для обозначения ментальности использует психологические выражения с приставкой «коллективный» или «общий».²¹⁵

М. Блок изучает коллективную ментальность, которую рассматривает широко, не ограничиваясь изучением только «ясного сознания». «Читая иные книги по истории, можно подумать, что человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны. ... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов».²¹⁶ Иначе говоря, по мнению М. Блока, человек и общество в целом зачастую действует неосознанно, совершенно необъяснимо с точки зрения зрения современного человека.

Однако объяснения нелогичного поведения человека прошлого вполне становятся понятным, если принять в расчет его ментальные установки.

Особенностью общественных ментальных установок является то, что они включают в себя два элемента: ментальные установки предшествующего периода и ментальные установки, сформировавшиеся в настоящее время. Ментальные установки прошлого живучи и восприняты обществом на уровне неосознанного. Отмечая религиозность средневекового общества, М. Блок указывает на наличие в ней множества пережитков язычества. «Религиозная жизнь питалась множеством верований и обрядов, которые были либо завещаны древнейшей магией, либо возникли в сравнительно недавнюю эпоху в лоне цивилизации, еще способной к живому мифотворчеству, и оказывали на официальную доктрину постоянное давление»²¹⁷. М. Блок отмечает мистиче-

²¹⁵ Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998. - С. 43.

²¹⁶ Блок М. Апология истории. - С. 110.

²¹⁷ Блок М. Феодальное общество // Блок М. Апология истории. - С.146.

ский характер мышления человека эпохи средневековья. Окружающая природа, события, в которых повинен сам человек, наделяются сверхъестественными силами. Именно здесь скрыто объяснение поступков средневекового человека, который, прежде чем предпринять собственные усилия, обращается за помощью к тем средствам воздействия, которые он считал более эффективными. При этом не существовало различия между явлениями природными и явлениями социальными. «Заметьте, - пишет М. Блок, - войны названы рядом с бурями, т.е. явления социальные стоят в том же ряду, что и явления, которые мы теперь назвали бы природными»²¹⁸.

Коллективная ментальность связана с материальными условиями жизни общества.

М. Блок отмечает, что «...социальная жизнь развивалась на архаическом фоне подчинения неукротимым силам, несмягченным природным контрастам. Нет прибора, чтобы измерить влияние подобного окружения на душу человека. Но как не предположить, что оно воспитывало в ней грубость?»²¹⁹. В этом М. Блок согласен с Л. Февром.

Однако М. Блок также указывает на взаимосвязь ментальных установок и социально-политических процессов. Анализ, произведенный М. Блоком, такого феномена как вера народа в чудотворную и целебную силу монархов показал, что эта вера сформировалась под влиянием нескольких факторов.

С одной стороны, это был «продукт индивидуальной мысли», шедший со стороны элиты, стремившейся усилить влияние королевской власти в глазах народа. Для этого и проводились специальные обряды, призванные продемонстрировать целительные способности королей. С другой стороны, имела место, сохранившаяся с древности, вера в сакральную силу отдельных родов, о которой писал еще Тацит. И наконец, обретение чудотворной целебной мощи французскими и английскими монархами происходит с утверждением их власти над феодалами, то есть в период образования централизованного

²¹⁸ Блок М. Феодальное общество - С. 147.

²¹⁹ Блок М. Феодальное общество - С.135.

государства. Таким образом, «эта вера (в целительную силу королей - О. С.) образовывала один из краеугольных камней, на которых зиждился авторитет монархической власти»²²⁰.

Характеристика ментальности общества в целом дополняется характеристиками ментальностей различных социальных групп общества. Для каждой социальной группы характерны свои особые ментальные установки, помимо присущих всему обществу в целом.

Само формирование социальной группы «сопровождается формированием специфического классового сознания»²²¹, которое можно проследить по возникновению особых ритуалов.

М. Блок отмечает, что конституирование общественного класса «сопровождается формированием специфического классового самосознания»²²². Именно поэтому М. Блок уделяет особое внимание созданию психологических характеристик крестьянина в его непосредственной связи с землей; монаха, не умеющего читать Священное Писание, и священника, дурно образованного и потому неспособного противостоять крестьянским суевериям; представителя благородного сословия, для которого оценка со стороны братьев по классу имеет большую силу, чем материальное благополучие.

Если для Л. Февра ментальность статична, то М. Блок обращает внимание на ее изменчивость. Поскольку каждая социальная группа является носителем особых ментальных черт, которые связаны с материальными условиями существования данной группы и общества в целом, то с изменением материальных условий, появлением новых социальных групп, либо изменениями внутри уже существующих, должно произойти изменение ментальности как общества в целом, так и ментальности отдельных социальных групп. Укрепление положения купечества в 11 веке привело к некоторому изменению в социальных ценностях.²²³

²²⁰ Гуревич А. Я. Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы. - С. 674.

²²¹ Гуревич А. Я. М. Блок и «Апология истории» - С.214

²²² Там же.

²²³ Блок М. Феодалное общество - С.134-135.

При изучении ментальности М. Блок «был чужд импрессионистскому подходу к истории и не разделял надежд тех историков, которые уповали на свои способности «вживаться» в эпоху, «проникнуться» мыслями и чувствами людей, канущих в Лету. История для него - ремесло, требующее точных и объективных приемов обработки материала»²²⁴. Важнейшим методом выявления сознания человека прошлого является анализ его языка. Человеческая мысль не оторвана от способов поведения людей, но органически входит в них и потому может быть обнаружена исследованием исторической семантики. История - это не только «наука о людях», но «о людях во времени»²²⁵, поэтому изучение исторической лексики должно сопровождаться стремлением вскрыть смысл, который люди изучаемой эпохи вкладывали в свои слова и формулы. М. Блок обращает внимание на тот факт, что «у людей не заведено всякий раз, как они меняют обычаи, менять словарь»²²⁶. Отсюда делается вывод о том, что анализ употребления различных слов должен быть связан с изучением всего содержательного фона эпохи. М. Блок осознает: «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены - если они долго просуществовали - от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистского истолкования. Помазание короля, наверняка, трактовалось в 12 веке как священнодействие - слово, несомненно, полное значения, но в те времена еще не имевшее гораздо более глубокого смысла, который придает ему ныне теология, застывшая в своих определениях и, следовательно, в своей лексике. Появление слова - это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он отмечает, что наступил решающий период осознания»²²⁷.

---

²²⁴ Гуревич А. Я. М. Блок и «Апология истории». - С.215.

²²⁵ Там же. - С. 18.

²²⁶ Там же. - С.22.

²²⁷ Там же. - С.95.

В смене терминологии, в насыщении старых, по традиции переходящих из поколения в поколение слов и выражений новым смыслом отражаются изменения социальных институтов. «Если реконструкция и интерпретация знаковых систем возможны, то может быть восстановлена и социальная структура общества, при том не в одних лишь внешних проявлениях, но и изнутри. Могут быть до какой-то степени воссозданы «аппарат» социального общения, представления, мысли, чувства, структура духовной жизни членов этого общества, иначе говоря, может быть представлено человеческое содержание социальной структуры»²²⁸.

Исследованию ментальности способствует и изучение ритуалов. Знаменитый обряд посвящения юноши в рыцаря М. Блок связывает с формированием класса феодалов. Предшественники М. Блока, описывая обряд вступления в число рыцарей, обращали внимание на существенный момент этого акта: физическое соприкосновение посвящаемого юноши и посвящающего сеньора, напоминающий обряд посвящения в сан священника. М. Блок сближает этот ритуал с инициациями молодых людей в примитивных обществах, в частности, у германцев. Но если у германцев посвящение юноши было лишь ритуалом вступления в состав народа, где воином должен стать каждый молодой человек, то в феодальном обществе, где складывается особая группа профессиональных воинов, в которую входят вассалы и сеньоры, эта церемония превращается в форму вступления в класс. Таким образом, для М. Блока «с изменением социальной среды соответственно изменилось и человеческое содержание акта»²²⁹.

М. Блок отводит ментальности значительное место. Он считает, что на формирование феодального общества повлияли прежде всего «духовные предпосылки»²³⁰.

---

²²⁸ Гуревич А. Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект.// Источниковедение: теоретические и методические проблемы. - М. Наука. 1969. С.

²²⁹ Цит. по: Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории». - С. 207.

²³⁰ Барг М.А. Проблемы социальной истории. - М.: Наука. 1973. - С.47

Для М. Блока европейский феодализм был порождением всей европейской социальной среды в целом и являлся результатом распада более древних обществ. «Он (феодализм – О. В.) непонятен без учета германских вторжений, приведших к сближению двух обществ, которые находились на очень непохожих стадиях развития, и разрушивших структуру обоих, что привело к выходу «на поверхность» весьма примитивных способов мышления и общественных привычек»²³¹. Ю. Н. Афанасьев отмечает: «Блок не рассматривал феодализм как закономерный этап в историческом развитии человечества, пришедший на смену рабовладельческому строю, как особую экономическую формацию, и в этом его принципиальное отличие от марксистской концепции феодализма. Согласно его точке зрения, европейский феодализм был ... конкретным стечением обстоятельств, совокупностью различных по своему характеру фактов, вызванных к жизни столкновением римского и германского обществ»²³².

Иначе говоря, именно ментальные установки римского и германского обществ, а точнее их объединение, смешение, столкновение и породило общество, известное сейчас как феодальное. М. Блок пишет, что ядро феодальной системы располагалось «между Рейном и Луарой», а периферия – «Саксония, христианские государства Пиренейского полуострова»²³³.

Таким образом, сила ментальных установок велика. Ментальность не только влияет на поведение индивида и социальных групп, но может определять характер общества в целом.

3.3. Ж. Дюби и Р. Мадру: ментальность как система

Хотя неопределенность понятия ментальность у представителей школы «Анналов» и вызывала критику со стороны оппонентов, самим исследовате-

---

²³¹ Блок М. Феодальное общество// 14 Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 1. - М.: Академия наук СССР, 1975. - С.83.

²³² Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. - С. 55.

²³³ Блок М. Феодальное общество//14 Международный конгресс ... - С. 85.

лям она открывала широкое поле для размышлений. В послевоенные десятилетия историки ментальности, восприняв основные идеи М. Блока и Л. Февра, сумели значительно усовершенствовать методические приемы в исследованиях ментальных структур, расширить предмет исследования.

Если М. Блок и Л. Февр очень осторожно пользовались понятием «ментальность», то их последователи послевоенного периода Р. Мандру и Ж. Дюби начали активно его применять, предпочтя другим близким понятиям типа «коллективного бессознательного», «коллективных представлений».

Принципиальный подход в изучении ментальности, заложенный этими двумя учеными, раскрыт в следующих словах Ж. Дюби: «Это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе представлений о мире и своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей. Изучение этих не имеющих четких контуров и меняющихся с течением времени систем затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам в разных источниках. Но мы были убеждены, что все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений (носителем которой является система образования), как и от экономических факторов. Вот почему мы предложили систематически изучать ментальность»²³⁴.

На наш взгляд, самой важной идеей, заложенной в данном высказывании является то, что под ментальностью понимается система определенных образов, представлений. Поскольку это система, то и изучение ее должно быть систематизировано.

Еще Л. Февр предложил некоторую последовательность в изучении ментальности: «Сперва предстоит заняться изучением того, что обусловлено в человеке общественной средой: коллективной психологией. Затем надлежит выяснить, как влияет на человека его собственный организм, то есть разрабо-

---

²³⁴ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции. - С.52.

тать специальную психофизиологию. И, наконец, выяснить какое воздействие на человека оказывают индивидуальные особенности его физиологии, частные отклонения от нормы в конституции, непредвиденные случайности его общественной жизни, словом, разработать его дифференциальную психологию»²³⁵. Однако эта идея, опирающаяся на психологические исследования и ставившая результат исследования в зависимость от субъективных особенностей ученого, на практике так и не была реализована.

Идея системного изучения ментальности была более четко сформулирована и реализована учеником Л. Февра Робертом Мандру.

В отличие от социологов, которые при составлении проекта исследований заранее прогнозировали возможный результат в виде гипотезы, Р. Мандру не стремился предопределить будущий вывод. Реконструкция ментальности должна была проходить чисто эмпирическим путем, поскольку ее цель определялась следующим образом: «из мозаики разрозненных психологических признаков, социологических норм, профессиональных установок сложить картину коллективной психологии изучаемой эпохи (безотносительно к тому, что будет)»²³⁶. Хотя последние слова взяты в скобки и потому кажутся не столь существенными, однако, они представляют главный принцип осуществляемой системной реконструкции. Результат не подгоняется под какую-либо схему и потому становится более объективным. Такой подход наглядно проявился в исследованиях Ф. Арьеса о жизни ребенка в эпоху средневековья.²³⁷

Р. Мандру предлагает воссоздать менталитет человека во всей полноте его детерминант и составляющих, последовательно проходя несколько этапов исследования, каждый из которых имеет свою фактологическую основу и обобщающую модель: «1. Условия материального существования («человек физический»); 2. Средства познания, в том числе так называемый ментальный инструментарий («человек технический»); 3. Социальная среда

²³⁵ Февр Л. Бои за историю. - С. 101.

²³⁶ Шкуратов В. А. Историческая психология. - С. 116

²³⁷ См. об этом Ф. Арьес Ребенок при старом режиме.

(классовые и семейные отношения); 4. Повседневные занятия (включая профессиональную деятельность и развлечения); 5. Духовная деятельность (искусство, наука, религия); 6. Формы социального и духовного эскапизма (бродяжничество, мистика, самоубийства). Завершающим этапом реконструкции и синтезирующей характеристикой духовности выступает картина мира изучаемой эпохи»²³⁸.

Таким образом, процесс реконструкции идет от физиологического этапа до исследования духовности, а в итоге все соединяется вместе. Предложенная последовательность реконструкции ментальности показывает, что «ментальные установки культуры находятся в связи с нижележащими биологическим и психологическими уровнями регуляции активности и не могут быть поняты изолированно»²³⁹. Наличие взаимосвязи между уровнями ментальности позволяет говорить о наличии эпох в истории человечества, которые характеризуются неудовлетворенностью части потребностей человека, что приводит общество к поискам какой-либо замены. «Чем меньше возможностей у общества удовлетворить созданные им самим и природой потребности, тем шире манипуляции сознанием, разрыв между идеальным и реальным, распространение эрзапотребностей, защитных механизмов, сферы индивидуального и коллективного иррационального, тем более напряжены усилия по регуляции социального поведения»²⁴⁰.

В своих исследованиях Р. Мандру активно использовал статистику. Хотя, на первый взгляд создается впечатление, что статистические данные ничего не могут сказать о чувствах, поведении людей прошлого. Однако «цифровые серии проявили недоступные без них модели поведения»²⁴¹. В результате история ментальностей перестает опираться только на воображение исследователя и становится более объективной.

---

²³⁸ Шкуратов В. А. Историческая психология. - С. 88.

²³⁹ Шкуратов В. А. Психика. Культура. История. Ростов-на/Д.: изд-во Рост. ун-та, 1990. - С.100.

²⁴⁰ Шкуратов В. А. Историческая психология. - С. 527.

²⁴¹ Ходонов А. С. История ментальности в современной французской историографии //Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск. 1994. - С.136.

Ж. Дюби и Р. Мандру исходили также из допущения, что существует сходство в ментальных структурах в тех странах, которые можно отнести к одной и той общественной формации. Следовательно, формирование ментальности связано с социально-экономическим положением общества, что, в свою очередь, логически приводит к констатации различий в ментальности у разных общественных групп. «Мандру пытается проследить зависимость психологического облика личности от типа деятельности, от характера труда»²⁴². Отсюда проистекают три вида ментальных установок, выделяемых Р.Мандру: *Homo faber*, *Homo lucrans*, *Homo ludens* (Человек - мастер, Человек наживающий и Человек играющий), которым соответствуют сельское хозяйство и ремесло, торговля, наука и искусство.²⁴³

Если М. Блок осторожно заявлял о некоторых общих изменениях ментальности на протяжении целых исторических периодов, то Ж. Дюби и Р. Мандру сумели доказать эту изменчивость на вполне конкретных временных отрезках, определить наиболее подверженные изменениям элементы ментальных структур, выявить причины этих изменений.

С точки зрения Р. Мандру, наибольшей динамичностью отличается “социальный универсум”²⁴⁴. Именно в нем начинаются изменения, которые затрагивают затем остальные элементы ментальности.

Эмпирическое выявление изменений в ментальности средневекового общества (Ж. Дюби) и в периода нового времени (Р. Мандру) не позволяет согласиться с утверждением Ю. С. Семенова о том, что для представителей “Анналов” характерно утверждение истории без изменений, “то есть истории без истории”²⁴⁵. Ж. Дюби, применив концепцию Ф. Броделя о трех уровнях длительности, указывает на изменения в ментальности, сообразной их продолжительности. Первая группа изменений скоротечна и поверхностна. На

²⁴² Розовская И.И. Проблема социально-исторической психологии в зарубежной историографии 20 века //Вопросы философии. – 1972. - №7 - С. 132.

²⁴³ Шкуратов В. А. Историческая психология. - С. 89.

²⁴⁴ Розовская И.И. Проблема социально-исторической психологии - С.132.

²⁴⁵ Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней. - С. 224.

этом уровне “формируются отношения между индивидом и группой”²⁴⁶, определяющие взаимодействие между ними. Вторая группа - изменения средней продолжительности и затрагивает социальные группы в целом. “Как правило, речь идет о плавных, без резких рывков, трансформациях, согласующихся с движением общества в целом, с политическими, социальными и экономическими изменениями”²⁴⁷. Третья группа - это представления и модели поведения, не изменяющиеся со сменой поколений. “Совокупность этих структур придает каждой длительной фазе истории ее специфический колорит”²⁴⁸. Ж. Дюби полагает, что их изменения происходят в результате довольно быстрых, хотя и не заметных мутаций.

Установление изменчивости ментальности требовало выяснения вопроса о причинах этой изменчивости. Ж. Дюби и Р. Мандру считают причиной изменений в ментальных установках те катаклизмы, которые переживает общество. Для Дюби, к примеру, таким фактором может выступать знаменитая эпидемия чумы 1348 года. Ж. Дюби, как историк культуры, обращает внимание, что после нее наблюдается процесс обмирщения, европейцы помимо стремления к небесной жизни все активнее стремятся получить наслаждение в жизни на земле.²⁴⁹

Для Р. Мандру главную роль играют социально-экономические кризисы. “Беспрецедентный по своей остроте социальный и экономический кризис, разразившийся в период от Колумба до Галилея, породил, по убеждению Мандру, кризис психологический. В обстановке этого кризиса происходила перегруппировка основных элементов цивилизации, возникали новые формы освоения мира, природы, складывались новые формы религиозного чувства и зарождался дух предпринимательства. Новые манеры чувствовать и способы осознания человеком самого себя можно понять только на этом фоне”²⁵⁰.

²⁴⁶ Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Инс-т всеобщ. Истории. 1996. - С.20

²⁴⁷ Там же. - С. 20.

²⁴⁸ Там же. - С. 20.

²⁴⁹ Дюби Ж. Европа в средние века. - Смоленск.: Полиграмма, 1994. - С.223.

²⁵⁰ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра. - С. 526.

Ж. Дюби в своих исследованиях активно использовал марксистскую терминологию. Однако изучение ментальных установок приводит его к убеждению, что именно они, а не способ производства, играют главную роль в формировании общественного устройства. Ж. Дюби объясняет сущность феодального строя через ментальные установки. В качестве доминанты феодального строя Ж. Дюби указывает на понятие “служения”, “считавшееся наипервейшим”²⁵¹ в отношениях между людьми от простого слуги до короля. Уникальная сущность, вкладываемая в это понятие, не превращала “низшего в раба или холопа” и оставляла “место для развития личности”²⁵². В конечном счете, Ж. Дюби высказывает идею о том, что “феодализм – это средневековый тип ментальности”²⁵³.

Таким образом, использование марксистской терминологии не означает, что Ж. Дюби исследует историю в рамках марксистской концепции. С его точки зрения именно ментальные установки, сложившиеся в средневековый период, определяют способ производства и характер общества в целом. Иначе говоря, сознание человека и его бессознательное формируют тот общественный порядок, в котором человек живет.

Общества обладают уникальностью в силу лежащих в их основе ментальных установок. Можно говорить о похожих, но не одинаковых формах собственности, похожих, но не одинаковых формах взаимоотношений между правящими и управляемыми, похожих, но не одинаковых взаимоотношениях внутри правящего класса.

Ментальные установки формируются во взаимосвязи с существующим реально экономическим, социальным, культурным окружением. Однако, Ж. Дюби обращает внимание, что зачастую общество живет не столько в соответствии с реальной обстановкой, “сколько в соответствии с тем образом или видением мира, который оно для себя создало”²⁵⁴. Ж. Дюби демонстрирует

²⁵¹ Дюби Ж. Европа в средние века. - С. 160.

²⁵² Гуревич. А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». - С. 151.

²⁵³ Цит. по J. Le Goff *Mentalities a history of ambiguities* –Р. 166

²⁵⁴ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». - С. 136.

этот процесс на примере объединения знати и рыцарей в единую замкнутую группу под влиянием этики военной чести, присущей первоначально только рыцарству.²⁵⁵

Ж. Дюби и Р. Мандру показывают диалогический характер отношений между индивидом и его социальным окружением. Не только социальное окружение формирует ментальные установки личности, но в отдельных случаях «реакция индивидумов изменяет среду»²⁵⁶. Поэтому история ментальностей должна быть не только социальной, но и биографической.

В результате научных разработок Р. Мандру и Ж. Дюби изучение ментальности приобретает черты систематических исследований. В ментальности выделяются структурные элементы, уровни и т.д. Хотя за ментальностью по-прежнему сохраняется такая черта как расплывчатость, отсутствие четких контуров. Однако на помощь историко-психологическим исследованиям приходят количественные исследования. В конечном счете, исследование ментальности становится более объективным. За самой ментальностью все больше закрепляется определяющая роль в формировании общественного устройства.

Это, тем не менее, не мешает учитывать при изучении самой ментальности влияния на ее формирование экономических, социальных, природных условий. В итоге исторический процесс предстает как результат взаимодействия ментальных установок общества и материальной жизни.

3.4.Э. Ле Руа Ладюри: психологизация в изучении истории

Лидер третьего поколения «Анналов» Э. Ле Руа Ладюри в своих научных исследованиях выступает как сторонник «застывшей»²⁵⁷ или неподвижной истории. На основе количественных исследований он делает вывод о

---

²⁵⁵ См. об этом Дюби Ж. Дворянство Макконе в 11-12 вв. ; Он же, История и социология западного средневековья: итоги исследования// 14 МКИН. Материалы к конгрессу. Вып. 7. Проблемы феодализма Ч. 2. - М.: Ан СССР, 1975.

²⁵⁶ Ж. Дюби История ментальностей. - С.19.

²⁵⁷ См. об этом: Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Т.1 Вып. 2.- М.:Начала-Пресс. 1993 - С. 153-173.

существовании периода стагнации во французской истории с 1300 по примерно 1800 годы. Для этого периода концепция Т. Мальтуса представляется для Э. Ле Руа Ладюри совершенно справедливой. В этот временной отрезок Лангедок и Франция в целом переживают «период отсутствия роста: при непрерывном демографическом взлете полная неподвижность в развитии техники (*immobilissime technologie*), «окоченение» (*rigidite*) сельскохозяйственной продукции»²⁵⁸.

Причина такой стабилизации, по мнению Э. Ле Руа Ладюри, кроется в ментальных установках: «Начав со складывания гектаров и кадастровых единиц, я кончил тем, что мог наблюдать деятельность, борьбу и мысли самих людей. Ибо экономическая и основанная на счете история, сколько она ни точна и ни исчерпывающа, сама по себе не могла меня полностью удовлетворить. Ведь она дает лишь грубую, хотя и необходимую основу. Я убедился в том, что мальтузианские преграды на пути развития (экономики и населения) были не только материального свойства. Я ощутил наличие огромного препятствия в виде ментальных установок и начал подозревать о существовании невидимых границ духовного порядка, наиболее трудно уловимых. Мало-помалу я научился обнаруживать эти преграды в хронике безнадежных крестьянских восстаний и в кровавой крестьянской религиозности. Пользуясь всеми доступными мне средствами анализа, я решился предпринять исследование тотальной истории в пределах одного человеческого сообщества (имеется в виду работа «Монтайю, окситанская деревня. 1294-1324» – О. С.)»²⁵⁹.

Если для Ж. Дюби и Р. Мандру было важно обнаружение изменений в ментальных установках, то для понимания хода исторического процесса для Э. Ле Руа Ладюри становится важен тот уровень ментальности, который оказывается наименее подвержен изменениям, а потому и является причиной стагнации. В определении изменения ментальности Ж. Дюби помимо уже обозначенных выше уровней продолжительности выделял еще один «наибо-

²⁵⁸ Далин В. М. Историки Франции 19-20 вв. - С. 223.

²⁵⁹ Цит. по Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». - С. 180.

лее глубоко залегающий ментальный слой, связанный с биологическими свойствами человека»²⁶⁰. Этот уровень почти неподвижен, поскольку его изменения связаны с изменениями биологических свойств человека.

Именно на исследование этого уровня ментальности и обращает внимание Э. Ле Руа Ладюри. Эти ментальные установки глубинного залегания безусловно принадлежат к бессознательным реакциям и потому оказываются очень могущественны в своем влиянии.

В исследовании жизни крестьянского сообщества небольшой окситанской деревушки Монтайю (период с 1294 по 1324 гг.) Э. Ле Руа Ладюри обнаруживает полное отсутствие классовых противоречий. «На уровне повседневной жизни и отношений между людьми, особенно между женщинами, равно как и между мужчинами и женщинами, отношения благородных и неблагородных были зачастую доброжелательными и, в общем, свободными, отмеченными, разумеется, неким минимумом различия. По правде говоря, здесь не было проблемы как таковой»²⁶¹.

Основой, определяющей отношения между людьми этого небольшого сообщества (200-250 человек), является «крестьянская семья, воплощенная насколько возможно, в непрерывном существовании дома и в повседневной жизни группы людей – «домашних», совместно проживающих под одной крышей, на местном наречии эта целостность именуется *осталь*»²⁶². *Осталь* – это «целостность, по сути, первичная общность проживания или первичная экологическая общность»²⁶³, поскольку слово «экология» происходит от греческого, обозначающего «дом, жилище».

Цель существования на земле для жителей Монтайю (как и для огромного множества подобных общностей) в интерпретации Э. Ле Руа Ладюри – сохранение «дома». Французский ученый показывает, что любые формы деятельности жителей деревни связаны «домом»: хозяйственные проблемы ре-

²⁶⁰ Дюби Ж. История ментальности... - С. 20

²⁶¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2001.- С. 28

²⁶² Там же. - С. 37-38.

²⁶³ Там же. - С. 38.

шаются с точки зрения полезности для осталь; возможность вступления в брак определяется способностью для молодых людей содержать осталь; будущее замужество или женитьба молодого человека рассматриваются всеми родственниками как возможный способ укрепления осталь; наличие определенного количества детей (обычно всегда не малого – четыре и более) влияет на временное ухудшение экономического состояния осталь и в то же время является залогом его будущего благополучия, когда дети станут помощниками в ведении хозяйства; в остале существует единая вера, если это не так, то семья неизбежно распадается и т. д.

Для крестьян Монтайю «осталь» - оплот уверенности в прочности земного существования, который выступает одновременно как строение, как семья, как общий принцип объединяющий имущество и людей. В сущности Э. Ле Руа Ладюри говорит о влиянии биологического фактора на формирование отношений между людьми по крайней мере в тот временной отрезок времени, который он изучает. Бессознательные инстинкты, среди которых главное место принадлежит стремление к сохранению и продолжению рода, являются мощной силой способствующей выживанию человека в условиях, когда общество еще не способно преодолеть мальтузианские «ножницы».

Исследования, проведенные Э. Ле Руа Ладюри, показали, что «осталь» сохраняет свое существование, несмотря на удары инквизиции, чумы, войны и другие бедствия. Потомки средневековых обитателей деревни проживают там до сих пор.²⁶⁴

Монтанойская культура, ориентированная на «простое воспроизводство, на самосохранение и на обеспечение непрерывного существования в этом несовершенном мире»²⁶⁵, безусловно была сдерживающим фактором развития. Но она же и была фактором «биения жизни»²⁶⁶, которое невозможно уничтожить никакими ударами судьбы.

---

²⁶⁴ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. - С. 497.

²⁶⁵ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. - С. 497.

²⁶⁶ Там же. - С.498.

Э. Ле Руа Ладюри считает, что в этот период (1300 –1800) обществом были выработаны определенные механизмы «сдерживания (или давления), блокирующие подъем, стесняющие рост и периодически возвращающих человеческую массу к точке равновесия»²⁶⁷. К этим механизмам Э. Ле Руа Ладюри относит и централизованное государство, которое предназначено для того, «чтобы разрывать своими крепким зубами всех подряд во время устраиваемых каждые тридцать лет жертвоприношений». Государство выступает в качестве «хищника» в человеческой среде.²⁶⁸

В крестьянских восстаниях, которым посвящена работа «Крестьяне Лангедока» Э. Ле Руа Ладюри так же видит «бессознательное начало»²⁶⁹. «Ле Руа описал карнавал камизаров как психодраму, при предоставлении непосредственного доступа к элементам подсознательного, типа людоедства и он интерпретировал пророческие конвульсии камизаров в терминах истерии»²⁷⁰.

Поступками крестьян руководят либо чувства внутренней виновности за какие-то действия в прошлом, либо за свои религиозные убеждения, противоположные ортодоксальной религии, страх возможного наказания, чувство отчаяния и т. д. Иначе говоря, крестьяне действуют скорее бессознательно, чем осознанно реагируют на кризисные явления в сельском хозяйстве. Э. Ле Руа Ладюри практически превращается в психиатра в оценке крестьянских и других народных выступлений (например, еретическом движении в Монтанью). «Пророчество, колдовство, массовый психоз и массовый гипноз, действия полубезумных, а то просто психически больных людей – все это описано с почти клинической точностью. Классовая и социальная борьба тонет в стихии подсознательного, в апокалипсических видениях, в возбуждавших массы патологических эксцессах»²⁷¹. Конечно, Э. Ле Руа Ладюри не забыва-

²⁶⁷ Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история. - С. 161.

²⁶⁸ Там же. - С. 164.

²⁶⁹ Далин В. М. Историки Франции 19-20 вв. - С. 224.

²⁷⁰ Burke P. The French historical revolution : The Annales school, 1929-89. – Stanford (Cal): Stanford univ. Press, 1990. - P.71

²⁷¹ Люблинская А.Д., Малов В.М. Рецензия на кн. E. Le Roy Ladurie. Les paysans de Languedoc. - Paris. 1966. //Средние века Вып. 34. - М.: Наука. 1971. - С. 322.

ет об экономических, климатических и других факторах. Но на первый план выдвигает “социальную психологию (толкуемую на основе фрейдизма)”²⁷².

Таким образом, концепция видения исторического процесса Э. Ле Руа Ладюри имеет биологические основания. «Предлагаемые мной подходы и методы, возможно, и не отвечают требованиям, которые сегодняшняя мода хотела бы видеть в багаже историка. Уроки марксизма привели меня к заключению, отсутствующему в нем вовсе, а именно, что главный двигатель истории в целом следует искать не в классовой борьбе, а в области экономики, социальных отношений и даже глубже – биологических явлений. По крайней мере, это касается периода, которым я занимаюсь»²⁷³.

Уточнение, делаемое Э. Ле Руа Ладюри о том, что его оценки верны для периода, которым он занимается, а не для всего исторического процесса в целом, представляется достаточно важным. Оно означает, что французский историк и его коллеги не признают наличия единой теории, объясняющей весь ход истории. Для тех явлений, которые обнаружил Э. Ле Руа Ладюри в истории, ему представляется возможным использовать теории Т. Мальтуса и З. Фрейда. «Упомянувшиеся нами колебания в экономическом развитии, в конечном счете, порождались демографическими скачками. Они обуславливаются биологией ... ею моделируются. От 14 до 18 века экономика является скорее служанкой, чем хозяйкой. Не она ведет, а ее скорее ведут. Как бы она ни была важна, в конце концов, она оказывается послушной главным силам жизни и смерти. Что касается велений политики и борьбы классов, время их могущества было еще впереди»²⁷⁴.

Ментальные установки препятствуют экономическому прогрессу, переходу от традиционного общества к индустриальному. Чтобы переход совершился, необходимо изменение ментальности, увеличение в ней доли сознательного фактора. Открытия, сделанные учеными (И. Ньютоном, Г. Галилеем

²⁷² Адо А.В., Смирнов В.П. Послевоенная историография новой и новейшей истории//Новая и новейшая история. - 1997. - № 6. - С. 154.

²⁷³ Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история. - С. 155.

²⁷⁴ Цит. по: Далин В. М. Историки Франции 19-20 вв. - С. 236.

и другими), рост городов, развитие товарно-денежных отношений еще не достигли своей критической массы, взрыв которой произойдет примерно в конце 18 века.

В период традиционного общества, изучаемого Э. Ле Руа Ладюри, в ментальных установках главную роль играет уровень бессознательного. Именно он определяет поступки людей и движет исторический процесс.

3.5. Ж. Ле Гофф: ментальность через призму исторической антропологии

С именем Ж. Ле Гоффа связан иной подход к пониманию ментальности в третьем поколении «Анналов». Если Э. Ле Руа Ладюри опирался прежде всего, при исследовании глубинного уровня ментальности на теорию З. Фрейда, то Ж. Ле Гофф предстает как историк социально-культурной направленности. Его масштабная задача как историка – «содействовать созданию исторической антропологии доиндустриального Запада»²⁷⁵.

Достижением исторической науки, по мнению Ж. Ле Гоффа, является изучение двух видов реальности: исторической действительности как таковой и представлений, которые о ней в то время имели люди.²⁷⁶ Антропологический подход в исследовании ментальности позволяет Ж. Ле Гоффу «зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе субъективного фактора»²⁷⁷. То есть материальные основы жизни изучаются через те смыслы и значение, которое люди средневековья вкладывали в них. При этом Ж. Ле Гофф стремится обнаружить «взаимовлияния и взаимосвязи между разными пластами и уровнями социального»²⁷⁸. Иначе говоря, Ж. Ле Гофф стремится постичь общество изнутри, исходя из тех представлений, которые

²⁷⁵ Ле Гофф Ж. Другое средневековье... – С. 12.

²⁷⁶ Вжозек В. Историография как игра метафор: судьба «Новой исторической науки»// Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. – С. 72.

²⁷⁷ Репина Л. П. Социальная история на пороге 21 века... – С. 11.

²⁷⁸ Гуревич А. Исторический синтез и школа «Анналов». – С. 206.

имели люди прошлых веков о самих себе, о своем существовании на земле и жизни после смерти.

Под исследованием ментальности Ж. Ле Гофф видит, прежде всего, изучение истории коллективной психологии и массовых представлений, позволяющих воссоздать видение мира людьми прошлого. Однако, поскольку ментальность принадлежит сфере “неявного, имплицитного”, “диффузного и размытого”²⁷⁹, то ее раскрытие затруднено. Ж. Ле Гофф предлагает остановиться на следующих направлениях анализа этой “размытости”. “Первое из них – анализ культурного и ментального инструментария, обеспечивающего рождение неких представлений (и соответствующей им практики) речь идет ...об умственном инструментарии. Второе направление анализа – отношение к земному, особенно к жизни, к человеческому телу, к земле, к земной истории. Третье направление – это анализ разграничения в системе ценностей и представлений церковного и светского, духовного и мирского, сакрального и профанного”²⁸⁰. Таким образом, Ж. Ле Гоффа интересует в ментальности такие коллективные представления, которые играют решающее значение в жизни человека и общества.

Фактически Ж. Ле Гофф сам о себе говорящий, что “у него не философская голова”,²⁸¹ предлагает исследовать понимание средневековыми людьми тех категорий, которые можно отнести к философским. Ж. Ле Гофф стремится найти такие сюжеты в исследовании ментальных структур, которые бы являлись определяющими для понимания сознательных и бессознательных реакций в жизни средневекового человека. Ж. Ле Гофф обращается к таким категориям в сознании человека прошлого, от содержания которых зависят социальные отношения в обществе, экономическое развитие. Раскрытие сущности этих понятий позволяет историку представить жизнь общества в целом. Изменения, происходящие в толковании таких понятий, означают и изменения в жизни общества в целом, переход к новым этапам развития.

---

²⁷⁹ Ле Гофф Ж. С небес на землю //Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. – С.30.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Гуревич А. Исторический синтез и школа «Анналов». – С. 195.

К таким представлениям Ж. Ле Гофф относит понимание человеком времени, труда. “Так мое внимание оказалось обращено на два понятия – труда и времени, и я старался проследить их идеологические трансформации в конкретных общественных условиях развития”²⁸². Категория времени в интерпретации Ж. Ле Гоффа не только объективна и нейтральна. Для Ж. Ле Гоффа время является еще и субъективной категорией, атрибутом человеческого сознания. Следуя за М. Блоком, утверждавшим, что в человеческом сознании все течения жизни сходятся мощным узлом²⁸³, Ж. Ле Гофф вносит свой вклад в изучение этого вопроса стремится установить связь с социально-экономической сферой жизни человека. “Что касается времени, то прежде всего я исследовал, кто и (как) его изменял и господствовал над его новыми формами в средневековом обществе. Подчинение времени, власть над временем представляются мне важнейшим элементом функционирования обществ”²⁸⁴. Таким образом, согласно Ж. Ле Гоффу, время является важнейшим инструментом социального контроля и политической власти: “Для крупных сеньоров и князей это время ... является ... символом власти”²⁸⁵. Тем самым определяется связь между ментальными установками и политической и социально-экономическими системами общества. Анализ понимания средневековым человеком времени приводит Ж. Ле Гоффа к согласию с утверждением Мориса Хальбвакса о наличии в обществе такого количества коллективных видов времени, которое соответствует количеству отдельных социальных групп.

Церковь, контролировавшая время в эпоху средневековья, была вынуждена приспособлять свое время ко времени сельскохозяйственных работ. Здесь так же скрывается связь между ментальными установками и материальной жизнью. Переход контроля над временем в собственность городов, а затем и государства означает для Ж. Ле Гоффа “ментальное, духовное”²⁸⁶ по-

---

²⁸² Ле Гофф Ж Другое средневековье... – С. 10.

²⁸³ Блок М. Апология истории. - С. 89.

²⁸⁴ Ле Гофф Ж Другое средневековье... – С. 10.

²⁸⁵ Там же. – С. 55.

²⁸⁶ Там же. - С.55.

трясение, которое свидетельствует о наличии изменений в ментальных установках общества.

Если для современного общества связь между такими ценностями как время и труд очевидна, то средневековое общество ее не знало. Исследования Ж. Ле Гоффа показывают, как происходило в средневековье осознание человеком ценности времени труда. При этом он так же сохраняет верность принципу выявления взаимосвязи между значимостью труда и профессией, а, следовательно, и социальной группой, между трудом и религиозной доктриной того времени, которая под давлением социальных изменений в обществе вынуждена приспосабливаться к меняющейся социально-экономической ситуации.

Для Ж. Ле Гоффа характерно понимание ментальности как исключительно медленно изменяющейся исторической реальности. Он относит ментальность к категории “большой длительности”. “Несомненно, менталитет является стороной общества и цивилизации, которая меняется медленнее всего ...”²⁸⁷. Ж. Ле Гофф указывает, что можно обнаружить много архаики в сознании современного человека: “... изучение харизматического в истории может принести понимание далеко не анекдотического феномена 20 века – культа личности.”²⁸⁸. Вообще, средневековье для современного человека в понимании Ж. Ле Гоффа является “временем праотцов ..., в котором коллективная идентичность, искомая современным обществом, приобрела несколько существенных характеристик”²⁸⁹. Подобные наблюдения позволяют французскому ученому по-своему представлять периодизацию истории. Средневековье Ж. Ле Гоффа становится длительным и охватывает период примерно со 2 века нашей эры по начало 19 века.²⁹⁰

Однако Ж. Ле Гофф, в отличие от Э. Ле Руа Ладюри не сторонник неподвижной истории. Напротив, свои усилия исследователя он прилагает на

---

²⁸⁷ Там же. – С. 63.

²⁸⁸ Там же. – С. 206.

²⁸⁹ Там же. - С. 9.

²⁹⁰ Там же. - С. 9.

выявление этих замедленных изменений в ментальных структурах.²⁹¹ В определении ментальных изменений Ж. Ле Гофф опять же придает главное значение изменению в ценностных ориентациях. Для него это означает признание “рационалистической методологии истории”²⁹².

Такой подход представляется очень важным, поскольку выявляет гуманистический характер ментальных исследований. Благодаря изучению ментальности, современная цивилизация учится понимать “как *распознать* (и уважать) *другого*”²⁹³. Иначе говоря, учится толерантности.

Исследование изменений в ментальности с неизбежностью ставит вопрос о причинах этих изменений. По этому поводу Ж. Ле Гофф высказывается неоднократно и вполне определенно. Это – “экономические преобразования, назревающие там и тут, ведущие к более или менее радикальным, более или менее быстрым сменам воззрений...”²⁹⁴.

В исследовании ментальности Ж. Ле Гофф выступает как последователь М. Блока. Его привлекает ментальность общества в целом и не смущает неопределенность понятия “народ”. Напротив, он считает его вполне продуктивным, так позволяет обратиться к реальному, имеющему исторический вес социальному лицу.

Ж. Ле Гофф, отдавая должное общим ментальным установкам, указывает на связь между ментальностями и социальной структурой общества. Это показывает, что наряду с общими представлениями, которые «одинаковы у Цезаря и его младшего легионера, Святого Людовика и простого крестьянина, Колумба и любого из его моряков»²⁹⁵ существует различие в ментальных структурах у отдельных социальных групп. Отсюда вытекает предположение

---

²⁹¹ См. об этом: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Глава «Ментальность, мир эмоций, форм поведения. - М.: изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 302-337 ; Он же. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории 1991. М.: Наука, 1991. – С. 25-44.

²⁹² Ле Гофф Ж. С небес на землю. – С. 44.

²⁹³ Ле Гофф Ж. Другое средневековье... - С. 210.

²⁹⁴ Ле Гофф Ж. Другое средневековье... – С. 66, 71; Он же. С небес на землю. – С. 29.

²⁹⁵ J. Le Goff Mentalities a history of ambiguities – P. 169.

о том, что сосуществуют общий ментальный фонд и ментальности разных групп и классов.²⁹⁶

В истории ментальности Ж. Ле Гофф обращает внимание на мир воображаемого, которое не просто воспроизводит реальность, “но пересоздает ее, претворяет ее в образы, рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством”²⁹⁷. В понимании Ж. Ле Гоффа воображаемое не тождественно интеллектуальному, символическому или идеологическому. К миру воображаемого Ж. Ле Гофф относит феномен чудесного, главными функциями которого являются компенсаторная, создающая противовес банальности повседневного существования, и функция культурного сопротивления официальной христианской идеологии. Французский ученый также относит к сфере воображаемого образ человеческого тела, сны и их толкование. Воображаемое, так же как и другие ментальные установки творит реальность, поскольку питает чувства и мысли человека, заставляет его действовать. Воображаемое – это коллективное, социальное, историческое явление. “История без мира воображаемого – история изуродованная, расчеловеченная”,²⁹⁸ так как воображаемое позволяет проникнуть в глубины коллективного сознания общества, то его изучение очень важно для антропологизации истории.²⁹⁹

Исследование ментальности, особенно ценностных ориентаций позволяет Ж. Ле Гоффу сделать вывод о том, что в европейской истории можно выявить линию развития, которая объяснима понятиями роста и прогресса, ширящегося обращения к земным ценностям. Эта линия дискретна. “Однако она предполагает, что несмотря на огромное давление исторических структур и тирании событий, человек как личность и как член общества способен влиять на общий ход истории и определять свою судьбу. И в этом огромную роль

²⁹⁶ Гуревич. А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – С. 192.

²⁹⁷ Ле Гофф Ж. Мир воображаемого в средние века // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. Реф. сб. - М.: АН СССР, ИНИОН, 1990. – С. 76.

²⁹⁸ Ле Гофф Ж. Мир воображаемого в средние века. – С. 77.

²⁹⁹ Русакова О. Ф. Философия и методология истории в 20 веке. – С.257.

играют ценностные ориентации, которые он определяет в процессе самосознания”³⁰⁰.

Учитывая данное высказывание и мнение Ж. Ле Гоффа о влиянии на формировании ментальных установок экономического развития, можно утверждать, что процесс истории видится французскому ученому как некое взаимосвязанное движение материальной жизни и духовной. Ментальные установки человека в этом взаимодействии играют роль посредника.³⁰¹

Исследование ментальности содействует созданию тотальной истории в ее антропологическом звучании.

Изучение ментальности находится на перекрестке наук. “Эта область истории находится на скрещивании различных влияний, она “приближается” к этнологии”, должна “дублироваться социологией”, имеет родство с социальной психологией и видит свое спасение в структуралистском методе”³⁰². В исследованиях Ж. Ле Гоффа присутствует множество влияний.

Работы по истории ментальностей Ж. Ле Гоффа привлекают внимание именно тем, что в своих исследованиях он не ограничивается какой-либо одной концепцией понимания исторического процесса. Чувствуя “грубость и неадекватность вульгарной марксистской проблематики базиса и надстройки”³⁰³, Ж. Ле Гофф видит исходную точку в общественных трансформациях в экономике. Неопределенность, расплывчатость ментальности как общественного феномена не останавливает Ж. Ле Гоффа в стремлении выделить в ней наиболее существенные элементы, определить главную линию развития.

Ж. Ле Гофф указывает, что исследование ментальности требует достаточно широкого подхода, не исключая и метода воображения. Среди тех, кто оказал влияние на характер его исследований он называет Ж. Мишле. Французский историк 19 века Ж. Мишле, который, являясь хорошим архивистом, показал, “что историк, особенно медиевист, имеет право на вооб-

³⁰⁰ Ле Гофф Ж. С небес на землю. – С. 44.

³⁰¹ Бессмертный Ю. Л. Школа «Анналов»: весна 1989 //Европейский альманах. История. Традиция. Культура. - М.: Наука, 1991. – С. 143.

³⁰² Цит. по: Ревель Ж. История ментальностей опыт обзора– С. 56.

³⁰³ Ле Гофф Ж. Другое средневековье... – С. 11.

ражение. Да и как без помощи воображения объяснить, оживить эпоху, сумевшую посредством воображения воздвигнуть на своих недостатках и слабостях великую цивилизацию мечты?»³⁰⁴ Ж. Ле Гофф, стремясь проникнуть в глубины коллективной психологии, опирается на идеи М. Мосса.³⁰⁵

Научная деятельность Ж. Ле Гоффа показывает, как междисциплинарный синтез гуманитарных наук в конечном счете оборачивается синтезом методологий, что дает возможность изучать и понять историю прошлого в ее целостности, отказавшись от лакунарных исследований.

Таким образом, в рамках французской историографической школы «Анналов» понятие «ментальности», прошло свой процесс институализации. Представители данной школы от поколения к поколению вносили свой вклад в раскрытие теоретической сущности данного понятия, одновременно обогащая науку конкретными исследованиями.

В школе «Анналов» не требовалось соблюдать методологическое единство, поэтому представители школы при осуществлении конкретных исследований и их теоретическом обобщении опирались на различные, порой взаимоисключающие философские теории. Это непосредственно отразилось на конструировании понятия «ментальность», поскольку в этом явлении с точки зрения школы «Анналов» сознательное и бессознательное (под которым понимаются и автоматизмы сознания, и биологические реакции человека) находятся в единстве и непрерывном взаимодействии. Однако сила ментальных установок не поведение отдельного человека и социальной группы в целом объясняется, прежде всего, превалированием бессознательного над сознанием.

Понятие ментальности было использовано представителями школы «Анналов» как в онтологическом, так и гносеологическом плане. Исследование ментальных структур существенно расширяло предметное поле истории. На формирование ментальности оказывала влияние материальная и социокуль-

---

³⁰⁴ Там же. – С. 33.

³⁰⁵ Там же. – С. 8.

турная среда. В свою очередь ментальность оказывала существенное влияние на характер общества. Таким образом, ментальность связывает воедино материальную и духовную жизнь общества.

Заключение

Кризисные явления в области методологии истории характерны как для России, так и для исторической науки Запада. Если в России этот процесс возник и связан преимущественно общественно-политическими изменениями, то для западных стран он связан с противоборством в методологии истории трех основных философских позиций: рационализма, иррационализма, позитивизма.

Современное научное сообщество, которое более чем кто-либо, ощущает нарастание дезинтеграционных процессов в мире, стремится к созданию таких теорий и концепций, которые бы, напротив, способствовали интеграционным процессам и защищали стабилизирующие элементы в общественном развитии.

Эти интеграционные и стабилизирующие процессы и элементы скрыты прежде всего в духовном мире человека.

Однако долгое время духовный мир человека не являлся предметом исследования исторической науки, которая изучала и описывала преимущественно великие события и великих людей.

В конце девятнадцатого – начале двадцатого века в гуманитарных науках сформировалась тенденция к изучению внутреннего, духовного мира человека. Но эти попытки носили умозрительный характер и в силу односторонности изучения не дали существенного положительного результата.

Наиболее успешными в этом направлении, на наш взгляд, оказались исследования французской историографической школы «Анналов», которая с тридцатых годов двадцатого века пересмотрела содержание предмета исторического исследования и ввела понятие «ментальность» в научный оборот.

Рассмотрение школы «Анналов» с позиций историко-философского подхода позволяет отметить следующее.

Рассматривая историческую науку как социальную практику, можно утверждать, что оригинальная концепция исторического развития школы «Ан-

налов» является результатом общественного развития и отражает те философские теории, которые на момент ее создания и развития существовали. Представители школы «Анналов» являясь профессиональными и высококвалифицированными историками, тем не менее, имели философскую предубежденность своих исследований, которая была приобретена ими вместе с овладением ремеслом историка, но которая играла значительно более существенную роль в практических исследованиях, чем чисто профессиональные навыки исследователя-историка. Это позволило представителям школы «Анналов» вступить в пределы философского дискурса, в котором они сумели выйти на уровень поиска метаконцепции исторического развития.

Школа «Анналов» является определенным этапом в развитии философской мысли. Представители школы «Анналов» в своих эмпирических исследованиях актуализировали наиболее рациональные элементы философских теорий исторического процесса, которые сформировались в рамках рационализма, иррационализма и позитивизма. Они смогли реализовать идею о создании концепции исторического развития, интегрирующую основные модели истории, предложенные философами указанных направлений.

Школа «Анналов» поддержала марксистскую идею о существенной роли экономики в жизни общества, ее влиянии на сознание человека. Однако, школа «Анналов» отказалась от признания экономики в качестве первопричины общественного развития, на основе которой марксизм выделяет отдельные исторические периоды – общественно-исторические формации.

Школа «Анналов» утверждает, что влияние сознания Человека на развитие истории значительно больше, чем это допускает марксизм. Характеристики общественного сознания, выявленные школой «Анналов», позволяют французским ученым не согласиться с жесткой периодизацией истории.

В рамках школы «Анналов» получили высокую оценку и широкое применение методы исследования, внедренные в историческую науку под влиянием позитивизма. А именно: постановка проблемы исследования, количественные методы обработки фактов, структурирование исторического материала.

ла. Но в школе «Анналов» факты играют подчиненную, а не главную роль, поскольку служат средством для реконструкции мышления человека.

Марксизм и позитивизм, каждый по своему, предлагали унифицированный подход к истории всех народов. Напротив, школа «Анналов» подчеркивает уникальность, неповторимость жизненного мира каждого народа.

Опираясь на философию жизни, школа «Анналов» признает важную роль народного сознания в формировании культуры не только материальной, как это обозначено в марксизме, но и духовной. Раскрытие смыслов событий, понятий, которые содержались в духовной и материальной деятельности людей, является важнейшей научной задачей французских историков. Высокий профессионализм эмпирических исследований позволил «Анналам» раскрыть духовный мир людей прошлых эпох, проследить за его изменениями.

Поскольку представители школы «Анналов» используют при объяснении исторических процессов разные методологические основания, с помощью которых создают целостное всестороннее видение исторического процесса, то их теория истории может быть оценена как синтетическая метаконцепция.

Наиболее полно данная характеристика проявляется в формировании методологической конструкции понятия «ментальность».

В научном творчестве представителей школы «Анналов» «ментальность» проходит длинный путь от аморфного, легко заменяемого другими терминами, понятия до четко обозначенного объекта исторической реальности и важнейшего инструмента исторического познания.

В понятии «ментальность» представители школы «Анналов» выделили четкую структуру, позволившую исследователям реконструировать духовный мир людей разных эпох и социальных групп.

Элементы ментальности различны по своим основаниям, поскольку находятся как в пределах сознательного, так и бессознательного.

Ментальность как объективная реальность претерпевает изменения в историческом времени, которые происходят прежде всего в ее социальном уни-

версуме, и объясняются различными катаклизмами, потрясениями, переживаемыми обществами и социальными группами.

На формирование ментальности оказывает влияние экономическая деятельность человека, социокультурная среда. Однако ментальность сама оказывает существенное влияние на экономическое производство, формирование отношений между социальными группами.

Исследование ментальности привело представителей школы «Анналов» к пониманию схождения в человеческом сознании всех жизненных проявлений.

Ментальность является той частью человеческой истории, которая меняется медленнее всего и обеспечивает развитие общества независимо от возможного негативного воздействия как материальной среды, так и негативного влияния социально-политической конъюнктуры. Ментальность способствует самосохранению общества в неблагоприятных условиях, обеспечивает преемственность культуры и является основой для развития общества в изменяющихся условиях жизни.

Исследование ментальности, предпринятое школой «Анналов» на уровне междисциплинарности, позволяет увидеть в понимании исторического процесса множество взаимодействующих факторов. Среди них не представляется возможным выделение одного, определяющего фактора.

Библиография

Источники

1. Арьес Ф. Возрасты жизни// Методология и философия истории. - М.: Наука, 1977. - С. 216-244.
2. Арьес Ф. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С. 26-29.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом режиме. - Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1999. - 416 с.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. - М.: Прогресс- Академия, 1992. - 526 с.
5. Блок М. Апология истории. - М.: Наука, 1986. –256 с.
6. Блок М. Короли-чудотворцы. - М.: Языки русской культуры, 1998. – 712 с.
7. Блок М. Феодалное общество// Блок М. Апология истории. - М.: Наука, 1986, - С. 122- 181.
8. Блок М. Феодалное общество// 14 Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч.1. - М.: Академия наук СССР, 1975. - С. 30-86.
9. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 315 с.
10. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3-х т.- М.: Прогресс, 1986 - 1992.
11. Бродель Ф. Динамика капитализма. - Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
12. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. // Философия и методология истории. - М.: Наука, 1977. - С. 115-142.
13. Бродель Ф. История моря и суши // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. - М.: Наука, 1998. - С. 7 – 13.

- 14.Бродель Ф. Свидетельство историка //Французский ежегодник. 1982. - М.: Наука, 1984. - С. 174-189.
- 15.Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. перв. Пространство и история. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 405 с.
- 16.Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. вторая: Люди и вещи. Ч. 1. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 244 с.
- 17.Бутрюш Р. Сеньория и феодальный строй. Первый период в развитии личных связей //14 Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 1. - М.: АН СССР, 1975. – С. 190-217.
- 18.Бутрюш Р. Сеньория и феодальный строй. Апогей развития (11-13 вв.)// 14 Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма Ч. 1. - М.: АН СССР, 1975. – С. 218-264.
- 19.Бюрджер А. Понятие ментальности у Блока и Февра: две точки зрения, два пути // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С.43-45.
- 20.Вовель М. Серийная история или «case studies»: дилемма реальная или мнимая?//История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С. 53-56.
- 21.Вовель М. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления/Под ред. Афанасьева Ю. А. и Ферро М. - М.: Прогресс, 1989. – С. 456-459.
- 22.Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С. 18-21.

23.Дюби Ж. Средневековое общество. Опыт обобщения //14 МКИН. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 1. - М.: АН СССР, 1975. - С. 93-106.

24.Дюби Ж. Дворянство в Маконэ в 11-12 вв// 14 МКИН. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 2. - М.: АН СССР, 1975. - С. 143-150.

25.Дюби Ж. Европа в средние века.-Смоленск: Полиграмма, 1994.-317 с.

26.Дюби Ж. История и социология западного средневековья: итоги исследования // 14 МКИН. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 2. - М.: АН СССР, 1975. - С. 151-155.

27.Дюби Ж. Мое отношение к Марксу // Французский ежегодник. 1983. - М.: Наука, 1985. – С. 45.

28.Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года. // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. – С. 48-60.

29.Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. - Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2000. - 378с.

30.Ле Гофф Ж. Культура средневекового Запада //14 МКИН. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 2. - М.: АН СССР, 1975. – С. 94-125.

31.Ле Гофф Ж. Мир воображаемого в средние века // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. Реф. сб. - М.: АН СССР, ИНИОН, 1990. – С. 75-108.

32.Ле Гофф Ж. Предисловие. //Блок М. Короли-чудотворцы. - М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 11-57.

33.Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М. Наука, 1991. - С. 29-44.

34.Ле Гофф Ж. Существовали французская историческая школа «Annales»? // Французский ежегодник. 1968. - М.: Наука, 1970. – С. 346-363.

35.Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 375 с.

36.Лепти Б., Гренье Ж.-И. О журнале «Анналы»//Одиссей. Человек в истории. 1991.- М.: Наука, 1991. – С. 314-321.

37.Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история//Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. - М.: Начала-Пресс, 1993. – Т. 1. Вып. 2. – С. 153-173.

38.Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. –С. 524.

39.Ле Руа Ладюри Э. Неподвижная история: Необходимые пояснения//Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». - М.: Наука, 1993г. – С. 115-116.

40.Мандру Р. Магистры и колдуны во Франции в 17 в. Анализ коллективной психологии//История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С. 174- 179.

41.Ревель Ж. История и социальные науки во Франции: На примере эволюции школы «Анналов»//Новая и новейшая история. - 1998 - №5, с.77-101; № 6 - с.64 - 88.

42.Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора//Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. - М.: Наука, 1993. - С. 51-58.

43.Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. - 629с.

44.Фюре Ф. О некоторых проблемах, поставленных развитием количественной истории // Философия и методология истории. - М.: Наука, 1977. – С. 245-261.

45.Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей //История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С.47-49.

46.Шартье Р. Мир как представление // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. – С. 74-78.

47.Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». - М.: Наука, 1993г. – С. 42-43.

48.Эмар М. Аграрная история: от изучения экономики к исторической антропологии // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». - М.: Наука, 1993г. – С. 130-137.

49.Chartier R. Le monde comme representation //Annales: economies, societies, civilisations. – P., 1989. A. 44, N 6. – P. 1505-1520.

50.Le Goff J. Mentalities: a history of ambiguities / Constructing the past: Essays in hist. methodology: Engl. transl./ Ed. by Le Goff J., Nora P. with an introd by Lucas C. – Cambridge etc.; P. :Cambridge univ. press, 1985. – P. 166-177.

51.Lepetit B. Macro-analysis, micro-analysis and the problem of generalization in social history // Социальная история: проблема синтеза. М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1994. - С.63-72

52.Duby G. Structures familiales dans le moyen age occidental //13 МКИН. Материалы к конгрессу. Доклады к конгрессу. Т. 1. Ч. 4. - М.: АН СССР, 1970. - С. 152-161.

53.Dupront A. Language et histoire //13 МКИН. Материалы к конгрессу. Доклады к конгрессу. Т. 1. Ч. 4. - М.: АН СССР, 1970. - С. 186-254.

Литература

1. Августин О граде Божьем// Философия истории: антология. - М., Аспект-Пресс, 1995. – С. 20-24.

2. Агирре Рохас К. А. «Анналы» и марксизм // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». - М.: Наука, 1993. – С. 101-107.

3. Адо А. В., Смирнов В. П. Послевоенная историография новой и новейшей истории // Новая и новейшая история. – 1997. - № 6.
4. Алтухов В.Л. Новое мышление – мышление о многомерном мире // Дружба народов. – 1994. - №2. - с. 140-158.
5. Арискин П. Люсьен Леви-Брюль и проблема исторического развития // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М.: Педагогика-Пресс, 1999. - 575-576 с.
6. Артога Ф. Попробуем поставить опыт // Анналы на рубеже веков: антология. - М., «21 век: Согласие», 2002. – С. 15-22.
7. Асмус В.Ф. Огюст Конт// Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. -М.: Мысль, 1984. – С. 203-216.
8. Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. - М.: Мысль, 1986. – 276 с.
9. Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории //Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3-х т. Т.1. - М.: Прогресс, 1986. – С. 5-28.
10. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. – 1995. - №12. – С. 3-20.
11. Бак Д.П., Кузнецова Н.И., Филатов В.П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественном знании // Вопросы философии. – 1998 - №5. - С. 144-150.
12. Барг М.А. «Анналы» и междисциплинарные методы исторического познания // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». - М.: Наука, 1993. – С. 65-70.
13. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – 342с.
14. Барг М.А. Проблемы социальной истории. М.: Наука, 1973. – 230 с.
15. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348с.

16. Баткин Л. М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. – 1986. - № 12. – С. 104-115.
17. Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного кн. Владимира и современная историческая наука// Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1994. – С. 33-80.
18. Бергсон А. Творческая эволюция. - М.: КАНОН – пресс, Кучково поле, 1998. – 384 с.
19. Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. С. 7-24.
20. Бессмертный Ю. Л. Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994 –1997 гг. // Новая и новейшая история. – 1998. - № 5. - С. 83 – 96.
21. Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. 1994. - М.: Наука, 1994. - С. 239-256.
22. Бессмертный Ю. А. История на распутье // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. - М.: Наука, 1993. - С. 3-15.
23. Бессмертный Ю. Л. Причины воинственности средневекового рыцарства // Вопросы истории. – 1965. - №7. – С. 193-194.
24. Бессмертный Ю. Л. Три новые книги Ж. Дюби // Средние века. Вып. 39. - М.: Изд-во АН СССР, 1975. - С. 253-255.
25. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. - М.: Политиздат, 1991. - 412с.
26. Блауберг И. И. Предисловие // Бергсон А. Творческая эволюция. - М.: КАНОН – пресс, Кучково поле, 1998. – С. 5-30.
27. Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука, 1983. – 286с.

28. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Кн. 1. Введение в церковную историю. - М.: изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. - 237с.
29. Бромлей Ю. В. Очерки истории этноса. - М.: Наука, 1983. – С. 412.
30. Бутенко А. П. Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл //Социальные исследования. – 1995. - № 5. – С. 92-102.
31. Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в 19-20 веках. - М.: Наука, 1979. – 270 с.
32. Валлерстайн И. Что после «Анналов»? // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. - М.: Наука, 1993. - С. 94-101.
33. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. – 702 с.
34. Визгин В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени //Философско-религиозные истоки науки/Под ред. П.П. Гайденко. – М.: МАртис, 1997. – С. 88-141.
35. Визгин В.П. Ментальность. // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.2. - М.: Мысль, 2001. - С. 525 –526.
36. Визгин В.П. История и метаистория. // Вопросы философия. – 1998.- №10. - С. 98-111.
37. Вжозек В. Историография как игра метафор: судьба «Новой исторической науки» //Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. –С. 60-74.
38. Вжозек В. От горизонтальных связей к метарефлексии // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем школы «Анналов». - М.: Наука, 1993. – С. 84-87.
39. Вильчек в.М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1993. – 224с.
40. Воронов А. И. Интуитивная философия Бегсона. - М.: Знание, 1962. – 48с.

41. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. - М., 1988. – 704с.
42. Гайденок П.П. Вильгельм Дильтей // современная западная философия / Ред. В.А. Лекторский. – М.: Политиздат, 1991. – С.96-97.
43. Гобозов И. А. Введение в философию истории. - М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1973. – 307с.
44. Гобозов И. А. Смысл и направленность исторического процесса. - М.: Изд-во МГУ, 1987. – 219 с.
45. Гобозов И. А. Современная французская буржуазная философия истории. – М.: изд-во МГУ, 1978. – 199с.
46. Гобозов И. А. Плюралистичность интерпретаций в историческом познании // Проблемы исторического познания.- М.: Наука, 1999.– С.123-130.
47. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. - М.: Наука, 1964
48. Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории (Опыт философско-социологического анализа некоторых общественных законов построения теории всемирно-исторического процесса). - Волгоград: «Учитель», 2000. – 357с.
49. Грзал Л., Попов С. Критика современных буржуазных социологических теорий. - М.: Прогресс, 1976. – 248 с.
50. Гулыга В.А. История как наука //Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. – С. 7-50.
51. Гуревич А. Я. Добротное ремесло (первая биография Марка Блока) //Одиссей. Человек в истории. 1991. - М.: Наука, 1991. – С. 75-83.
52. Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции. // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 352-373.
53. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология //Вопросы философии. – 1988. - № 1. – С. 56-70.
54. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». - М.: Индик, 1993. - 328 с.

55. Гуревич А. Я. История ментальностей и социальная история // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1993. – № 3. – С. 94-101.
56. Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории. - М.: Наука, 1986. – С. 182-231.
57. Гуревич А. Я. Новая историческая наука во Франции: достижения и трудности // История и историки. - М.: Наука, 1985. – С. 99-127.
58. Гуревич А. Я. Послесловие. // Блок М. Короли-чудотворцы. - М.: Языки русской культуры, 1998.- 667-678 с.
59. Гуревич А. Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. - М.: Наука, 1969. - 384-426с.
60. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. – 1990. - № 4. – С. 23-35.
61. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. – С. 512
62. Гуревич А. Я. Этнология и история в современной французской медиэвистике. // Советская этнография. - 1984. - №5. - С. 36-48.
63. Далин В. М. Историки Франции 19-20 веков.-М.:Наука,1981г.–327 с.
64. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира и Германо-Романского.- М.: Книга, 1991. – 574 с.
65. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея – Пресс, 2002. – 292с.
66. Джемс У. Прагматизм. Новое название для старых методов мышления. Популярные лекции по философии // Джемс У. Воля к вере. - М.: Республика, 19
67. Дильтей В. Описательная психология. - СПб.: Алетейя, 1996. – 155с.
68. Досон К. Христианский взгляд на историю// Философия истории: антология. - М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 248-261.

69. Дрюк М.А. Современные концепции многомерности новой парадигмы мышления. //Вестник Моск. Ун-та, серия 7 философия. – 2002. - №2. – С. 30-45
70. Дудина М.Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методiku преподавания истории. Екатеринбург, изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 396.
71. Дьяков И. М. Методология истории в прошлом и настоящем. - М.: Мысль, 1974. – 190 с.
72. Ерофеев Н.А. Что такое история. - М., 1976. – 176 с.
73. Ершов Ю. Г. Человек. Социум. История (социально-философские проблемы теории исторического прогресса). - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 152 с.
74. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1987. – 254с.
75. Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. - М.: изд-во МГУ. 1980. – 312 с.
76. Западная философия: итоги тысячелетия. - Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей, 1997. - 656с.
77. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Буржуазная философия середины 19 – начала 20 века. - М.: Высшая школа, 1988. - 520с.
78. Зубакова Н.Н., Б. Бейлин о французской школе «Анналов»: антитеза исторического и абстрактно-логического методов в историографии. -Казань: Казан. гос.ун-т им. В.И. Ульянов-Ленина, 1992.- 19с.
79. Иванов Г.М. Методологические проблемы исторического познания. М.: Высшая школа, 1981. – 296с.
80. Интервью с Александром Митрофановичем Ковалевым. // Вестник Моск. Ун-та, серия 7 философия. – 2002. - №4. – С. 3-24.
81. Историческая наука. Вопросы методологии. – М.: Мысль, 1986. – 261с.
82. Казаков Е.Ф. Исторический процесс как система. – Кемерово: изд-во Кем. Гос. Ун-та, 1992. – 180с.

83. Казус 2000: Индивидуальное и универсальное в истории /од ред. Бессмертного Ю.Л., Бойцова М.А. – М.: изд-во РГГУ, 2000. – 401с.
84. Каменский З.А. История философии как наука. - М.: Наука, 1992. – 123с.
85. Калиновский Ю.И. Философия образовательной политики: о позитивистском влиянии на советскую школу.- Тюмень:ТОГИРРО, 1999. - 148 с.
86. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 904с.
87. Кантор К.М. Дезинтеграционно-интеграционная спираль всемирной истории. //Вопросы философии. – 1997. - №3. – С. 31-47.
88. Кантор К.М. Четвертый виток истории. //Вопросы философии. - 1996. - №8. – С. 19-41.
89. Кант И. Прологеммы ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука //Кант И. Сочинения. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 1. - М.: Наука, 1963-1966. –С. 67-210.
90. Кареев Н.Н. Французские историки второй половины 19 века и начала 20 века. – Ленинград: изд-во «Колос», 1924. – 303с.
91. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. - М.: Академический Проект, 2000. – 314 с.
92. Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк// Философия истории: антология. - М., Аспект-Пресс, 1995. – С. 3-19.
93. Ключевский В. О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. - М.: Мысль, 1988. – 414 с.
94. Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: Прогресс, 1985. – 286 с.
95. Ковалев А.М. Способ духовного производства в структуре общества: Идеи, размышления, гипотезы. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2001. – 387с.
96. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. – 438 с.

97. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. - № 1. – С. 3-33.
98. Козловски П. Этика капитализма. - Спб.: Экономическая школа, 1996. – 198 с.
99. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. - М.: Наука, 1980.- с. 485.
100. Кон И. С., Люблинская А. Д. Труды французского историка Марка Блока // Вопросы истории. – 1955. - № 8. – С. 147-159.
101. Кондорсе Ж.А. Эскиз картины прогресса человеческого разума// Философия истории: антология. М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 38-48.
102. Конт О. Дух позитивной философии. - СПб.: Вестник знания, 1910. – 80 с.
103. Копосов Н.Е. Как думают историки. – М. Новое литературное обозрение, 2001. – 326.
104. Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории. // Вопросы философии. – 2001. - №6. – С. 32-41.
105. Кузнецов В. Н. Французская буржуазная философия 20 в. - М.: Мысль, 1970. – 319 с.
106. Кузнецов В.Н. Франсуа Мари Вольтер. - М., Мысль, 1978. - 223с.
107. Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социальные исследования. – 2000. - № 9. – С. 132-135.
108. Лазарев С.С. Онтология точности и прогностичности // Вопросы философии – 2004 - №1. – С. 113-127.
109. Лебедев В. Подлинная история (Можно ли написать историю «как она была на самом деле»?). // Вопросы философии. – 1996 - №11. – С. 137-142.
110. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. // История психологии: Тексты. - Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – С. 378-403.

111. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме //Вопросы философии. – 1997. - №11. – С. 46-72
112. Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс, Изд. фирма «Универсум», 1992. - 272с.
113. Лосев А.Ф. Форма - Стиль – Выражение. - М.: Мысль, 1995. - 944с.
114. Люблинская А. Д., Малов В. М. Рецензия на кн. Е. Le Roy Ladurie. Les paysans de languedoc. Paris, 1966. //Средние века. Вып. 34. - М.: Наука, 1991. – С. 24-25.
115. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. - М.: Мысль, 1979. – 431с.
116. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. - Петрозаводск: Предприятие по торговой и издательской деятельности «Петраком», 1993. – 136с.
117. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. - Спб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1993. – 229 с.
118. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. - М.: Издательство политической литературы, 1959 – С. 1-167.
119. Маркс К. Наемный труд и капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.6. - М.: Издательство политической литературы, 1957.
120. Маркс К. Немецкая идеология //Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1955 – С. 7-544.
121. Маркс К. Конраду Шмидту, 22 октября // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. – М.: Издательство политической литературы, 1965. - С. 414-422.
122. Маркс К. Йозефу Блоху, 21(-22) сентября// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1965. - С. 393 – 397.
123. Межуев В. М. Философия истории и историческая наука //Вопросы философии. – 1994. - № 4. – С. 74-86.
124. Мерцалов А.Н. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. – М.: Мысль, 1984. – 62с.

125. Метлов В. И. К вопросу об эволюции предмета исторического познания // Проблемы исторического познания. - М.: Наука, 1999. – С. 115-123.
126. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. – 174с.
127. Мучник В. М. Об антисциентистских тенденциях в западной историографической мысли 70-80-х гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1990. – С. 33-59.
128. Никитин Е.П. От идеологии к методологии // Вопросы философии. – 1998.- №10. – С. 77-87.
129. Ницше Ф. Антихристианин// Сумерки богов/Сост. и общ. ред. А.А.Яковлева. - М.: Политиздат, 1990. – С. 17-93.
130. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни //Философия истории: антология. - М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 131-143.
131. Новиков Н.В. Субъективный синтез Н.И. Кареева. // Вопросы философии. – 1996. - №7. – С. 146-154.
132. Основные вопросы философии истории. Ч. 1. Сущность и задачи философии истории. М.: Наука, 1987. – 311с.
133. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. - М.: Прогресс, 1987. – 527 с.
134. Панарин А.С. Смысл истории. // Вопросы философии. – 1999. - №9. – С.3-21.
135. Перцев А. В. Типы методологий историко-философского исследования: Закат рационализма. - Свердловск: изд-во Урал. Ун-та, 1991. - 193с.
136. Перцев А. В. Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям) // Толерантность: Материалы летней школы молодых ученых «Россия – Запад»: философские основания социокультурной толерантности». В 2-х ч. Ч. 2. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 150-234.

137. Перцев А. В., Лаптев А.А. Н. Гартман: немецкий рационализм после Канта и Гегеля // Западная философия: итоги тысячелетия. - Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей, 1997г. – С. 411-462.

138. Пименова Л. А. Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. - М.: Начала-Пресс, 1993. – Т. 1. Вып. 1. – С. 203-213.

139. Пиренн А. Средневековые города Бельгии. - М.: Соцэгиз, 1937. – 150 с.

140. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции. // Вопросы философии. – 1997. - №2. - С. 93-111.

141. Про А. Двенадцать уроков по истории. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 336с.

142. Проблемы исторического познания: Материалы международной конф., 19-21 мая, 1996г., Москва /Под ред. Севостьянова Г.Н. – М.: Наука, 1999. – 300с.

143. Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Политиздат, 1982. – 303 с.

144. Рассел Б. История западной философии. - Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998. –992 с.

145. Репина Л. П. Исследование демографических процессов и проблема синтеза в современной историографии западноевропейского феодализма // Женщина. Брак. Семья до начала нового времени: демографические и социокультурные аспекты. - М.: Наука, 1995. - С. 120-130.

146. Репина Л. П. Социальная история на пороге 21 в.: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблемы синтеза. - М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 1994. – С. 10-21.

147. Рожанский М. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. Под ред. Афанасьева Ю. А. и Ферро М. - М.: Прогресс, 1989. – С. 459-463.

148. Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера. // Вопросы философии. – 1995. - №12. – С. 55-69.

149. Розов М.А. Знание как объект исследования (воспоминания о работе новосибирского семинара 1963-1980). // Вопросы философии. – 1998. - №1. – С. 89-109.

150. Розов Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм. // Вопросы философии. – 1999. - №2. – С. 3-12.

151. Розовская И. И. Проблема социально-исторической психологии в зарубежной историографии 20 века // Вопросы философии. – 1972. - № 7. – С. 128-136.

152. Русакова О. Ф. Философия и методология истории в 20 веке. - Екатеринбург: изд-во УрО РАН, 2000. - 354с.

153. Руссо Ж.Ж. О происхождении и основаниях неравенства между людьми//Руссо Ж.Ж. Трактаты. - М., Наука, 1969. – С. 31-108.

154. Сарпова О.В. Ментальность: понятие и сущность// Региональное образование 21 века: проблемы и перспективы. Тюмень: ТОГИРРО. – 2003. - №6. – С. 11-15.

155. Сарпова О.В. Методологический плюрализм школы «Анналов» // Региональное образование 21 века: проблемы и перспективы. Тюмень: ТОГИРРО. – 2003. - №6. – С. 48-53.

156. Сарпова О.В. Проблема обновления содержания исторического образования через призму опыта французской историографической школы «Анналов»: необходимость изучения ментальности// Педагогическая и региональная культурология. Вып. 3./Под ред. Вержицкого Г.А., Макаренко А.А., Кривых С.В. СПб-Новокузнецк-Тюмень, ТОГИРРО, 2001. – С. 20-24.

157. Сарпова О.В. Роль и место менталитета в историческом процессе. Мет.пос. – Тюмень: ТОГИРРО, 2004. – 41с.

158. Сарпова О.В. Философские предустановки историка, их влияние на профессиональную деятельность// Теория и методология современного науч-

ного исследования в Тюменском регионе/Под ред. А.А. Макареми.- Тюмень: ТОГИРРО, 2004. – 85-107.

159. Сарпова О.В. Формирование ценностей современного общества: антропологический аспект (по материалам исследований французского историка Жака Ле Гоффа)// Региональное образование 21 века: проблемы и перспективы. Тюмень: ТОГИРРО. – 2003. - №6. – С. 56-65.

160. Сарпова О.В. Формирование ценности труда в современном обществе (по материалам исследований французского историка Жака Ле Гоффа)// Социальное партнерство в сфере профессионального образования. Материалы межотраслевой регионально-практической конференции 22-23 апреля 2004г. Тюмень: ТОГИРРО, 2004. – С. 28-30.

161. Свасьян К. А. Эстетическая сущность интуитивной философии А. Бергсона. - Ереван: АН АрССР, 1978. – 119 с.

162. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. - Брянск: Курсив, 1999. – С. 558 с.

163. Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. - М.: Старый сад, 1999. - 380 с.

164. Серовайский Я. Д. Рецензия на: Ж. Дюби. Общественный строй Маконской области в 11-12 вв. Париж. 1953. // Средние века. Вып. 18. -М.: Изд-во Ан СССР, 1960. - С.265 –280 с.

165. Современная французская буржуазная философия истории: Критический анализ / Под ред. В.Л. Малькова. – М.: Наука, 1978. – 506с.

166. Соколова М. Н. Историческая теория Фернана Броделя// Французский ежегодник. 1972. - М.: Наука, 1974 – С.

167. Соколова М. Н. Современная французская историография: Основные тенденции в объяснении исторического процесса. - М.: Наука, 1979. - 364с.

168. Соколова М. Н. От попыток создания глобальной истории к субъективизму и индетерминизму (о некоторых тенденциях развития современной

французской историографии) // Критика современной буржуазной и реформистской историографии. - М.: Наука, 1974. – С. 173-196.

169. Соломеин А.Ю. Об одном аспекте проблемы общей истории во французской историографии 18-20 вв. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всерос. Конф. Т.1. /Отв. Ред. Б.Г. Могильницкий. - Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 208-215.

170. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. - М., 1992.

171. Степин В. С. Поиск новых ценностей и стратегия развития России //Вестник Российского философского общества. - М.: Изд-во «Российское философское общество». - 2000. – № 1. – С. 8- 20.

172. Столович Л.Н. О системном плюрализме в философии. // Вопросы философии – 2000 - №9. – С.46-56.

173. Тартаковский М. Историософия: Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. – 336с.

174. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса /Е.М. Жуков, М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.И. Павлов. – М.: Наука, 1979. – 330с.

175. Трофимов В. К. Истоки и сущность русского менталитета. Дисс. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2000. – 326 с.

176. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе 19 века. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528с.

177. Уокер Л. М. Блок. Феодалное общество //14 МКИН. Материалы к конгрессу. Реферат. сб. Вып. 7. Проблемы феодализма. Ч. 1. - М.: АН СССР, 1975. - С. 87-92.

178. Федотова В. Г. Методология истории сегодня //Новая и новейшая история. –1996. – № 6. – С. 60-63.

179. Хвостова К. В. Количественные методы в истории// Вопросы философии – 2002 - №6. – С.60-68.

180. Хвостова К. В. Об особенностях современного исторического познания //Новая и новейшая история. – 1994. - № 4. – С. 79-82.

181. Хвостова К. В. К вопросу об историческом познании //Новая и новейшая история. –1993. - № 3. – С. 20-28.
182. Хвостова К. В. История: проблемы познания. //Вопросы философии. - 1997. - №4. – С. 61-71.
183. Хейзинга Й. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Осень средневековья. - М.: изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 416 с.
184. Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 3: Антропологическая историософия. - Новосибирск: изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – 714.
185. Ходонов А. С. История ментальности в современной французской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. – С. 129-149.
186. Шапалов В.Ф. Основы философии. От классики к современности. - М.: Фаир-Пресс, 2000. – 542 с.
187. Шкуратов В. А. Историческая психология. - Ростов-на/Д.: изд-во «Город N», 1994. – 288 с.
188. Шкуратов В. А. Психика. Культура. История. - Ростов-на/Д.: изд-во Рост. ун-та, 1990. - 251с.
189. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. - Минск: Современный литератор, 1999. – 1408с.
190. Шрейдер Ю.А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки). // Вопросы философии – 1996 - №7. – С. 164-180.
191. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
192. Янагида К. Философия истории. - М.: Прогресс, 1969. – 237 с.
193. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. – 527с.
194. Ящук А.Н. Методология исторической науки в трудах В. Дильтея. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всерос. Конф. Т.1./Отв. Ред. Б.Г. Могильницкий. - Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 198-201.

195. Aguirre Rojas C.A. Between Marx and Braudel: Making history, knowing history // Review. – Binghamton, 1992. – Vol. 15, N 2. – P. 175-219.
196. Burke P. The French historical revolution: The Annales school, 1929-89. – Stanford (Cal): Stanford univ. Press, 1990. – 152p.
197. Burke P. The Annales in global context // Intern. Rev. Of social history. – Assen, 1990. – Vol. 35, pt 3. – P. 421-432.
198. Brown R.H. Historical science as linguistic figuration //Theory a. soc. – Amsterdam etc., 1985. – Vol. 14, N 5. - p. 677-703.
199. Dosse F. History in pieces: from the militant to the triumphant *Annales*/Telos. –St. Louis. 1986 - N67. – P.163-176.
200. Gattinara E.C. Epistemologie, histoire et histoire des sciences dans les années 1930: 2.Une rencontre manquée au début des «Annales» //Rev. de synthese. – P., 1998. – T.119, N 1. – P. 37-61.
201. Lyon B. Marc Bloch: did he repudiate Annales history? //J. of medieval history. – Amsterdam, 1985. – Vol. 11, N 3. – P. 181-191.
202. Noiriel G. Pour une approche subjectiviste du social //Annales: economies, sociétés, civilisations. – P., 1989. A. 44, N 6. – P. 1435-1459.